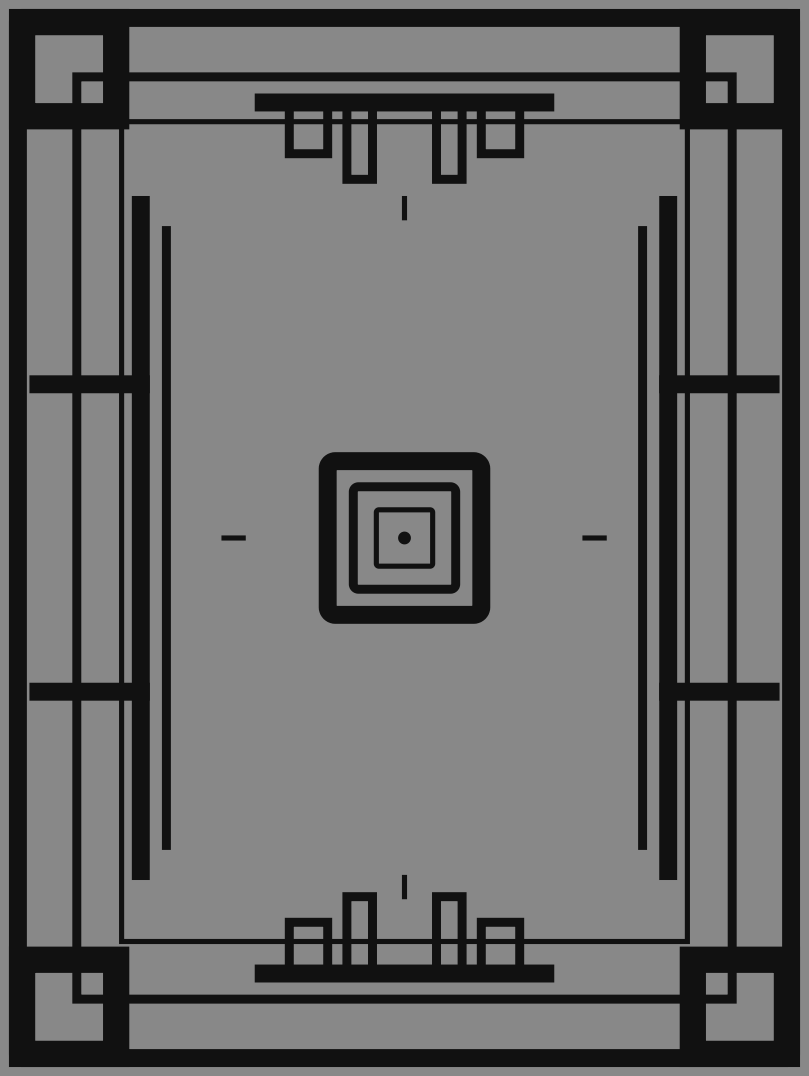

Путеводитель по Галактике для автостопщиков

Дуглас Адамс

Дуглас Адамс. Путеводитель по Галактике для автостопщиков
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35

Дуглас Адамс
Путеводитель по Галактике для автостопщиков

Джонни Броку, Клэр Горст и всем остальным арлингтонцам, с благодарностью за чай, сочувствие и диван

Где-то в закоулках одного нефешенебельного района западной спиральной ветви Галактики, которого даже нет на карте, находится маленькое неприметное желтое солнце.

На расстоянии около девяноста двух миллионов миль вокруг него вращается совершенно невзрачная зелено-голубая планета, произошедшие от обезьян жители которой настолько примитивны, что до сих пор считают электронные часы чем-то выдающимся.

У этой планеты есть — или, вернее, была — проблема, заключавшаяся в следующем: большинство людей на ней было почти всегда чем-то недовольно. Предлагалось множество решений этой проблемы, но почти все они были почему-то связаны с небольшими бумажками, в основном зелеными, что весьма странно, ведь бумажки-то как раз были всем довольны.

Так проблема и оставалась нерешенной: одни люди были жадными, другие жалкими, и даже электронные часы им не помогали.

Кое-кто был убежден в том, что людям не стоило в свое время спускаться с деревьев. Некоторые шли дальше и говорили, что и влезать-то на них было незачем, лучше было оставаться в океанах.

А затем, однажды в четверг, через без малого

две тысячи лет после того, как одного человека прибили гвоздями к кресту за то, что он предлагал людям просто попытаться стать добрее друг к другу, хотя бы для разнообразия, одна девушка, сидя в кафе в Рикмансуорте, вдруг поняла, в чем ошибка и, наконец, придумала, как сделать этот мир счастливым. На этот раз все было верно, все бы получилось, и никого не пришлось бы распинать.

Но, к несчастью, прежде чем она успела дойти до телефона и рассказать об этом кому-либо, произошла ужаснейшая и глупейшая катастрофа, и прекрасная идея была утрачена навсегда.

Но эта история не о ней.

Эта история — об ужасной и глупой катастрофе и некоторых ее последствиях.

Это также история о книге под названием «Путеводитель по Галактике для автостопщиков». Эта книга никогда не издавалась на Земле, и до катастрофы ни один землянин не видел ее и не слышал о ней.

Тем не менее, это замечательнейшая книга.

Возможно, это самая замечательная книга из всех, которые когда-либо выходили в издательских домах Малой Медведицы, о которых ни один землянин также никогда не слышал.

Эта книга не только замечательна, но и пользуется чрезвычайным успехом: она более популярна, чем «Небесная энциклопедия домашнего хозяйства»; она продается лучше, чем «Еще пятьдесят вещей, которыми можно заняться в нулевой гравитации»; она вызывает больше споров, чем трилогия философских блокбастеров Оолона Коллупхида «Ошибка Бога», «В чем еще Бог был неправ» и «Вообще, кто он такой, этот Бог?»

Во многих цивилизациях Внешней Восточной Оконечности Галактики, где нравы менее строги, «Путеводитель по Галактике для автостопщиков» в качестве общепринятого вместилища знаний и мудрости уже заменил Великую Галактическую Энциклопедию, поскольку, несмотря на то, что он кое в чем неполон, содержит много сомнительного или, во всяком случае, вопиюще неточного, он имеет два важных преимущества перед этим более старым и приземленным трудом.

Во-первых, он немного дешевле, а во-вторых, на его обложке большими и приятными для глаз буквами написаны слова «Без паники!»

Что же до истории об этом ужасном и нелепом четверге, о его невероятных последствиях, и о сложной взаимосвязи этих последствий с этой книгой, то она начинается очень просто.

Она начинается с дома.

Глава 1

Дом стоял на краю городка, на небольшом возвышении. Он стоял на отшибе, за ним начинались фермерские земли. Это был ничем не примечательный приземистый кирпичный дом с четырьмя окнами по фасаду, построенный лет тридцать назад. Размеры и пропорции его едва ли могли порадовать глаз.

Единственным человеком, неравнодушным к этому дому, был Артур Дент, да и то лишь потому, что он в нем жил. Он жил в нем уже около трех лет, с тех пор, как переехал из Лондона, который его нервировал и раздражал. Ему тоже было около тридцати лет, у него были темные волосы, и он не всегда был в ладах с самим собой. Он был больше всего психовал оттого, что люди постоянно спрашивали его, чего он так психует. Он работал на местной радиостанции и говорил своим друзьям, что эта работа гораздо интереснее, чем они, возможно, думают. А они и в самом деле так думали — большинство из них работало в рекламе.

В среду ночью был сильный дождь, садовая

дорожка раскисла, но наутро тучи разошлись, и солнце ярко осветило дом Артура Дента — в последний раз.

Артур еще не привык к мысли, что муниципалитет собирается снести его дом и проложить на его месте скоростную трассу.

В восемь утра в четверг Артур чувствовал себя неважно. Он кое-как проснулся, встал, вяло прошелся по комнате, открыл окно, увидел там бульдозер, нашел свои тапочки и пошлепал в ванную умываться.

Зубная паста — на щетке. Он почистил зубы.

Зеркало для бритья — смотрит в потолок. Он повернул его к себе. На миг в нем отразился второй бульдозер, видный в окно ванной, а потом щетина Артура Дента. Он сбрил ее, умылся, вытер лицо и пошлепал на кухню поискать чего-нибудь съесть.

Чайник, крышка, холодильник, молоко, кофе. Он зевнул.

В его голове, ища, с чем ассоциироваться, мелькнуло слово «бульдозер».

За окном кухни стоял довольно большой бульдозер.

— Желтый, — подумал он и пошлепал обратно в спальню одеваться.

Проходя мимо ванной, он остановился, чтобы выпить стакан воды, потом еще один. Он начал подозревать, что у него похмелье. А отчего похмелье? Он пил прошлым вечером? Скорее всего, да, подумал он. Что-то промелькнуло в зеркале. «Желтый», — подумал он и побрел в спальню.

Он остановился и задумался. Паб, думал он. О, боже, паб. Он смутно вспомнил, что был зол, зол из-за чего-то, что казалось ему важным. Он рассказывал об этом другим, и рассказывал, как он подозревал, очень долго; отчетливее всего он помнил стеклянные взгляды людей. Что-то такое, что он узнал о новой скоростной трассе. Любопытно. Он хлебнул воды. Все устроится, решил он вчера, эта трасса никому не нужна, муниципалитет не найдет поддержки. Все устроится.

Господи, зато какое из-за всего этого похмелье! Он посмотрел на себя в зеркало на дверце шкафа. Он высунул язык. «Желтый», — подумал он. В его голове, ища, с чем ассоциироваться, мелькнуло слово «желтый».

Через пятнадцать секунд он лежал во дворе перед большим желтым бульдозером, двигавшимся по его садовой дорожке.

Мистер Л. Проссер был, как говорят, всего лишь человеком. Другими словами, он был ос-

нованной на углероде двуногой формой жизни, произошедшей от обезьян. Конкретнее: он был сорокалетним толстяком со скверным характером и работал в муниципалитете. Очень интересно то, что, хотя он об этом и не знал, он был прямым потомком Чингисхана по мужской линии. Впрочем, многие поколения и смешения рас так перепутали его гены, что у него не осталось никаких монголоидных черт, и единственными напоминаниями о могущественном предке мистера Проссера были ярко выраженное пузо и страсть к меховым шапкам.

Он ни в коей мере не был великим воином, напротив, он был нервным и озабоченным человеком. Сегодня он был особенно озабочен тем, что у него серьезно не заладилась работа — проследить за тем, чтобы дом Артура Дента был снесен до конца дня.

— Бросьте, мистер Дент, — говорил он. — Вы прекрасно знаете, что ничего не добьетесь. Не будете же Вы бесконечно лежать перед бульдозером. — Он попытался гневно сверкнуть глазами, но они не сверкали.

Артур лежал в грязи, и она издевательски хлюпала на мистера Проссера.

— А может, буду? — сказал он с вызовом. —

Посмотрим, кто дольше выдержит.

— Боюсь, Вам некуда деваться, — сказал мистер Проссер, схватившись за свою меховую шапку и ворочая ею по макушке. — Нужно строить скоростную трассу, и ее будут строить!

— Впервые об этом слышу, — ответил Артур. — Зачем?

Мистер Проссер погрозил ему пальцем, потом подумал и спрятал палец.

— Как зачем? — сказал он. — Это же скоростная трасса! Их нужно строить.

Скоростные трассы — это приспособления, которые позволяют людям очень быстро переезжать из пункта А в пункт Б, не мешая людям, которые очень быстро переезжают из пункта Б в пункт А. Люди же, живущие в пункте В, находящемся между ними, часто удивляются, что такого есть хорошего в пункте А, что люди из пункта Б так хотят туда попасть, и что такого есть хорошего в пункте Б, что люди из пункта А так хотят туда попасть. Они бы не возражали, если бы люди раз и навсегда решили для себя, где же им все-таки лучше.

А мистеру Проссеру хотелось быть в точке Г. Точка Г не была каким-то конкретным местом, это могло быть любое удобное местечко подаль-

ше от точек А, Б и В. Он бы хотел иметь в точке Г милый домик с топориками на двери и приятно проводить время в точке Д, которая представляла бы собой ближайший к точке Г паб. Вообще-то, его жена хотела бы, чтобы на двери были розы, но он предпочитал топорики. Он и сам не знал, почему — просто ему нравились топорики.

Ему было жарко под глумливыми ухмылками бульдозеристов. Он переминался с одной ноги на другую, но и на той, и на этой ему было одинаково неудобно. Очевидно, кто-то оказался до отвратительности некомпетентным, и он от всей души надеялся, что это не он.

Мистер Проссер сказал:

— Ведь у Вас было время для жалоб и предложений.

— Время? — возмутился Артур. — Какое время? Я узнал об этом только вчера, когда ко мне пришел рабочий. Я спросил его, не мыть ли окна он пришел, а он ответил, что пришел ломать дом. То есть, он сказал мне об этом не сразу, а сначала протер пару окон и взял с меня за это пятерку.

— Но, мистер Дент, план строительства висел в муниципалитете целых девять месяцев.

— Да, конечно, как только я об этом вчера услышал, я пошел посмотреть на этот план. Вы ведь

не стали утруждать себя тем, чтобы привлечь к нему внимание, и не довели его до сведения населения.

— Но план висел на доске объявлений.

— На какой доске? Чтобы найти его, мне пришлось спуститься в подвал!

— Да, доска объявлений находится именно там.

— С фонарем!

— Наверное, лампочка сгорела.

— А лестница в подвал тоже сгорела?

— Но ведь вы же нашли объявление, правда?

— Да, — сказал Артур, — нашел. Оно было на дне запертого шкафа с бумагами, который стоял в неработающем туалете, на двери которого висела табличка «Осторожно, леопард!»

Над ними проплыло облако. Оно бросило тень на Артура Дента, лежавшего, опершись на локоть, в холодной грязи. Мистер Проссер нахмурился.

— Ну, это ведь не такой уж хороший дом… — сказал он.

— Извините, но мне нравится.

— Скоростная трасса понравится вам больше.

— Ох, замолчите, — сказал Артур Дент. — Замолчите и убирайтесь вместе с вашей трассой. Вы не имеете права и сами об этом знаете.

Мистер Проссер пару раз открыл и закрыл рот, а в уме его промелькнула необъяснимая, но ужасно привлекательная картина: дом Артура Дента пожирает пламя, а сам Артур с воплями выбегает из пылающих развалин с тремя, как минимум, мощными копьями, торчащими из спины. Голос его задрожал, но он овладел собой.

— Мистер Дент, — сказал он.

— Да, я слушаю, — ответил Артур.

— Немного фактов. Вы знаете, насколько пострадает этот бульдозер, если переедет вас.

— Насколько же? — спросил Артур.

— Ровным счетом ни насколько, — ответил мистер Проссер и нервно пошел прочь, не понимая, откуда взялись вдруг в его голове тысячи волосатых всадников и почему они на него кричат.

По любопытному совпадению, именно «ровным счетом ни насколько» не подозревал произошедший от обезьяны Артур о том, что один из его близких друзей вовсе не произошел от обезьяны, а прибыл с небольшой планеты неподалеку от Бетельгейзе. Впрочем, он всем говорил, что он из Гилфорда.

Артур Дент об этом совершенно не подозревал.

Этот человек появился на Земле примерно за пятнадцать земных лет до описываемых собы-

тий и прилагал все усилия, чтобы не выделяться ничем особенным среди местного населения — весьма, надо сказать, успешно. Например, все эти пятнадцать лет он притворялся безработным актером, что было достаточно правдоподобно.

Он допустил, однако, одну оплошность, уделив недостаточно внимания предварительным исследованиям. На основании собранной им информации он выбрал себе имя Форд Префект, решив, что в нем нет ничего особенного.

Он был не особенно высокого роста, его черты были яркими, но не особенно красивыми. У него были жесткие рыжеватые, зачесанные назад волосы. Его кожа, казалось, была натянута от носа к затылку. В нем было что-то странное, хотя трудно было сказать, что именно. Возможно, он недостаточно часто моргал, и при разговоре с ним, даже недолгом, ваши глаза невольно начинали слезиться. Или может, его улыбка была немного шире, чем нужно, и у людей возникало ощущение, что он вот-вот бросится им на шею.

Друзья, которых он завел на Земле, считали его эксцентричным, но безобидным человеком — пьяницей со странными привычками. Например, он часто являлся без приглашения на университетские вечеринки, напивался и начинал

глумиться над любым бывшим там астрофизиком до тех пор, пока его не вышвыривали вон.

Иногда, в странном отвлеченном настроении, он, как загипнотизированный, смотрел в небо, пока кто-нибудь не спрашивал его, что он делает. Он виновато вздрагивал, затем, успокоившись, усмехался.

— Да так, высматриваю летающие тарелки, — шутил он, и все смеялись и спрашивали, какие именно летающие тарелки он надеется увидеть.

— Зеленые! — отвечал он с ехидной улыбкой и бешено хохотал, а затем бросался к ближайшему бару и заказывал всем невероятное количество выпивки.

Как правило, такие вечера кончались плохо. Форд напивался до одури, затаскивал в угол какую-нибудь девушку и невнятно пытался втолковать ей, что на самом деле цвет летающих тарелок большого значения не имеет. После этого он полупарализованно ковылял по ночной улице и спрашивал у полицейских, как добраться до Бетельгейзе. Полицейские обычно говорили ему что-нибудь вроде:

— А не пора ли Вам домой, сэр?

— Давно пора, милый, давно пора, — неизменно отвечал в таких случаях Форд.

В действительности же, глядя отрешенно в ночное небо, он высматривал там любую, какую угодно летающую тарелку. Он говорил «зеленые» лишь потому, что космические коммивояжеры с Бетельгейзе были обычно зелеными.

Форд Префект в отчаянии ждал хоть какой-нибудь летающей тарелки, потому что пятнадцать лет — слишком долгий срок, чтобы застрять где-то, тем более в таком умопомрачительно скучном месте, как Земля.

Форду не терпелось поскорее ее дождаться, потому что он знал, как путешествовать автостопом на летающих тарелках. Еще он знал, как можно посмотреть чудеса Вселенной меньше, чем за тридцать альтаирских долларов в день.

Форд Префект был разъездным корреспондентом-исследователем замечательнейшей книги «Путеводитель по Галактике для автостопщиков».

Человеческие существа превосходно ко всему адаптируются, и к полудню жизнь возле дома Артура приобрела обыденный характер. Общепринятой ролью Артура было лежать, хлюпая, в грязи и время от времени требовать адвоката, свидания с матерью или хорошую книгу. Общепринятой ролью мистера Проссера было

развлекать Артура время от времени новыми затеями вроде бесед на темы «О благе общества», «О победном шествии прогресса», «Вы знаете, ведь мой дом тоже однажды снесли и даже не извинились» и прочими увещеваниями и угрозами. Общепринятой ролью бульдозеристов было сидеть, пить кофе и рассуждать, могут ли профсоюзные законы обернуть данную ситуацию к их материальной выгоде.

Земля медленно двигалась по своей орбите.

Грязь, в которой лежал Артур, начала высыхать под солнцем. Его снова накрыла тень. Она сказала:

— Привет, Артур.

Артур взглянул вверх, щурясь от солнца, и с удивлением увидел над собой Форда Префекта.

— Форд! Привет, как поживаешь?

— Отлично, — ответил Форд. — Послушай, ты не занят?

— Занят? — воскликнул Артур. — Ну, видишь ли, я тут лежу перед этими бульдозерами, чтобы они не сломали мой дом, а кроме этого… в общем-то нет, а что?

На Бетельгейзе нет сарказма, поэтому Форд Префект зачастую не распознавал его, если только специально на этом не концентрировался.

Он сказал:

— Вот и хорошо. Мы можем где-нибудь поговорить?

— Что? — удивился Артур Дент.

Но тут Форд как будто вдруг забыл о нем и несколько секунд смотрел в небо, застыв, как кролик, пытающийся кинуться под колеса. Потом он торопливо присел на корточки возле Артура.

— Нам нужно поговорить, — сказал он быстро.

— Хорошо, — сказал Артур, — давай поговорим.

— И выпить, — сказал Форд. — Жизненно важно, чтобы мы поговорили и выпили, прямо сейчас. Пойдем в паб.

Он снова посмотрел на небо, нервно и напряженно.

— Послушай, ты разве не понимаешь? — воскликнул Артур. Он показал на Проссера. — Этот человек хочет снести мой дом!

Форд взглянул на него с недоумением.

— А разве он не может сделать это без тебя? — спросил он.

— Я не хочу, чтобы он это делал!

— А, вот оно что.

— Форд, да что случилось? — спросил Артур.

— Ничего. Ничего не случилось. Слушай, я дол-

жен сказать тебе самую важную вещь в твоей жизни. Я должен сказать ее тебе прямо сейчас, в баре «Лошадь и кучер».

— Почему там?

— Потому что тебе потребуется как следует выпить.

Форд пристально посмотрел на Артура, и Артур в смятении почувствовал, как слабеет его воля. Он не знал, что причиной этому была старая игра, которой Форд научился в гиперкосмических портах, обслуживающих мадранитовые рудные пояса в звездной системе Бета Ориона.

Эта игра имела нечто общее с земным перетягиванием каната. Играли в нее так: два противника садились за стол напротив друг друга, перед каждым стоял стакан. Посередине ставили бутылку джанкс-спирта, обессмерченного в древней песне орионских шахтеров:

Ох, не наливайте мне старинного джанкс-спирта

Ой, не наливайте мне старинного джанкс-спирта

Крыша едет, глазки в кучку, заплетается язык

Ой, налейте мне еще проклятого

джанкс-спирта.

Затем каждый из противников концентрировал свою волю на бутылке и старался наклонить ее взглядом и вылить спирт в стакан другого, который его и выпивал. Бутылку вновь наполняли и играли еще раз. Затем еще.

Начав проигрывать, вы проигрывали наверняка, потому что джанкс-спирт имеет свойство подавлять телепсихику. Когда оговоренный объем выпивался, проигравший должен был выполнить фант, который обыкновенно бывал непристойно физиологичным.

Форд Префект обычно играл на проигрыш.

Форд пристально смотрел на Артура, который начал думать, что, пожалуй, и вправду было бы неплохо сходить в «Лошадь и кучер».

— А как же мой дом? — спросил он жалобно.

Форд посмотрел на мистера Проссера, и внезапно ему на ум пришла гадкая идейка.

— Он хочет снести твой дом?

— Да, и построить.

— И не может, потому что ты лежишь перед бульдозером?

— Да, и.

— Я думаю, это можно устроить, — сказал Форд. — Прошу прощения! — крикнул он.

Мистер Проссер (который спорил с представителем бульдозеристов о том, представляет ли Артур Дент опасность для их психического здоровья, и сколько они должны получить в случае, если представляет) оглянулся. Он был удивлен и слегка встревожен тем, что у Артура появился сообщник.

— Да? — откликнулся он. — Мистер Дент внял рассудку?

— Предположим, — ответил Форд, — что нет.

— И что же тогда? — вздохнул мистер Проссер.

— Предположим также, — сказал Форд, — что он пролежит здесь весь день.

— И что?

— И ваши рабочие тогда простоят здесь весь день, так?

— Может быть, может быть.

— Ну, так если вы все равно будете стоять, то вам не обязательно, чтобы он здесь лежал все это время?

— Что?

— Он не будет нужен вам все это время, — спокойно повторил Форд.

Мистер Проссер подумал.

— Вообще-то, нет, — сказал он, — пожалуй, не будет. — Проссер был озадачен. Ему показалось,

что один из них говорит ерунду.

Форд сказал:

— Значит, если вы прикроете глаза на его отсутствие, мы с ним сможем сходить на полчасика в паб. Как вы считаете?

Мистер Проссер подумал, что считает это совершенной чушью.

— Очень разумно, — сказал он уверяющим тоном, не вполне понимая, кого же он хочет уверить.

— А потом, если вы захотите сбегать, — сказал Форд, — то мы вас тоже прикроем.

— Спасибо, — сказал мистер Проссер, совсем переставший понимать, как ему вести себя в этой ситуации, — спасибо, вы очень любезны. — Он сначала нахмурился, потом улыбнулся, потом попытался сделать и то, и другое одновременно, но не смог, схватился за свою меховую шапку и потер ею макушку. Все, что он смог понять, это то, что он выиграл.

— Итак, — продолжал Форд Префект, — если вы будете любезны лечь.

— Что? — опешил мистер Проссер.

— Извините, — сказал Форд, — наверное, я не вполне ясно объяснил, чего хочу. Кто-то ведь должен лежать перед бульдозером? Иначе он просто

поедет и сломает дом мистера Дента.

— Что? — повторил мистер Проссер.

— Все очень просто, — сказал Форд, — мой клиент, мистер Дент, говорит, что не будет весь день лежать в грязи при единственном условии: вы займете его место.

— Что ты несешь? — спросил Артур, но Форд пихнул его ногой, чтобы он молчал.

— Вы хотите, — произнес мистер Проссер, формулируя для себя эту новую мысль, — чтобы я взял и лег.

— В грязь?

— Именно, как вы выражаетесь, в грязь.

Когда мистер Проссер понял, что он все-таки проиграл, то почувствовал, что камень упал с его души: это было как-то привычнее. Он вздохнул:

— А вы сводите мистера Дента в паб?

— Совершенно верно, — сказал Форд.

Мистер Проссер неуверенно шагнул вперед и остановился.

— Вы обещаете?

— Обещаю, — сказал Форд. Он повернулся к Артуру.

— Пойдем, — сказал он ему, — встань и уступи человеку место.

Артур встал, как будто во сне.

Форд указал мистеру Проссеру на лужу, и тот печально и неловко уселся в нее. Он чувствовал себя так, как будто вся его жизнь — сон, и иногда он задумывался: а чей это сон, и нравится ли этот сон этому человеку? Грязь обволакивала его седалище и руки и просачивалась в ботинки.

Форд строго посмотрел на него.

— И не вздумайте потихоньку снести дом мистера Дента, пока его здесь нет, ладно? — сказал он.

— Мысль об этом, — проворчал мистер Проссер, устраиваясь лежа, — не начала даже размышлять о возможности прийти мне на ум.

Увидев, что к нему приближается представитель союза бульдозеристов, он откинул голову и закрыл глаза. Он постарался собраться с мыслями, чтобы доказать, что он не представляет угрозы ничьему психическому здоровью, в чем он далеко не был уверен. Голова его была полна шума, лошадей, дыма и запаха крови. Так бывало всегда, когда он чувствовал себя жалким и раздавленным, и он сам не мог объяснить себе, почему. В высшем измерении, о котором нам ничего не известно, могучий хан ревел в ярости, но мистер Проссер лишь дрожал и скулил. Он почувствовал, что под веками у него стало влажно. Бюрократи-

ческие ляпсусы, лежащие в грязи сердитые люди, непостижимые незнакомцы с необъяснимыми унижениями, голова, полная хохочущих над ним всадников, — что за день!

Что за день! Форд Префект знал, что теперь уже не имеет ни малейшего значения, снесут дом Артура Дента или не снесут. А Артур все еще волновался.

— Разве ему можно верить? — спрашивал он.

— Лично я готов верить ему хоть до самого конца света, — ответил Форд.

— Да? И когда же он, по-твоему, наступит?

— Через двенадцать минут, — сказал Форд. — Идем, нужно выпить.

Глава 2

Вот что говорится в Великой Галактической Энциклопедии об алкоголе. В ней говорится, что алкоголь — это бесцветная летучая жидкость, получаемая при ферментации сахара, и отмечается также ее одурманивающее воздействие на некоторые формы жизни, основанные на углероде.

«Путеводитель по Галактике для автостопщиков» также упоминает алкоголь. Он говорит, что самый лучший из существующих алкогольных напитков — это пангалактический бульк-бластер.

Вот как он описывает действие пангалактического бульк-бластера: «как будто вам по мозгам заехали ломтиком лимона с завернутым в него здоровенным слитком золота».

Путеводитель также сообщает, на каких планетах смешивают самый лучший пангалактический бульк-бластер, сколько он может стоить, и какие благотворительные организации помогут вам справиться с его последствиями.

Путеводитель даже описывает, как вы сами можете его приготовить:

Выжмите сок из одной бутылки старого джанкс-спирта, говорит он.

Влейте в него одну часть воды морей Сантрагинуса-5. О, эта сантрагинская морская вода, говорит он. О, эта сантрагинская рыба!!!

Бросьте в эту смесь и дайте растаять трем кубикам арктурского мега-джина (он должен быть хорошо заморожен, иначе теряется аромат).

Газируйте смесь четырьмя литрами фаллийского болотного газа, в память о счастливых автостопщиках, умерших от удовольствия в болотах Фаллии.

По серебряной ложечке влейте одну часть экстракта квалактинской гипермяты, очищенной от тяжелых запахов темных квалактинских зон, сладковатой и таинственной.

Бросьте зубчик алгольского солнечника. Посмотрите, как он растворится, насыщая напиток пламенем алгольских солнц.

Сбрызните замфором.

Положите оливку.

Пейте, но очень осторожно.

«Путеводитель по Галактике для автостопщиков» продается гораздо лучше, чем Великая Галактическая Энциклопедия.

— Шесть пинт горького, — сказал Форд Префект бармену в «Лошади и кучере». — И побыстрее, пожалуйста: вот-вот наступит конец света.

Бармен «Лошади и кучера» был величавым стариком и не заслужил такого обращения. Он взял кружки и посмотрел на Форда Префекта. Форд отвернулся и стал смотреть в окно. Бармен посмотрел на Артура, который беспомощно пожал плечами и ничего не сказал. Тогда он произнес:

— В самом деле, сэр? Погода в самый раз для этого, — и начал наливать пиво.

Комментариев не последовало. Он снова попытался завести разговор:

— Собираетесь смотреть матч сегодня вечером?

Форд едва взглянул на него.

— Нет, какой смысл? — бросил он и высунулся в окно.

— Вы все уже для себя решили, сэр? Вы думаете, у «Арсенала» нет шансов?

— Нет, я не об этом, — сказал Форд, — просто сейчас будет конец света.

— Да, сэр, вы уже говорили, — сказал бармен,

переводя взгляд на Артура. — Для «Арсенала» это было бы очень кстати.

Форд с неподдельным удивлением посмотрел на него.

— Сомневаюсь, — сказал он и нахмурился.

Бармен тяжело вздохнул.

— Ваши шесть пинт, сэр.

Артур жалко улыбнулся ему и снова пожал плечами. Он повернулся и жалко улыбнулся всем, кто был в пабе, на случай, если они слышали их разговор. Но они не слышали, и поэтому никто не понял, чему он улыбался.

Человек, сидевший у стойки рядом с Фордом, посмотрел на двух человек с шестью пинтами, быстро посчитал в уме и улыбнулся им тупо и с надеждой.

— Отвали, это все нам, — сказал Форд и посмотрел на него взглядом, который мог бы добавить энергии алгольскому солнечнику.

Форд хлопнул о стойку пятифунтовой банкнотой и сказал:

— Сдачи не надо.

— С пятерки? Спасибо, сэр.

— У вас есть еще десять минут, чтобы их потратить.

Бармен счел за лучшее просто отойти в сто-

ронку.

— Форд, — сказал Артур, — может, ты объяснишь мне, что происходит?

— Пей, — сказал Форд, — тебе нужно осилить три пинты.

— Три пинты? В обед?

Человек рядом с Фордом улыбнулся и радостно закивал. Форд не обратил на него внимания. Он сказал:

— Время — это иллюзия, а обеденное время — тем более.

— Очень тонко, — сказал Артур, — отошли это в «Ридерз Дайджест», у них есть рубрика для таких, как ты.

— Пей.

— Но зачем сразу три пинты?

— Расслабляет мышцы, тебе это потребуется.

— Расслабляет мышцы?

— Расслабляет мышцы.

Артур уставился в кружку.

— Или сегодня какой-то не такой день, — произнес он, — или мир всегда был таким, но я этого не замечал.

— Ладно, — сказал Форд, — попробую объяснить. Сколько лет мы знакомы?

— Сколько? — Артур задумался. — Лет пять

или шесть. Но за все это время ничего такого не случалось.

— Хорошо, — сказал Форд. — А что, если я скажу, что я вовсе не из Гилфорда, а с маленькой планеты недалеко от Бетельгейзе?

Артур неопределенно пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он и сделал глоток. — А ты собираешься это сказать?

Форд сдался. Все это уже не имело значения. Он просто поторопил:

— Пей, — и добавил обыденным тоном, — конец света скоро.

Артур снова жалко улыбнулся сидящим в пабе. Сидящие нахмурились в ответ. Один из них махнул ему рукой, чтобы он перестал им улыбаться и занимался своими делами.

— Сегодня, наверное, четверг, — задумчиво сказал Артур, склоняясь над кружкой, — по четвергам у меня всегда самые дрянные похмелья.

Глава 3

В этот самый четверг что-то тихо двигалось сквозь ионосферу за много миль от поверхности планеты; вернее, не что-то, а много чего-то — это были десятки желтых массивных, угловатых, ломтеобразных тел, огромных как небоскребы и бесшумных, как птицы. Они легко и лениво плыли в электромагнитных лучах звезды по имени Солнце, выстраиваясь в заданный порядок и ожидая указаний.

Планета внизу совершенно не замечала их присутствия, что им и было нужно. Огромные желтые тела пролетели незамеченными над космодромами Гунхилли и мысом Канаверал, обсерватории Вумера и Джодрелл Бэнк смотрели сквозь них и ничего не увидели, — а жаль, ведь это было именно то, чего они ждали многие годы.

Единственным, что среагировало на их приближение, был маленький черный прибор под названием «суб-эфирный сенсор». Он лежал и тихонько помигивал в кожаной сумке, которую Форд Префект все время носил на плече. У любого земного физика глаза вылезли бы на

лоб, увидь он содержимое этой сумки. Именно поэтому Форд Префект всегда прятал его под парой потрепанных рукописей якобы разучиваемых им пьес. Кроме суб-эфирного сенсора и рукописей в сумке был «электронный палец» — короткий и толстый черный стержень, округлый и матовый, с несколькими переключателями и индикаторами на одном конце. Еще там был прибор, похожий на большой калькулятор. На нем было около сотни маленьких кнопок и экран в четыре квадратных дюйма, на котором можно было высветить и быстро пролистать миллион страниц. Он выглядел безумно сложным, и это было одной из причин того, что на его удобном пластиковом футляре большими приятными для глаз буквами было написано «Без паники!». Еще одной причиной этому было то, что прибор был, на самом деле, самой замечательной из всех книг, изданных когда-либо великими книгоиздательскими корпорациями Малой Медведицы — «Путеводителем по Галактике для автостопщиков». Он был издан в форме электронного прибора потому, что будь он обычной книгой, то космическому автостопщику, чтобы носить его с собой, потребовалось бы несколько неудобных складских зданий.

Кроме этого, в сумке у Форда Префекта было несколько авторучек, записная книжка и большое полотенце от Маркса и Спенсера.

«Путеводитель по Галактике для автостопщиков» говорит кое-что о полотенцах.

Полотенце, говорит он, это самая полезная вещь для космического автостопщика. Отчасти потому, что оно имеет большую практическую ценность: вы можете обернуться им для тепла на холодных лунах Беты Джаглана; вы можете лежать на нем на восхитительных песчаных пляжах Сантрагинуса-5, вдыхая терпкий морской воздух; вы можете спать, укрывшись им, под красными звездами в пустынных мирах Какрафуна; сделать из него парус, плывя на маленьком плоту по медленной реке под названием Моль; намочить его, завязать на конце узел и использовать в драке; обернуть им голову для защиты от едких запахов или взгляда свирепого клоповидного зверя с планеты Трааль (умопомрачительно тупое животное: оно думает, что если вы не видите его, то оно не видит вас; глупое, как полено, но очень свирепое); вы можете размахивать полотенцем, чтобы вас заметили, и, конечно же, вытираться им, если оно все еще достаточно чистое.

Но что более важно, полотенце имеет неизме-

римую психологическую ценность. Например, если стрэг (стрэг: не автостопщик) знает, что у автостопщика есть с собой полотенце, он автоматически предположит, что у него также есть зубная щетка, мочалка, мыло, печенье, фляжка, компас, карта, моток бечевки, жидкость от комаров, зонтик, космический скафандр и т. д., и т. п. Более того, стрэг тогда с радостью одолжит автостопщику любую из этих вещей или с десяток других, которые автостопщик мог якобы потерять. Стрэг предположит, что человек, который исколесил всю Галактику вдоль и поперек, прошел через голод, нужду и лишения, и все-таки имеет при себе полотенце, это человек, с которым можно иметь дело.

Отсюда такая фраза из жаргона автостопщиков, как: «Послушай, ты зючишь этого хипеля Форда Префекта? Это тот еще фрюкт, он всегда при полотенце». (Зючить: знать, быть наслышанным, встречать, иметь сексуальные отношения; хипель: солидно упакованный парень; фрюкт: реально солидно упакованный парень.)

Суб-эфирный сенсор в сумке Форда Префекта замигал чаще. Высоко над Землей огромные желтые тела начали разворачиваться веером. А кто-то в Джодрелл Бэнке решил, что пора вы-

пить чаю.

— У тебя есть с собой полотенце? — неожиданно спросил Форд Префект у Артура.

Артур, с трудом вливающий в себя третью пинту, посмотрел на него.

— Нет, а зачем? Разве это нужно? — он уже перестал чему-либо удивляться, решив, что это бессмысленно.

Форд раздраженно хмыкнул.

— Допивай, — поторопил он.

В это время сквозь разговоры людей, музыку из музыкального автомата и икание человека рядом с Фордом, которого он, в конце концов, угостил виски, до них донесся снаружи глухой рокот. Артур поперхнулся пивом и вскочил на ноги.

— Что это? — вскрикнул он.

— Не волнуйся, — сказал Форд, — они еще не начали.

— Слава Богу, — сказал Артур, успокаиваясь.

— Наверное, это просто ломают твой дом, — сказал Форд, допивая свое пиво.

— Что? — завопил Артур. Гипноз Форда внезапно развеялся. Артур с безумным видом заозирался вокруг и бросился к окну.

— Они сносят мой дом! Какого черта я делаю в пабе, Форд?

— Теперь это уже вряд ли имеет значение, — сказал Форд, — пусть себе потешатся.

— Потешатся? — вскричал Артур. — Потешатся! — он выглянул в окно, чтобы убедиться в том, что они говорят об одном и том же. — Какая, к чертям, потеха?

Он выскочил из паба, размахивая полупустой кружкой. В этот раз он ни с кем в пабе не сдружился.

— Стойте, вандалы! Разрушители! — завывал Артур. — Полоумные варвары, остановитесь!

Форд кинулся было за ним, но вернулся и спросил у бармена четыре пакетика орешков.

— Пожалуйста, сэр, — сказал бармен, кладя пакетики на стойку, — двадцать восемь пенсов, будьте любезны.

Форд был несказанно любезен: он дал бармену еще одну пятифунтовую банкноту и не взял сдачи. Бармен посмотрел на деньги, а потом на Форда. С внезапной дрожью он вдруг испытал некое мгновенное ощущение, которое никак не смог бы описать, потому что никто на Земле еще никогда его не испытывал. В минуты сильного стресса все существующие формы жизни подают слабый неосознанный сигнал. Этот сигнал передает точное эмоциональное осознание того,

насколько далеко это существо находится от места, где оно родилось. На Земле невозможно находиться от места своего рождения дальше, чем на шестнадцать тысяч миль, что не очень далеко, поэтому такие сигналы слишком слабы, чтобы их можно было заметить. Форд Префект в этот момент испытывал очень сильный стресс, а родился он в шестистах световых годах от этого паба, невдалеке от Бетельгейзе.

Бармен пошатнулся, потрясенный шокирующим, непостижимым чувством расстояния. Он не знал, что это было, но посмотрел на Форда с новым чувством уважения, почти что трепета.

— Так вы серьезно, сэр? — спросил он тихим шепотом, который заставил замолчать всех в пабе. — Вы думаете, что наступает конец света?

— Да, — сказал Форд.

— Именно сегодня?

Форд пришел в себя. Расположение духа у него было самое игривое.

— Да, — ответил он весело, — по моим расчетам, уже через пару минут.

Бармен не мог поверить тому, что слышал.

— Разве ничего нельзя сделать? — спросил он.

— Нет, ничего, — ответил Форд, запихивая орешки в карман.

Кто-то из посетителей громко захохотал над всеобщей глупостью.

Человек рядом с Фордом был уже пьян. Он кое-как зацепился за Форда взглядом.

— А по-моему, — исторг он, — когда наступает конец света, нужно лечь и натянуть на голову бумажный пакет или что-то в этом роде.

— Да, если хочешь, — сказал ему Форд.

— Так нас учили в армии, — сказал человек и стал пытаться поймать в фокус свой стакан.

— А это поможет? — спросил бармен.

— Нет, — ответил Форд и дружелюбно улыбнулся. — Извините, — сказал он, — мне нужно идти. — Помахав рукой, он вышел.

Еще мгновение люди сидели молча, а потом человек, громко смеявшийся, засмеялся снова. Девушка, которую он затащил с собой в бар, уже возненавидела его всем сердцем за последний час, и, возможно, была бы рада узнать, что через полторы минуты он испарится, превратившись в облачко из водорода, озона и углекислого газа. Однако когда момент наступил, она была слишком занята собственным испарением, чтобы обратить на это внимание.

Бармен прочистил горло и услышал свой голос:

— Последние заказы, джентльмены.

Огромные желтые машины начали снижаться, наращивая скорость.

Форд знал об этом, и это ему не нравилось.

Артур почти добежал до своего дома. Он не заметил, как вдруг стало холодно, подул ветер и неожиданно налетел совершенно противоестественный дождевой шквал. Он не замечал ничего, кроме бульдозера, ползающего по обломкам, которые были его домом.

— Варвары! — кричал он. — Я подам в суд на муниципалитет. Вас повесят, растянут на дыбе и четвертуют! И высекут! И будут пытать, пока… пока… не устанут.

Форд бежал за ним. Очень, очень быстро.

— А потом начнут снова! — орал Артур. — А потом я соберу все кусочки и буду прыгать на них!

Артур не замечал, что бульдозеристы бегут прочь, а мистер Проссер в ужасе смотрит на небо. Мистер Проссер смотрел, как сквозь облака с ревом несется нечто огромное и желтое. Нечто невероятно огромное и желтое.

— Буду прыгать на них, — кричал Артур на бегу, — пока у меня ноги не заболят, а потом…

Тут Артур споткнулся, с размаху упал и перевернулся на спину. Наконец, он заметил, что

что-то не так. Он вытянул палец в небо.

— А это что такое? — прохрипел он.

Что бы «это» ни было, оно неслось по небу в своей чудовищной желтизне и, разрывая воздух с громом, от которого уши вдавливались в голову, исчезало вдали. За ним появлялось другое, гремевшее еще громче.

Трудно сказать, что делали сейчас люди на поверхности Земли, они и сами не знали, что они делают. Все было бессмысленно — бежать домой, бежать из дома или просто стоять и выть на небо. Во всех городах мира улицы взрывались толпами людей, машины сталкивались друг с другом под обрушивающимся на них шумом, который волнами перекатывался над горами и долинами, пустынями и океанами, и казалось, давил все.

Лишь один человек стоял и смотрел в небо с грустью в глазах и с ватой в ушах. Он совершенно определенно знал, что происходит. Он узнал об этом, когда его суб-эфирный сенсор неожиданно замигал среди ночи и разбудил его. Он ждал этого момента долгие годы, но, расшифровав сигнал, сидя один в своей маленькой темной комнате, он похолодел, и сердце его сжалось. Почему из всех рас в Галактике, которые могли прийти и сказать «Привет!» планете Земля, подумал он, это

должны были быть именно вогоны?

Но он знал, что нужно делать. Когда корабли вогонов заревели в небе над ним, он раскрыл свою сумку и выбросил оттуда пару книг и рукописи. Там, куда он собирался, они были ему не нужны. Все было готово, и он был готов. Он был при полотенце.

Внезапно Землю охватила тишина. Она была еще ужаснее шума, если могло быть что-то ужаснее. Какое-то время ничего не происходило.

Корабли висели без движения в воздухе над всей Землей. Они висели, огромные, тяжелые, неподвижные, как будто издеваясь над природой. Многие люди впали в истерику, пытаясь понять, что перед ними. Корабли висели в небе, как на кирпичи, но не падали.

По-прежнему ничего не происходило.

Затем в воздухе раздался тихий, но всепроникающий шепот. Все стереосистемы в мире, все радиоприемники, телевизоры, магнитофоны, громкоговорители и динамики начали тихо настраиваться на одну частоту. Все консервные банки, мусорные ведра, все окна, автомобили, стаканы, все ржавые жестянки превратились в совершенные акустические устройства.

Земле, прежде чем ее уничтожить, продемон-

стрировали великолепнейшую систему всеобщего оповещения. Но никакого концерта, музыки или фанфар не было. Было простое сообщение.

— Люди планеты Земля, минуточку внимания, — произнес голос, и это было удивительно: непостижимо чистый квадрофонический звук с таким низким уровнем искажений, что наворачивались слезы.

— Говорит Простетный Вогон Джельц из Галактического Отдела Гиперкосмического Планирования, — продолжал голос. — Как вам, без сомнения, известно, план развития периферийных районов Галактики предусматривает прокладку гиперкосмической трассы через вашу звездную систему, и, к сожалению, ваша планета относится к числу подлежащих уничтожению. Процедура займет не более двух земных минут. Спасибо.

Система оповещения замолкла.

Необъяснимый ужас охватил людей на Земле. Ужас катился по толпам, как будто они были железными стружками на листе картона, под которым двигали магнит. Снова поднялась паника, влекущая спасаться бегством, но бежать было некуда.

Увидев это, вогоны снова включили свою си-

стему оповещения. Голос в ней сказал:

— И незачем притворяться удивленными. Все планы и графики строительства висели на доске объявлений в местном плановом отделе на Альфе Центавра в течение пятидесяти ваших земных лет. Так что у вас было достаточно времени подать официальную жалобу. Теперь уже поздно суетиться.

Система снова замолчала, эхо от нее затихло. Огромные корабли медленно развернулись в воздухе. В днище каждого из них открылся люк, зияющий черной пустотой.

К этому времени кто-то, видимо, настроил радиопередатчик, поймал волну и передал на корабли вогонов сообщение с мольбой от имени всех землян. Никто не слышал сообщения, только ответ. Громкоговорители снова ожили. Голос звучал раздраженно:

— Что значит: вы не были на Альфе Центавра? Это же всего четыре световых года отсюда. Извините, но если вы не желаете интересоваться тем, что происходит вокруг вас, то это ваши проблемы. Включайте уничтожающие лучи.

Из люков полился свет.

— Я не понимаю, — сказал голос в системе оповещения, — что за апатичная планета! Мне их

даже не жаль. — Он отключился.

Наступила ужасная, жуткая тишина.

Раздался ужасный, жуткий шум.

Наступила ужасная, жуткая тишина.

Вогонский строительно-монтажный флот уплывал в черное звездное пространство.

Глава 4

Очень далеко, в противоположной спиральной ветви Галактики, в пятистах тысяч световых лет от звезды по имени Солнце, Зафод Библброкс, президент Имперского Галактического Правительства, мчался по дамогранским морям в своем ионно-реактивном дельта-катере, сверкающем и переливающемся в лучах дамогранского солнца.

Жаркий Дамогран. Далекий Дамогран. Дамогран, о котором почти никто ничего не слышал. Дамогран — секретная база «Золотого Сердца».

Катер мчался по воде. Добираться до места нужно было довольно долго, потому что Дамогран — весьма неудобная планета. Почти вся она состоит из огромных пустынных островов, разделенных очень симпатичными, но раздражающе широкими океанскими проливами.

Катер мчался.

Столь нелепая топология сделала Дамогран навеки заброшенной планетой. Именно поэтому Имперское Галактическое Правительство и выбрало его базой для осуществления проекта «Золотое Сердце» — из-за пустынности планеты

и секретности проекта.

Катер скользил по морю, разделяющему главные острова единственного на планете архипелага, имеющего сколько-нибудь полезные размеры. Зафод Библброкс ехал из крохотного космического порта на острове Пасхи (название острова — ничего не значащее совпадение; на галактоязыке слово «пасхи» означает «маленький, ровный и светло-коричневый») на остров, где находился «Золотое Сердце», который еще по одному ничего не значащему совпадению назывался Францией.

Одним из побочных эффектов работы над «Золотым Сердцем» была целая цепь совершенно ничего не значащих совпадений.

Однако ни в коем случае не было совпадением то, что сегодняшний день, день кульминации проекта, когда «Золотое Сердце» будет, наконец, представлен ошеломленной Галактике, был также великим днем кульминации Зафода Библброкса. Именно ради этого дня он когда-то принял решение баллотироваться в президенты. Решение, которое поразило и взволновало всю Галактическую Империю: как, Зафод Библброкс? Президентом? Тот самый Зафод Библброкс? *Тем самым* президентом? Многие видели в этом

убедительное доказательство того, что все мироздание, в конце концов, сошло с ума.

Зафод улыбнулся и прибавил скорости.

Да, Зафод Библброкс, авантюрист, бывший хиппи, тусовщик, (жулик? — вполне возможно), невероятно тяжелый в общении нарциссист, у которого, как считали, крыша съехала окончательно и бесповоротно.

Президент?

Да! Никто не сошел с ума, по крайней мере, на этой почве.

Только шесть человек во всей Галактике знали принцип управления Галактикой, и они понимали, что то, что Зафод Библброкс решил баллотироваться, было вполне логично: он был идеальной фигурой на посту президента[1]. Но и

---

[1] Примечания: 1

Президент — полный титул: Президент Имперского Галактического Правительства. Термин «Имперский» сохранен, хотя и является анахронизмом. Наследственный император почти мертв уже на протяжении многих столетий. В последний момент предсмертной комы он был заключен в статическое поле, которое поддерживает его в состоянии вечной неизменяемости. Все его наследники давно умерли, и это значит, что власть просто и эффективно, без социальных потрясений, перешла на один-два качественных уровня ниже, и теперь принадлежит органу, играющему роль советников императора: выборному правительству, которое возглавляется избираемым им президентом.

На самом деле ничему подобному власть не принадлежит. Тем более президенту — он просто номинальная фигура и не имеет никакой реальной власти. Правительство, в самом деле, выбирает его, но он должен демонстрировать качества не лидера, а отщепенца. Поэтому

выбор президента всегда противоречив: его личность непременно должна вызывать как возмущение, так и восхищение. Его задача не пользоваться властью, а отвлекать от нее внимание. По этим критериям Зафод Библброкс — один из самых успешных президентов за всю историю Галактики: он уже провел два из десяти лет своего президентского срока в тюрьме за мошенничество. Очень немногие люди понимают, что президент и правительство в действительности никакой властью не обладают, но только шестеро из этих немногих знают, в чьих руках действительно находится верховная политическая власть. Остальные втайне верят, что процесс принятия высших решений осуществляет компьютер. Заблуждаться глубже, чем они, просто невозможно.

они не могли понять, *почему* Зафод так решил.

Он круто повернул, подняв стену брызг.

Сегодня они узнают, чего хотел Зафод. Сегодня тот день, ради которого он стал президентом. Сегодня также его двухсотый день рождения, но это всего лишь очередное ничего не значащее совпадение.

Мчась в катере по дамогранским морям, он с улыбкой думал, какой это будет удивительный и потрясающий день. Он расслабился и раскинул обе руки по спинке сиденья. Штурвал он держал третьей рукой, которую недавно приделал под правой, чтобы заниматься боксом на лыжах.

— Эй, парень, — промурлыкал он сам себе, — ты такой крутой!

Но он чувствовал, тем не менее, что нервы его поют, как струна.

Франция была песчаным островом, имевшим форму полумесяца, около двадцати миль в длину и пяти в ширину. Создавалось впечатление, что он существует не как остров как таковой, а лишь сообщает форму и очертания огромному заливу. Это впечатление усиливалось тем, что внутренний берег полумесяца состоял почти полностью из отвесных скал. От вершин скал тянулся пологий спуск к противоположному берегу.

На вершине одной из скал стояла приемная комиссия. Она состояла, в большинстве своем, из инженеров и ученых, построивших «Золотое Сердце», в основном гуманоидов, но было несколько рептилоидов, два или три грациозных максимегалактика, пара октопоидов и одно хулуву (хулуву — это суперразумный оттенок синего цвета). Все были облачены в разноцветные церемониальные лабораторные халаты, кроме хулуву, которое ради торжественного случая временно преломилось в свободно стоящей призме.

Все были сильно взволнованы. Странно, эти люди дошли до самых пределов законов физики, и перешли их; они перестроили основы материи; они растянули, скрутили и переломили меры возможного и невозможного; и после этого они волновались перед встречей с человеком с оранжевым шарфом на шее! (По традиции президент Галактики носит оранжевый шарф.) Им, вероятно, было бы все равно, даже если бы они узнали, что президент Галактики не обладает никакой властью. Но только шестерым во всей Галактике было известно, что президент должен не обладать властью, а лишь отвлекать от нее внимание.

Зафод Библброкс был удивительно хорош в этом качестве.

Толпа раскрыла рты, ослепленная ярким солнцем и молодцеватостью, с которой президентский катер обогнул мыс и вошел в залив. Сияя, он скользил по волнам, описывая широкие дуги. Днище катера не касалось воды, он держался на подушке из ионизированных атомов, но для эффекта он был оснащен ложными стабилизаторами, которые могли опускаться в воду. Они взрезали волны, поднимая их стеной, и оставляли в кильватере пенящуюся борозду, когда катер несся через залив.

Зафод любил эффекты, они ему хорошо удавались.

Он резко завернул штурвал, катер развернулся перед скалой в сумасшедшем крене и, остановившись, закачался на волнах.

Он выскочил на палубу, помахал рукой и улыбнулся трем миллиардам человек. Эти три миллиарда наблюдали за каждым его жестом через глазки маленькой робот-камеры трехмерного изображения, услужливо висевшей в воздухе рядом с ним. Выходки президента были очень популярны в трехмерном изображении, на это они и были рассчитаны.

Он опять улыбнулся. Три миллиарда и шесть человек не знали, что сегодняшняя выходка будет

круче, чем кто-либо из них мог рассчитывать.

Робот-камера взяла крупный план наиболее популярной из двух его голов, и он снова помахал рукой. Он был совсем как гуманоид, если не считать второй головы и третьей руки. Его светлые растрепанные волосы торчали в разные стороны, голубые глаза блестели совершенно необъяснимым блеском, а его подбородки были почти всегда небриты.

Рядом с его катером качался и перекатывался на волнах, поблескивая на ярком солнце, прозрачный двадцатифутовый шар. Внутри него плавал широкий полукруглый диван, обитый великолепной красной кожей. Чем сильнее раскачивался и перекатывался шар, тем устойчивее был диван, непоколебимый, как обтянутая кожей скала. Все было сделано, опять-таки, для эффекта.

Зафод шагнул сквозь стенку шара и развалился на диване. Он лениво раскинул две руки по спинке, а третьей смахнул пылинку с колена. Его головы огляделись, улыбаясь, и он положил ноги на диван. Ему казалось, что он вот-вот завопит от переполнявшего его восторга.

Вода под пузырем вскипела и начала бить струей. Пузырь поднялся в воздух, подскакивая

и качаясь на водяном столбе. Разбрасывая лучи света, он поднимался все выше на струе воды, падавшей из-под него обратно в море с высоты в сотни футов.

Зафод улыбался, представляя себя со стороны. Смешной способ передвижения, но очень красивый.

На вершине утеса шар замер на миг, скатился по огороженному мостику на небольшую вогнутую платформу и остановился. Под оглушительные аплодисменты Зафод Библброкс вышел из пузыря, его оранжевый шарф горел на солнце.

Президент Галактики прибыл!

Он подождал, пока стихнут аплодисменты, и поднял руки в приветствии.

— Привет! — сказал он.

К нему подбежал правительственный паук и попытался всунуть ему в руки копию заготовленной речи. Страницы с третьей по седьмую оригинала речи в данный момент плавали по дамогранскому морю в пяти милях от острова. Первые две страницы спас дамогранский хохлатый орел, и уже использовал их в строительстве гнезда совершенно новой конструкции, которую сам изобрел. Это гнездо состояло в основном из папье-маше, и вылупившимся птенцам бы-

ло практически невозможно из него выпасть. Дамогранский хохлатый орел был наслышан о естественном отборе и не хотел рисковать.

Зафод Библброкс знал, что речь ему не понадобится, и оттолкнул экземпляр паука.

— Привет! — снова сказал он.

Все смотрели на него, сияя улыбками. Или, во всяком случае, почти все. Он разглядел в толпе Триллиан. Триллиан была девушкой, которую Зафод недавно увез с какой-то планеты, куда он завернул инкогнито ради забавы. Она была гуманоидной расы, стройной, смуглой, с длинными черными волнистыми волосами, полными губами, забавно вздернутым носиком и загадочными карими глазами. Красный шарф, повязанный на голове, и длинное свободное шелковое коричневое платье придавали ее внешности нечто арабское. Конечно, никто из присутствовавших никогда не слышал об арабах. Арабы незадолго до этого перестали существовать, но даже когда они еще существовали, то находились в полумиллионе световых лет от Дамограна. Триллиан не была кем-то особенным, так, во всяком случае, заявлял Зафод. Она просто везде его сопровождала и говорила ему все, что она о нем думала.

— Привет, милая! — сказал он ей.

Она сдержанно улыбнулась ему и отвела взгляд. Потом снова взглянула на него с более теплой улыбкой, но он уже смотрел в другую сторону.

— Привет! — сказал он небольшой группе существ из прессы, которые стояли рядом, и ждали, когда же он прекратит говорить «привет» и перейдет к президентским изречениям. Он улыбнулся и им, подумав: «Будет вам изречение!»

Однако то, что он сказал далее, было им не особенно интересно. Один из чиновников решил с раздражением, что президент явно не в настроении читать написанную для него превосходную речь, и нажал кнопку на пульте дистанционного управления у себя в кармане. Возвышавшийся в отдалении от них огромный белый купол треснул посредине, раскололся, и половины медленно ушли в землю. Все раскрыли рты, хотя отлично знали, что будет именно так, потому что сами это конструировали.

Под куполом был огромный космический корабль, длиной около полутораста метров, имевший форму кроссовки, совершенно белый и умопомрачительно красивый. В самом сердце его, невидимая, лежала небольшая золотая коробочка, внутри которой находился самый непостижимый уму прибор из всех когда-либо

придуманных: прибор, который делал космический корабль уникальным в истории Галактики, и по имени которого корабль был назван — Золотое Сердце.

— Ух, ты! — сказал Зафод Библброкс «Золотому Сердцу». Ничего больше он сказать не мог.

Он повторил, чтобы позлить журналистов:

— Ух, ты!

Толпа снова повернулась к нему в ожидании. Он подмигнул Триллиан, которая подняла брови и посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Она знала, что он собирается сказать, и считала его ужасным кривлякой.

— Это поразительно, — сказал он. — Это совершенно поразительно! Этот корабль так поразительно шикарен, что я, пожалуй, угнал бы его.

Прекрасное президентское изречение, абсолютно подходящее случаю. Толпа, оценив, засмеялась, журналисты радостно нажали кнопки на своих суб-эфирных диктофонах, а президент улыбнулся.

Улыбаясь и чувствуя, как колотится его сердце, он нащупал в кармане маленькую парализующую бомбу.

Больше он терпеть не мог. Он поднял лица к небу, испустил дикий вопль в мажорной терции,

швырнул бомбу оземь и бросился вперед сквозь море внезапно застывших улыбок.

Глава 5

Простетный Вогон Джельц был несимпатичен даже по вогонским меркам. Его нос куполом возвышался над маленьким свинячьим лбом. Его темно-зеленая резиноподобная кожа была достаточно толста, чтобы он мог играть в политику на вогонской Государственной Службе, и играть хорошо, и достаточно водонепроницаема, чтобы он мог неопределенное время жить в море на глубине до тысячи футов без пагубных последствий.

Это, конечно, не означает, что он любил плавать. У него не было на это времени. Он был таким, каким был потому, что миллиарды лет назад, когда вогоны впервые выползли из неподвижных доисторических морей планеты Вогсфера и упали, тяжело дыша, на девственных берегах, и первые лучи яркого юного Вогсолнца осветили их в то утро, силы эволюции, поглядев, отреклись от них, отвернулись с отвращением и вычеркнули их как нелепую и досадную ошибку. Они не должны были жить.

Факт, что они все же выжили — это, в некотором роде, дань уважения безмозглой упрямости этих

существ. Эволюция? — сказали они себе, — да кому она нужна? — и просто стали обходится без того, в чем природа им отказала, до тех пор, пока не научились исправлять наиболее крупные анатомические неудобства хирургическим путем.

Между тем, силы природы на планете Вогсфера работали, не покладая рук, чтобы исправить свой прежний ляпсус. Они создали сверкающих бриллиантами быстролапых крабов, которых вогоны ели, разбивая их панцири железными клюками; высокие дарящие вдохновение деревья, от стройности и цвета которых захватывало дух, вогоны рубили их на дрова и жарили на них крабье мясо; тонконогих газелеподобных существ с шелковистой шерстью и доверчивыми глазами, которых вогоны ловили и садились на них верхом. Они не годились для езды, — их хребты моментально переламывались, но вогоны все равно на них садились.

Так планета Вогсфера переживала тяжелые тысячелетия, пока вогоны не открыли как-то вдруг принципы межзвездных перелетов. За несколько коротких вогских лет вогоны, все до единого, мигрировали в звездное скопление Мегабрантис, политический центр Галактики, и сформировали там чрезвычайно мощный ко-

стяк в Галактической Государственной Службе. Они пытались получить образование, обучиться стилю и приличиям, но современные вогоны во всех отношениях мало чем отличаются от своих примитивных предков. Каждый год он вывозят со своей родной планеты двадцать семь тысяч быстролапых бриллиантовых крабов затем, чтобы по вечерам, напившись, веселиться, разбивая их панцири железными клюками.

Простетный Вогон Джельц ничем не отличался от других вогонов в том, что был безнадежно гнусен. А еще он не любил автостопщиков.

Где-то, в маленькой темной каюте, глубоко во внутренностях флагманского корабля Простетного Вогона Джельца, нервно чиркнув, зажглась спичка. Владелец спички не был вогоном, но знал о них все, и поэтому имел основание нервничать.

Его звали Форд Префект[2].

Он осмотрел каюту, но мало что смог увидеть; странные чудовищные тени колыхались и метались в свете крохотного огонька, но все было тихо. Он поблагодарил про себя дентрасси. Дентрасси — это племя буйных гурманов, дикий, но приятный народ, которых вогоны с недавнего времени стали нанимать на свои корабли дальнего плавания поварами, с жестким условием, чтобы их было как можно меньше видно и слышно.

Это устраивало дентрасси, так как они любили вогонские деньги, которые являются одной из самых твердых валют в космосе, но терпеть не могли самих вогонов. Единственный вид вогона, который мог понравиться дентрасси, это недовольный вогон.

---

[2] Примечания: 2

Настоящее имя Форда Префекта произносимо только на малоизвестном бетельгейзском диалекте, ныне вымершем, так как Великая Катастрофа Сотрясения Хрунга уничтожила все праксибетельские поселения на Бетельгейзе-7 в 03758 году галактической эры. Отец Форда был единственным на планете человеком, выжившим после Великой Катастрофы Сотрясения Хрунга, по невероятному стечению обстоятельств, которое он был не в состоянии удовлетворительно объяснить. Все, связанное с этим событием, окутано тайной: ведь никто не знал, что такое Хрунг и почему он решил сотрястись именно на Бетельгейзе-7. Отец Форда, великодушно оттоняя облачко подозрения, которое неизбежно висело над ним, поселился на Бетельгейзе-5, где он и стал одновременно отцом и дядей Форда. В память о своем погибшем народе он дал ему древнее праксибетельское имя.

Поскольку Форд так и не научился произносить свое настоящее имя,

его отец в конце концов умер от стыда, который в некоторых частях Галактики все еще является смертельной болезнью. В школе Форду дали прозвище Ыкс, что на языке Бетельгейзе-5 означает: «мальчик, который не может внятно объяснить, что такое Хрунг и почему он решил сотрястись именно на Бетельгейзе-7».

Благодаря именно этой информации Форд Префект не был сейчас облачком из водорода, озона и углекислого газа.

Он услышал тихий стон. В свете спички он увидел шевелящуюся на полу фигуру. Он быстро потушил спичку, пошарил в кармане и достал оттуда что-то. Он присел на корточки. Фигура снова пошевелилась.

Форд Префект сказал:

— Я купил тебе орешков.

Артур Дент пошевелился, снова застонал и что-то невнятно пробормотал.

— На, съешь. — Форд сунул ему пакетик. — Если ты никогда раньше не подвергался действию телепортационных лучей, то у тебя наверняка произошла потеря соли и протеина. Пиво, которое ты выпил, смягчило их действие на твой организм.

— Ы-ы-ы-а-а-а, — издал Артур Дент и открыл глаза. — Темно, — сказал он.

— Да, — сказал Форд Префект, — темно.

— Ничего не видно, — сказал Артур Дент. — Темно и ничего не видно.

Одной из вещей, которые Форд Префект не мог понять в людях, была их привычка постоянно констатировать и повторять очевидное, напри-

мер: «Сегодня хорошая погода», или «Ты пьян», или «О, боже, ты выглядишь, как будто упал в колодец, с тобой все в порядке?». Сначала Форд попытался выработать теорию, объясняющую такое странное поведение: если люди постоянно не упражняют свои губы, то у них сводит рот. Через несколько месяцев рассуждений и наблюдений он отказался от этой теории в пользу другой: если они постоянно не упражняют свой рот, решил он, то у них начинают работать мозги. Через некоторое время он оставил и эту теорию, как обструктивную и циничную, и решил, что люди ему, в общем, нравятся; но его не переставало поражать то огромное количество вещей, которых они не знали.

— Да, — согласился он с Артуром, — ничего не видно. — И спросил, подавая ему орешки: — Как ты себя чувствуешь?

— Как колосс Родосский, — сказал Артур. — Разваливаюсь на куски.

Форд равнодушно посмотрел на него в темноте.

— Если я спрошу тебя, где мы, — спросил Артур неуверенно, — я пожалею, что спросил об этом?

Форд поднялся.

— Мы в безопасности, — сказал он.

— Это хорошо, — сказал Артур.

— Мы находимся в маленькой каюте на одном из космических кораблей вогонского строительно-монтажного флота.

— Видимо, — сказал Артур, — это какое-то странное значение слова «безопасность», о котором я раньше не знал.

Форд зажег еще одну спичку, чтобы найти выключатель. Снова закачались и заметались чудовищные тени. Артур с трудом встал на ноги и ощупал себя. Ему казалось, что все вокруг него кишит зловещими нечеловеческими фигурами; воздух был полон раздражавших его легкие прелых запахов, которые никак не идентифицировались; какой-то низкий гул не давал ему собраться с мыслями.

— Как мы здесь оказались? — спросил он, мелко дрожа.

— Нас подвезли, — ответил Форд.

— Не понял, — сказал Артур. — Ты хочешь сказать, что мы подняли палец, и какое-нибудь зеленое пучеглазое чудище высунулось и сказало: «Садитесь, ребята, подвезу до Бейсингстока»?

— Ну, допустим, «палец» — это электронное суб-эфирное сигнальное устройство; вместо Бейсингстока будет звезда Барнарда в шести

световых годах отсюда, а в остальном все более или менее так.

— А пучеглазое чудище?

— Да, оно зеленое.

— Отлично, — сказал Артур. — Как мне вернуться домой?

— Никак, — ответил Форд Префект, нащупывая выключатель. — Прикрой глаза, — сказал он и включил свет.

Даже Форд не ожидал увидеть такого.

— Боже мой, — сказал Артур. — И это, в самом деле, внутренность летающей тарелки?

Простетный Вогон Джельц перетаскивал свое неприятное зеленое тело по командному мостику. Он всегда бывал несколько раздражителен после уничтожения населенных планет. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь пришел и сказал, что произошла ошибка, и тогда он наорал бы на этого кого-нибудь и ему стало бы лучше. Он со всей силой плюхнулся в кресло, в надежде, что оно сломается, и он сможет неподдельно разозлиться, но кресло лишь жалобно скрипнуло.

— Вон отсюда! — крикнул он молодому вогону-охраннику, который в этот момент вошел на мостик. Охранник немедленно исчез, с облегчением. Он был рад тому, что теперь не ему

придется докладывать о полученном только что сообщении. Это был официальный релиз, в котором говорилось о том, что на правительственной научно-исследовательской базе на Дамогране только что был представлен космический двигатель нового типа, который сделает ненужными все гиперкосмические трассы.

Открылась еще одна дверь, но на этот раз капитан не стал кричать, потому что эта дверь вела на кухню, где дентрасси готовили пищу. Пища всегда приветствовалась.

В дверь впрыгнуло огромное мохнатое существо с подносом. Оно ухмылялось, как маньяк.

Простетный Вогон Джельц обрадовался. Он знал, что если дентрасси так доволен, значит, на корабле произошло что-то, что может сильно разозлить вогона.

Форд и Артур огляделись вокруг.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спросил Форд.

— Довольно убого.

Форд посмотрел, сморщившись, на грязные матрацы, немытые чашки и сильно пахнущие предметы нечеловеческого нижнего белья, разбросанные по тесной каюте.

— Ну, корабль ведь обслуживаемый, — пояснил

он. — А это каюта дентрасси.

— Ты, кажется, сказал, что они называются вогонами, или как-то в этом роде.

— Да, — согласился Форд. — Это корабль вогонов, а дентрасси работают здесь поварами, они-то и взяли нас на борт.

— Я запутался, — сказал Артур.

— Ну вот, смотри, — сказал Форд. Он сел на один из матрацев и стал рыться в своей сумке. Артур нервно пихнул матрац ногой и тоже сел. Но нервничать было ни к чему, потому что все матрацы, выросшие в болотах Зеты Скворншеллы, очень тщательно забивают и сушат перед использованием. Очень немногие из них вновь оживают.

Форд протянул Артуру книгу.

— Что это? — спросил Артур.

— «Путеводитель по Галактике для автостопщиков». Что-то вроде электронной книги. Расскажет тебе что угодно о чем угодно. Для этого он и нужен.

Артур осторожно повертел путеводитель в руках.

— Мне нравится обложка, — отметил он. — Без паники. Это первая полезная и внятная фраза за сегодняшний день.

— Я покажу тебе, как он работает, — сказал

Форд. Он взял путеводитель у Артура, который все еще держал его, как издохшую две недели назад птичку, и вынул из футляра. — Нажимаешь эту кнопку, экран загорается и выдает оглавление.

Экран, размером примерно три на четыре дюйма, загорелся, и на нем замелькали буквы.

— Ты хочешь узнать о вогонах, набираем «вогоны». — Он нажал еще несколько кнопок. — Вот, смотри.

На экране зелеными буквами высветилось «Вогонский строительно-монтажный флот».

Форд нажал большую красную кнопку, и слова побежали по экрану. Одновременно книга начала произносить негромким размеренным голосом тот же текст. Вот что она сказала:

> «Вогонский строительно-монтажный флот. Что делать, если вы хотите, чтобы вогоны вас подвезли: забудьте думать об этом. Они — одна из наиболее неприятных рас в Галактике: не то чтобы злые, но с отвратительным характером, официозные и бесчувственные бюрократы. Они не пошевелят пальцем, даже чтобы спасти свою собственную бабушку от свирепого клоповидного зверя с планеты

Трааль, если у них не будет подписанного приказа в трех экземплярах, запрошенного, полученного, отправленного обратно, проверенного, потерянного, найденного, подтвержденного, снова потерянного и, наконец, сданного в макулатуру и использованного на растопку. Лучший способ вытянуть из вогона выпивку: сунуть два пальца ему в глотку. Лучший способ разозлить его: скормить его бабушку свирепому клоповидному зверю с планеты Трааль. Ни в коем случае не позволяйте вогону читать вам свои стихи».

Артур поморгал глазами.

— Странная книга. А как же нас, в таком случае, взяли на борт?

— В этом-то и дело, мой экземпляр устарел, — сказал Форд, засовывая книгу в футляр. — Я собираю материал для нового дополненного здания, и как раз хочу включить в него кусочек о том, что вогоны нанимают поварами дентрасси, что дает нам весьма полезную лазейку.

Лицо Артура приобрело страдальческое выражение.

— А кто такие дентрасси?

— Отличные ребята, — сказал Форд. — Они лучше всех готовят и смешивают коктейли, а на все остальное им наплевать. Они всегда помогают автостопщикам пробраться на борт, потому что, во-первых, любят компанию, а во-вторых, это злит вогонов. И это непременно нужно знать, если ты бедный автостопщик, пытающийся посмотреть чудеса Вселенной меньше чем за тридцать альтаирских долларов в день. Это и есть моя работа. Здорово, да?

Вид у Артура был пришибленный.

— Потрясающе, — сказал он и хмуро посмотрел на один из матрацев.

— К несчастью, я проторчал на Земле дольше, чем хотел, — продолжал Форд. — Я заехал на недельку, а застрял на пятнадцать лет.

— А как ты вообще туда попал?

— Очень просто, меня подвез один мажор.

— Какой мажор?

— Ну, мажоры, дети богатых родителей, которым нечего делать. Они летают, ищут планеты, которые еще не установили межзвездных контактов, и бузят там.

— Как бузят? — Артуру начало казаться, что Форду просто доставляет удовольствие осложнять ему жизнь.

— Ну, в том смысле, что морочат людей. Находят укромное местечко, где мало народа, приземляются рядом с каким-нибудь беднягой, которому заведомо никто не поверит, и начинают скакать перед ним, нацепив на головы дурацкие антенны и попискивая. Ребячество, конечно.

Форд лег на матрац, положив руки под голову, видимо, очень довольный собой.

— Форд, — поколебавшись, спросил Артур, — возможно, это глупый вопрос, но что я здесь делаю?

— Ну, ты же понимаешь, — сказал Форд. — Я спас тебя с Земли.

— А что случилось с Землей?

— Ее уничтожили.

— В самом деле? — тихо спросил Артур.

— Да, она испарилась в космос.

— Ты знаешь, я этим расстроен.

Форд наморщил лоб и поразмыслил немного.

— Да, я тебя понимаю, — сказал он, наконец.

— Ты меня понимаешь?! — воскликнул Артур. — Ты меня понимаешь!

Форд вскочил.

— Посмотри на книгу! — зашипел он.

— Что?

— Без паники!

— Я не паникую.

— Паникуешь!

— Ну и ладно, паникую, а что мне остается?

— Будь со мной, и не пропадешь. Галактика — место нескучное. Тебе нужно засунуть в ухо эту рыбку.

— Прошу прощения, что? — спросил Артур, как ему показалось, вежливо.

У Форда в руке был стеклянный флакончик, в котором плавала, переливаясь, маленькая желтая рыбка. Артур смотрел на него, моргая глазами. Ему хотелось, чтобы здесь было что-нибудь простое и знакомое, за что можно было бы мысленно зацепиться. Он чувствовал бы себя увереннее, если бы рядом с нижним бельем дентрасси, скворншельскими матрацами и человеком с Бетельгейзе, держащим маленькую рыбку и предлагающим засунуть ее в ухо, он увидел, к примеру, пакет кукурузных хлопьев.

Внезапно, непонятно откуда на них обрушился громкий шум, звучавший так, как будто человек пытался полоскать горло, отбиваясь при этом от стаи волков.

— Тихо, — сказал Форд. — Послушай, это может быть важно.

— Ва… важно?

— Это капитан вогонов делает сообщение.

— Вот так говорят вогоны?

— Слушай!

— Но я же не понимаю по-вогонски!

— А тебе и не надо. Просто засунь в ухо рыбку.

Форд молниеносным движением легонько хлопнул Артура ладонью по уху, и он с отвращением почувствовал, как рыбка проскользнула в его слуховой канал. Он в ужасе попытался было выковырять ее оттуда, но вдруг застыл в удивлении. Он испытал слуховое ощущение, эквивалентное зрительному, которое вы испытываете, когда глядите на два черных силуэта и вдруг начинаете видеть вместо них белую вазу. Или когда смотрите на разноцветные точки на бумаге, из которых вдруг выплывает цифра шесть, означающая, что окулист выпишет вам счет за новые очки.

Он слушал завывающее бульканье и осознавал это, но оно как-то вдруг приобрело подобие правильной английской речи.

Вот что он услышал.

Глава 6

— Брлы хрлы бррл ррл ууурлл брр хррры ууааy хррлл фррр ырл у-у-у-у должно быть хорошо. Повторяю сообщение. Говорит ваш капитан, поэтому бросьте все дела и слушайте внимательно. Во-первых, я вижу по приборам, что у нас на борту пара автостопщиков. Где бы вы ни были, привет. Я хочу, чтобы вы поняли со всей ясностью, что ваше присутствие здесь крайне нежелательно. Я трудился, не покладая рук, чтобы достичь того положения, которое я сейчас занимаю. Я стал капитаном вогонского строительно-монтажного флота не для того, чтобы взять и превратить его в таксопарк для всяких дегенеративных безбилетников. Я выслал поисковую партию, и как только они вас найдут, я вышвырну вас с корабля. Если вам повезет, то я еще сначала почитаю вам свои стихи.

Во-вторых, мы вот-вот совершим прыжок в гиперкосмос для перелета к звезде Барнарда. По прибытии мы встанем в док на семьдесят два часа для профилактического осмотра. Никто в течение этого времени не должен покидать

корабль. Повторяю, все отпуска на планету отменяются. Меня недавно бросила женщина, и я не вижу причины, почему, когда мне плохо, кому-то должно быть хорошо. Конец сообщения.

Шум прекратился.

К своему смущению, Артур обнаружил, что лежит на полу, сжавшись в комок и закрыв руками голову. Он слабо улыбнулся.

— Очень милый человек, — сказал он. — Жаль, что у меня нет дочери, я бы запретил ей выходить замуж за такого.

— Тебе бы не пришлось стараться, — ответил Форд. — Они так же сексуально привлекательны, как дорожно-транспортное происшествие. Не двигайся! — добавил он, видя, что Артур выпрямляется. — Будь готов к прыжку в гиперкосмос. Это также неприятно, как быть пьяным.

— Что же неприятного в том, чтобы быть пьяным?

— Похмелье.

Артур подумал и спросил:

— Форд, а что эта рыбка делает в моем ухе?

— Переводит для тебя. Это вавилонская рыбка. Если хочешь, посмотри в книге.

Он пододвинул к нему «Путеводитель по Галактике для автостопщиков», и сам стал свора-

чиваться в позу эмбриона, готовясь к прыжку.

В этот момент Артур почувствовал, что его разум теряет свои прежние очертания.

Каюта вокруг него сплющилась, завертелась и исчезла, оставив его пытающимся проскользнуть в свой собственный пупок.

Они входили в гиперкосмос.

«Вавилонская рыбка, — негромко говорил тем временем «Путеводитель по Галактике для автостопщиков», — это маленькое, желтенькое, похожее на пиявку и, возможно, самое странное существо во Вселенной. Оно питается энергией мозговых колебаний, причем не того, в ком она живет, а тех, кто его окружает. Она поглощает из этой энергии все подсознательные ментальные частоты и выделяет в разум своего носителя телепатическую матрицу, составляемую комбинацией частот осознанных мыслей и нервных сигналов, снятых с речевых центров производящего их мозга. Практическим результатом всего этого является то, что вы можете засунуть вавилонскую рыбку себе в ухо и сразу же начать понимать все, что вам говорят на языке любой формы. Речевые структуры, которые вы на самом деле слышите, декодируют матрицу мозговых колебаний, вводимую в ваш рассудок вашей

вавилонской рыбкой.

Невероятность совпадения, благодаря которому исключительно случайно могло появиться нечто столь умопомрачительно полезное, настолько странна и причудлива, что некоторые мыслители взяли его в качестве окончательного и убедительнейшего доказательства несуществования Бога.

Дискуссия происходит примерно следующим образом:

— Я не желаю доказывать, что я существую, — говорит Бог. — Доказательство отрицает веру, а без веры я — ничто.

— Но ведь вавилонская рыбка выдает тебя с головой, — говорит Человек. — Она не могла бы появиться случайно. Она доказывает, что ты существуешь, а раз так, то по твоей собственной логике, ты не существуешь. Что и требовалось доказать.

— Ой, — говорит Бог, — я об этом не подумал. — И немедленно исчезает под напором логики.

— Это было не трудно, — говорит Человек и доказывает на бис, что белое — это черное, а затем на ближайшем уличном переходе его сбивает машина.

Многие ведущие теологи заявляют, что этот

спор — чушь собачья, что не помешало Оолону Коллупхиду нажить небольшое состояние, использовав его в качестве центральной темы своего бестселлера «Ну вот, пожалуй, и все о Боге».

А бедная вавилонская рыбка, между тем, действенно удаляя все барьеры на пути общения различных рас и культур, вызвала больше кровопролитных войн, чем что-либо в истории мироздания».

Артур тихо застонал. Он с ужасом обнаружил, что не умер при прыжке в гиперкосмос. Он находился на расстоянии в шесть световых лет от места, где находилась бы Земля, если бы она еще существовала.

Земля проплыла в его мутившемся воображении. Он не мог представить себе исчезновения всей Земли, это было слишком много. Он понукнул свои чувства, подумав о том, что его родителей и сестры больше нет. Никакой реакции. Он подумал обо всех людях, с которыми был знаком. Никакой реакции. Тогда он подумал о совершенно незнакомом ему человеке, который стоял перед ним в очереди в супермаркете, и внезапно до него дошло: нет супермаркета, нет ничего, что в нем было. Нет колонны Нельсона!

Колонны Нельсона нет, и никто не возмутится, потому что возмущаться больше некому. Отныне колонна Нельсона существует только в его памяти — его памяти, которую взяли и засунули в этот дрянной, вонючий железный космический корабль. Его охватила клаустрофобия.

Англия больше не существует. Каким-то образом он смог это осознать. Он попытался еще раз. Америки больше нет, подумал он. Это не охватывалось. Нужно снова попробовать что-нибудь помельче. Нью-Йорка нет. Не получается. Он все равно никогда всерьез не верил, что он существует. Доллар упал навсегда. Что-то ощущается. Все фильмы с Богартом пропали, сказал он себе, и ему стало тоскливо. Макдональдс, вспомнил он. Больше никогда не будет маковских гамбургеров.

Он потерял сознание. Очнувшись через секунду, он понял, что всхлипывает по своей матери.

Он вскочил на ноги.

— Форд!

Форд посмотрел на него из угла, в котором он сидел и мычал какую-то мелодию. Он всегда находил космические перелеты довольно скучными.

— Да? — откликнулся он.

— Если ты работаешь исследователем для этой книги и был на Земле, то ты, наверное, собрал

какой-нибудь материал?

— Да, я смог немного расширить первоначальную статью.

— Тогда покажи мне, что написано в твоем издании.

— Пожалуйста. — Форд снова подал ему книгу.

Артур схватил ее, стараясь сдержать дрожь в руках. Он набрал название. Экран замигал и выдал страницу текста. Артур уставился на нее.

— Здесь нет статьи о Земле! — заявил он.

Форд заглянул через его плечо.

— Есть, — сказал он. — Вон, внизу экрана, под Эксцентрикой Галлумбитс, трехгрудой шлюхой с Эротикона-6.

Артур посмотрел, куда указывал Форд, и увидел. В первый момент он не мог понять, а потом чуть не лопнул от возмущения.

— Что? «Безвредна»? И это все? Безвредна! Всего одно слово!

Форд пожал плечами.

— В Галактике сто миллиардов звезд, а в микропроцессорах книги не так много места, — сказал он. — Ну, и конечно, никто почти ничего не знал о Земле.

— Но я надеюсь, ты это исправил?

— Да, я переправил редактору новое содержа-

ние статьи. Он, правда, его немного сократил, но все же стало побольше.

— И что там написано сейчас? — спросил Артур.

— «В основном безвредна», — процитировал Форд, слегка смутившись.

— В основном безвредна! — воскликнул Артур.

— Что за шум? — прошептал Форд.

— Это я кричу, — сообщил Артур.

— Нет! Замолчи! — сказал Форд. — Кажется, мы влипли.

— Так тебе кажется, что мы влипли?

За дверью был слышен топот марширующих ног.

— Дентрасси? — прошептал Артур.

— Нет, это подкованные башмаки, — ответил Форд.

В дверь громко постучали.

— Тогда кто? — спросил Артур.

— Ну, если нам повезло, то это вогоны, которые просто вышвырнут нас за борт.

— А если не повезло?

— А если не повезло, — мрачно сказал Форд, — и капитан не пошутил, то сначала он почитает нам свои стихи.

Глава 7

Поэзия вогонов занимает третье место среди самой плохой поэзии во Вселенной.

Второе место занимает поэзия азаготов с планеты Крия. Когда их Великий Бард Хрюкер Вздутый читал свою поэму «Ода маленькому зеленому катышку, найденному мною у себя подмышкой летним утром», четверо из публики умерли от внутреннего кровоизлияния, а президент Центрально-Галактического Совета Изящных Искусств выжил лишь благодаря тому, что отгрыз себе ногу. Говорят, что Хрюкер был «недоволен» приемом, оказанным его поэме, и вознамерился было прочесть свой двенадцатитомный эпический труд, озаглавленный «Любимое мною бульканье в ванне», когда его толстая кишка, в отчаянной попытке спасти жизнь и цивилизацию, проскочила через его горло и защемила мозг.

Самая же плохая поэзия во Вселенной погибла вместе со своим создателем Полой Нэнси Миллстоун Дженнингс из Гринбриджа, что в графстве Эссекс, в Англии, при уничтожении планеты Земля.

Простетный Вогон Джельц улыбнулся очень медленно. Он сделал так не ради эффекта, а потому что не мог вспомнить правильную последовательность движения мышц. Он только что побаловал себя освежающей серией воплей на своих пленников, и теперь чувствовал себя отдохнувшим и готовым к небольшой гнусности.

Пленники сидели в Креслах для Прослушивания Стихов — привязанные к спинкам. Вогоны не питали иллюзий по поводу того, как люди воспринимают их стихи. Поначалу их попытки стихосложения имели целью навязать всем мнение о себе как о зрелой и культурной расе. Теперь же единственным мотивом для сочинительства была их беспросветная зловредность.

Лоб Форда Префекта был в холодном поту, по которому скользили электроды, закрепленные на его висках. Они соединялись со специальными электронными устройствами — усилителями образов, модуляторами ритма, аллитеративными отстойниками и стилистическими шлакосбрасывателями — специально разработанными для наиболее глубокого и объемлющего восприятия поэтического замысла.

Артур Дент дрожал. Он не имел никакого представления о том, что его ожидало, но ему совсем

не понравилось ничего из того, что с ним до сих пор происходило, и он не ожидал изменений к лучшему.

Вогон начал читать какой-то гадкий отрывок из опуса собственного сочинения.

— Как суетны и бздоподобны… — начал он.

По телу Форда пробежали судороги. Это было хуже, чем даже он мог ожидать.

— …мне мочеиспускания твои! Как на букашке, хворой и безродной, обрыдли лишаи.

— А-а-а-а-а-а-а!!! — не выдержал Форд Префект, колотясь о спинку кресла головой, пронзаемой болью. Рядом с собой, как в тумане, он видел Артура Дента, развалившегося в кресле. Он стиснул зубы.

— Тебя я заклинаю, хряпни, — продолжал безжалостный вогон, — по грымзам драндулетовым моим.

Его голос поднялся до страстного и пронзительного крика.

— И круговертно сдрызни мои мощи, не то тебя в злокобеляцкий коржик сверну я биндель-вурделем своим. Смотри же у меня!

— А-а-а-ы-ы-ы-ы-ы-ы-х-х-х… — завыл Форд Префект, забившись в судорогах, когда последняя строка, усиленная электронным оборудованием,

ударила ему в виски. Затем он обмяк.

Артур сидел в непринужденной позе.

— Ну, земляне, — проворчал вогон (он не знал, что Форд Префект был не с Земли, а с небольшой планеты вблизи Бетельгейзе, а если бы и знал, то ему было бы все равно). — У вас есть простой выбор: либо погибнуть в вакууме, либо… — он сделал паузу для мелодраматического эффекта, — сказать мне, насколько, по-вашему, хороши мои стихи!

Он откинулся на спинку огромного кожаного кресла, напоминающего формой летучую мышь, и уставился на них. Он снова сделал лицом улыбку.

Форд не мог отдышаться. Он провел шершавым языком по пересохшим губам и застонал.

Артур сказал жизнерадостно:

— Вообще-то, мне понравилось.

Форд повернулся к нему, уронив челюсть. Такое ему в голову просто не приходило.

Брови вогона удивленно поднялись и закрыли его нос, что сделало его чуть-чуть симпатичнее.

— Ну. хорошо… — пробормотал он в изрядном замешательстве.

— Да, да, — сказал Артур. — Я думаю, что некоторые метафизические образы очень эффектны.

Форд все еще таращился на него, пытаясь осмыслить этот совершенно новый для него подход. Может быть, они, в самом деле, смогут взять наглостью?

— Хорошо, продолжайте, — подбодрил вогон.

— Ну… и также интересна ритмическая структура, — продолжал Артур. — Она, как будто, противопоставляется… э-э… — он застрял.

Форд бросился ему на выручку, вставив:

— …противопоставляется сюрреализму, метафорично подчеркивающему… э-э-э… — он тоже завяз, но Артур был вновь наготове.

— …гуманизм.

— Вогонизм, — прошипел ему Форд.

— Ах, да, простите, вогонизм сострадающей души поэта, — Артур почувствовал, что его понесло, — который имеет целью посредством стихотворной формы возвысить одно, переступить через пределы другого, примириться с фундаментальными дихотомиями третьего, — (он вошел в триумфальное крещендо) — и оставить у слушателя ощущение глубокого и живого взгляда в… э-э… (…которое вдруг оставило его на полпути).

Форд быстро подхватил, выкрикнув:

— В то самое, о чем бы ни было это стихотворение! — Затем он шепнул: — Отлично, Артур,

здорово!

Вогон пристально посмотрел на них. В какой-то момент его ожесточенное расовое самосознание смягчилось, но, нет, подумал он, слишком поздно. Его голос стал напоминать кошку, чешущую когти.

— То есть, вы хотите сказать, что я пишу стихи потому, что, несмотря на свою отвратительную грубую внешность, я, на самом деле, хочу любви. — Он сделал паузу. — Так?

Форд натянуто захихикал.

— Ну, да, — сказал он. — Разве все мы в глубине души не…

Вогон встал.

— Нет! — рявкнул он. — Я пишу стихи потому, что это доставляет моей отвратительной грубой внешности чувство несказанного облегчения. Я вас все равно выброшу за борт. Охрана! Отведите пленников к третьему шлюзу и вышвырните их вон!

— Как? — воскликнул Форд.

Огромный молодой вогон-охранник подошел и выдернул их из кресел своими толстыми руками.

— Вы не можете выбросить нас в космос, — завопил Форд. — Мы пишем книгу!

— Сопротивление бесполезно! — заорал в ответ охранник. Это была первая фраза, которую он выучил, поступив на службу в Вогонский Охранный Корпус.

Капитан посмотрел на них, равнодушно улыбаясь, и отвернулся.

Артур изумленно вертел головой.

— Я не хочу умирать! — закричал он. — У меня болит голова! Я не хочу отправляться на небеса с головной болью, это будет меня раздражать и я не получу никакого удовольствия!

Охранник обхватил их обоих за шеи и, почтительно поклонившись спине капитана, выволок с мостика, не обращая внимания на их сопротивление. Стальная дверь закрылась, и капитан снова остался один. Он задумчиво промурлыкал что-то и полистал свою записную книжку со стихами.

— Хм, — сказал он. — Противопоставляется сюрреализму, метафорично подчеркивающему…

Он на секунду задумался, потом с мрачной улыбкой закрыл книжку и сказал:

— Смерть слишком хороша для них.

В длинном коридоре со стальными стенами раздавалось эхо слабой борьбы двух гуманоидов, крепко зажатых подмышками у вогона.

— Да что такое? — хрипел Артур. — Это неслы-

ханно. Отпусти меня, мерзавец!

Охранник тащил их дальше, не обращая внимания.

— Не беспокойся, — сказал Форд, но без надежды в голосе. — Я сейчас что-нибудь придумаю.

— Сопротивление бесполезно! — прорычал охранник.

— Пожалуйста, не надо, — проговорил, заикаясь, Форд. — Как можно сохранять душевное равновесие, когда тебе говорят такие вещи?

— О, Господи, — застонал Артур. — Тебе хорошо говорить о душевном равновесии, ведь это не твою планету сегодня уничтожили. Я проснулся сегодня утром и собирался отдохнуть от работы, почитать, почистить свою собаку. Сейчас только четыре часа дня, а меня уже вышвыривают из инопланетного космического корабля в шести световых годах от дымящихся останков Земли! — Вогон прижал руку, и он захрипел и забулькал.

— Ладно, — сказал Форд, — хватит паниковать.

— А кто паникует? — разозлился Артур. — Это просто культурный шок. Подожди, я сориентируюсь в ситуации, свыкнусь с окружающей действительностью, вот тогда и начну паниковать.

— Артур, у тебя истерика. Заткнись! — Форд

отчаянно попытался собраться с мыслями, но охранник снова закричал:

— Сопротивление бесполезно!

— И ты заткнись! — огрызнулся Форд.

— Сопротивление бесполезно!

— Ох, смени пластинку, — сказал Форд. Он вывернул голову и заглянул охраннику в лицо. Ему пришла в голову мысль.

— Послушай, а тебе все это нравится? — спросил он вдруг.

Вогон застыл на месте, на лице его медленно проступила безграничная тупость.

— Нравится? — промычал он. — Ты это о чем?

— Я вот о чем, — ответил Форд. — Такая жизнь дает тебе чувство удовлетворения? Ты вот топаешь, орешь, вышвыриваешь людей за борт.

Вогон уставился в низкий стальной потолок, его брови почти наползли одна на другую. Его рот непроизвольно открылся. Наконец, он сказал:

— Ну, работа, в общем, непыльная.

— Это точно, — согласился Форд.

Артур тоже вывернул голову и посмотрел на Форда.

— Форд, что ты делаешь? — удивленно прошептал он.

— Да так, интересуюсь окружающим меня

миром, — ответил Форд. — Итак, работа, значит, неплохая? — заключил он, обращаясь к вогону.

Вогон таращился на него, пока мысли его копошились в темных глубинах.

— В общем, да, — ответил он, — а в частности, это ты точно говоришь, в основном паршиво. Кроме… — он снова подумал, для чего ему потребовалось посмотреть на потолок. — Кроме насчет поорать, это я люблю. — Он вдохнул и заревел: — Сопротивление…

— Да, конечно, — быстро оборвал его Форд. — У тебя хорошо получается. Но если в основном паршиво, — он говорил медленно, чтобы его слова доходили наверняка, — так зачем же ты этим занимаешься? Ради чего? Женщины? Деньги? Крутизна? Или ты считаешь достойной тебя участью мириться с этим безмозглым однообразием?

— Э-э… — сказал охранник, — э-э… я не знаю. Я, вроде как… так и делаю. Моя тетя сказала, что служить в охране на космическом корабле — это хорошее занятие для молодого вогона: форма, вот, кобура… безмозглое однообразие опять же.

— Вот, Артур, — сказал Форд с выражением человека, обретшего истину в споре. — А ты думаешь, что у тебя проблемы.

Артур и в самом деле так думал. Кроме неприятностей с родной планетой, его уже почти придушил вогон, и к тому же, ему совсем не улыбалось быть выброшенным в космос.

— Вникни-ка лучше в его проблему, — задушевно вещал Форд. — Бедный парень, вся его жизнь сводится к тому, чтобы маршировать, выбрасывать людей из корабля.

— И орать, — добавил охранник.

— И орать, конечно, — сказал Форд, похлопывая по толстой руке, с дружелюбной снисходительностью сдавливавшей его шею. — И он даже не знает, зачем он это делает!

Артур согласился с тем, что это очень печально. Он сделал слабый жест, потому что уже не мог говорить от удушья.

Охранник глухо заворчал в замешательстве:

— Ну, если ты так считаешь, то я…

— Молодец! — подбодрил его Форд.

— Ну, допустим, — проворчал тот, — а какая альтернатива?

— Порвать с этим, конечно! — сказал Форд радостно, но медленно. — Скажи им, что ты не желаешь больше этим заниматься. — Он почувствовал, что к этому нужно что-нибудь добавить, но охранник был занят тем, что переваривал

вышесказанное.

— Эм-м-м-м… — сказал вогон, — мне это не очень нравится.

Форд понял, что момент ускользает.

— Подожди минутку, — торопливо сказал он. — Ведь это только начало, ты не знаешь, что будет дальше.

Но в это время охранник снова сжал локти и вернулся к выполнению приказа доставить пленников к шлюзу. Очевидно, его задело за живое.

— Нет, пожалуй, если вам все равно, — сказал он, — я лучше засуну вас в шлюз и пойду поору для тренировки.

Но Форду Префекту было не все равно.

— Подожди, послушай! — заговорил он уже не так медленно и не так радостно.

— Х-х-х-р-р-х-х-х. — сказал Артур Дент почти без интонаций.

— Постой, — увещевал Форд. — Я хочу еще рассказать тебе кое-что о музыке, искусстве!.. Х-х-х-р-р-х-х-х!.

— Сопротивление бесполезно! — проревел охранник и добавил: — Понимаешь, если я буду стараться, то меня произведут в оральные старшины. А для тех, кто не орет и никого никуда не швыряет, переспектив мало. Так что я лучше буду

делать то, что умею.

Они уже добрались до шлюза — массивного и тяжелого круглого люка во внутренней обшивке корабля. Охранник повертел рукоятки, и люк мягко открылся.

— Спасибо за участие, — сказал вогон. — Пока.

Он впихнул Форда и Артура через люк в маленькую камеру. Артур лежал, хватая ртом воздух. Форд заметался по камере и тщетно попытался задержать плечом закрывающийся люк.

— Но послушай, — крикнул он охраннику. — Есть целый мир, о котором ты ничего не знаешь. как насчет этого?

Он в отчаянии ухватился за единственный кусочек культуры, который он знал навскидку — первый такт пятой симфонии Бетховена:

— Да-да-да-дам! Разве это не пробуждает в тебе никаких чувств?

— Нет, — сказал охранник. — Но я расскажу об этом моей тете.

Если он и сказал что-то еще, то этого уже не было слышно. Люк герметично закрылся и все звуки, кроме глухого гула двигателей, замерли.

Они находились в гладко полированной цилиндрической камере около шести футов в диаметре и десяти футов в длину.

— А мне он показался потенциально способным парнем, — вздохнул Форд и прислонился к изогнутой стенке.

Артур лежал там, где упал. Он не взглянул на Форда. Он никак не мог отдышаться.

— Мы в ловушке, да?

— Да, — ответил Форд, — мы в ловушке.

— А ты разве ничего не придумал? Мне показалось, что ты собирался что-то придумать. Может быть, ты придумал и сам этого не заметил?

— Да, я кое-что придумал, — вздохнув, сказал Форд. Артур посмотрел на него с надеждой.

— Но для этого, — продолжал Форд, — нам было бы нужно быть по ту сторону этого люка. — И он пнул по люку, в который их только что засунули.

— Но это была хорошая идея, да?

— Да.

— И в чем она состояла?

— Я не успел продумать детали. Но ведь теперь это не имеет большого значения?

— И. что же будет дальше?

— Ну… люк перед нами автоматически откроется, мы вылетим в открытый космос, и, я думаю, задохнемся. Если ты наберешь полные легкие воздуха, то продержишься еще около тридцати секунд, — ответил Форд. Он заложил руки за

спину и начал напевать про себя старинный бетельгейзский боевой гимн. В этот момент он показался Артуру настоящим инопланетянином.

— Вот как, — сказал Артур. — Значит, мы умрем.

— Да, — ответил Форд. — Если только… нет! Минутку! — Он метнулся через камеру к чему-то, что было вне поля зрения Артура. — Что это за выключатель?

— Что? Где? — воскликнул Артур, поворачиваясь.

— Нет, это глупая шутка, — сказал Форд. — Мы, конечно же, умрем.

Он прислонился к стенке и замурлыкал свою мелодию с того места, где остановился.

— Ты знаешь, — сказал Артур, — именно в такие моменты, когда я бываю заперт в шлюзовой камере вогонского космического корабля вместе с человеком с Бетельгейзе и вот-вот умру от удушья в открытом космосе, я начинаю жалеть о том, что не слушал, что говорила мне моя мать, когда я был маленьким.

— А что она тебе говорила?

— Не знаю, я ведь не слушал.

— А-а… — и Форд замурлыкал дальше.

«Это ужасно, — подумал Артур. — Колонны

Нельсона больше нет, Макдональдса нет; все, что осталось, это я и слова «В основном, безвредна». Через несколько секунд останется только «В основном, безвредна». А ведь только вчера на моей планете все было так хорошо!»

Зажужжал мотор. Тоненький свист перерос в рев воздуха, вырывающегося в черную пустоту, усеянную невероятно яркими светящимися точками. Форд и Артур вылетели в открытый космос, как конфетти из хлопушки.

Глава 8

«Путеводитель по Галактике для автостопщиков» — замечательнейшая книга. Она дополнялась и исправлялась много раз в течение многих лет во многих редакциях. В ее создании приняло участие бесчисленное множество путешественников и исследователей.

Предисловие к ней начинается так: «Космос велик. Он просто огромен. Вы даже не поверите, насколько он умопомрачительно громаден. Вам может казаться, что от вашего дома до аптеки далеко, но это просто ерунда в сравнении с космосом. И т. д.»

(Дальше стиль книги становится менее высокопарным, и она начинает рассказывать о том, что вам действительно может пригодиться. Например, о том, что неописуемо прекрасная планета Бетселамин в настоящее время настолько обеспокоена кумулятивной эрозией, причиняемой десятью миллиардами туристов в год, что вся разница между количеством того, что вы съедаете и того, что вы выделяете, находясь на планете, хирургически изымается из веса вашего тела при

отъезде. Поэтому жизненно важно брать справку при каждом посещении туалета.)

Справедливости ради надо сказать, что и лучшие умы, чем тот, что сочинил предисловие к Путеводителю, содрогались перед огромностью расстояний, разделяющих звезды. Некоторые, к примеру, предлагают представить себе два орешка — один в Рединге, другой в Йоханнесбурге, другие тоже дают не менее головокружительные сравнения. Истина в том, что человеческое воображение просто не в состоянии постигнуть межзвездные расстояния.

Даже свету, который движется так быстро, что большинству рас требуются тысячи лет, чтобы понять, что он вообще движется, нужно время, чтобы дойти от одной звезды до другой. Он идет восемь минут от звезды по имени Солнце до того места, где была Земля, и еще четыре года до ближайшей к Солнцу звезды Альфа Проксимы.

До противоположного конца Галактики, например, до Дамограна, он идет дольше: пятьсот тысяч лет. Рекордное время, чтобы проехать это расстояние автостопом — чуть меньше пяти лет, но при этом вы мало что увидите в пути.

Путеводитель по Галактике для автостопщиков говорит, что если вы наберете полные

легкие воздуха, то сможете прожить в полном космическом вакууме около тридцати секунд. Однако, — продолжает он, — притом, что космос имеет умопомрачительные размеры, есть вероятность, что за эти тридцать секунд вас подберет другой космический корабль, которая равна двум в степени двести шестьдесят семь тысяч семьсот девять к одному.

По совершенно сногсшибательному совпадению, таким же был номер телефона квартиры в Айлингтоне, где Артур был на очень веселой вечеринке и познакомился с очень милой девушкой, с которой у него ровным счетом ничего не вышло, — она ушла с человеком, который пришел без приглашения.

И хотя планета Земля, квартира в Айлингтоне и телефон были уже уничтожены, очень утешительно осознавать, что они хоть как-то увековечены в том факте, что через двадцать девять секунд Форд и Артур были спасены.

Глава 9

Компьютер обеспокоенно заверещал что-то сам себе, заметив, что шлюзовая камера открылась и закрылась без видимой на то причины.

Это случилось потому, что Здравый Смысл ушел на обед.

В Галактике только что образовалась дыра. Она просуществовала ничтожнейшую долю секунды, была шириной в ничтожнейшую долю дюйма и длиной во многие миллионы световых лет.

Когда она закрылась, из нее выпало множество бумажных колпаков и надувных шаров, и они уплыли в даль Вселенной. Также из нее выпали семеро трехфутовых рыночных аналитиков и умерли отчасти от удушья, отчасти от удивления. Еще из нее выпали двести тридцать девять тысяч поджаренных яиц и материализовались большой кучей на пораженной голодом планете Погхрил в системе Пансел.

Все население Погхрила перед этим вымерло от голода, кроме одного человека, который умер через несколько недель от отравления холестерином.

За ничтожную долю секунды своего существования дыра реверберировала во времени взад и вперед самым невероятным образом. Где-то в глубоком прошлом она серьезно травмировала небольшую случайную группу атомов, плывших в стерильной космической пустоте, и столкнула их вместе, заставив принять причудливые и необычные конфигурации. Эти конфигурации быстро научились воспроизводить себя (этим они и были необычны) и доставили огромные проблемы всем планетам, до которых они добрались. Так зародилась жизнь во Вселенной.

Пять бешеных событийных водоворотов завертелись в диком вихре хаоса и разбились о мостовую.

На мостовой лежали Форд Префект и Артур Дент, раскрывая рты, как выброшенные из воды рыбы.

— Ну, вот, — просипел Форд, пытаясь вцепиться в мостовую, несшуюся сквозь Третий Уровень Непостижимости. — Я же говорил, что придумаю что-нибудь.

— Ну да, конечно, — сказал Артур.

— Это была отличная идея найти пролетающий мимо корабль, который нас спасет.

Реальная вселенная выгнулась под ними,

оставив ощущение тошноты, а различные иллюзорные вселенные беззвучно помчались мимо, как горные козы. Вспыхнул Первичный свет, расплескав пространство-время, как сметану. Время расцвело пышным цветом, а материя сжалась в ничто. Величайшее простое число свернулось тихонько в углу и исчезло навсегда.

— Брось, — сказал Артур. — Шансы были микроскопичны.

— Но ведь получилось!

— Что это за корабль? — спросил Артур, когда бездна вечности разверзлась под ними.

— Не знаю, — сказал Форд, — я еще не открыл глаза.

— Я тоже, — сказал Артур.

Вселенная подскочила, застыла, задрожала и разлетелась на куски в самых неожиданных направлениях.

Артур и Форд открыли глаза и удивленно осмотрелись вокруг.

— Боже, — сказал Артур, — это, похоже, побережье в Саутенде.

— Рад слышать это от тебя, — сказал Форд.

— Почему?

— Потому что я подумал, что сошел с ума.

— Вполне возможно. Может быть, тебе только

кажется, что я это сказал.

Форд подумал.

— А ты сказал это или нет? — спросил он.

— Наверное, да, — сказал Артур.

— Так, может, мы оба сошли с ума?

— Да, — сказал Артур, — учитывая все, мы сошли с ума, раз думаем, что это Саутенд.

— А ты думаешь, что это Саутенд.

— Да.

— И я тоже.

— Значит, мы сошли с ума.

— Сегодня отличный день для этого.

— Да, — сказал проходящий мимо маньяк.

— Кто это? — спросил Артур.

— Кто, человек с пятью головами и с кустом бузины, увешанным селедками?

— Да.

— Не знаю. Просто прохожий.

— А-а.

Они сидели на мостовой и смотрели с некоторым беспокойством, как огромные дети тяжело прыгают по песку, а дикие лошади с грохотом везут по небу в Неизведанные Области свежие запасы армированных изгородей.

— Ты знаешь, — сказал Артур, кашлянув, — если это Саутенд, то что-то с ним не так.

— Ты имеешь в виду, что море неподвижно, а здания колышутся вверх и вниз? — предположил Форд. — Да, мне это тоже кажется странным.

С ужасным грохотом Саутенд раскололся на шесть одинаковых кусков, которые заплясали и закружились в каком-то бесстыдном и непристойном хороводе. Форд продолжал:

— Вообще, происходит что-то очень странное.

Сквозь шум ветра раздался визг дудок, прямо из мостовой начали выскакивать горячие пончики по десять пенсов за штуку, из небес спикировала ужасная рыбина, и Артур с Фордом поняли, что нужно спасаться бегством.

Они рванулись сквозь стены звука, горы древней мысли, долины медитативной музыки, залежи стоптанных ботинок и тучи валяющих дурака летучих мышей, и вдруг услышали приятный женский голос. Голос звучал совершенно нормально. Он произнес:

— Два в степени сто тысяч к одному и падает. — И больше ничего.

Форд спрыгнул с луча света и заметался, ища источник голоса, но не смог найти ничего более или менее правдоподобного.

— Что это был за голос? — закричал Артур.

— Не знаю, — крикнул в ответ Форд. — Что-то

вроде измерения вероятности.

— Вероятности? Что ты имеешь в виду?

— Ну, вероятность, знаешь, как шансы два к одному, три к одному, пять к четырем. Она сказала два в степени сто тысяч к одному, это очень низкая вероятность.

Без всякого предупреждения на них опрокинулся миллионолитровый бак заварного крема.

— А что это значит? — воскликнул Артур

— Ничего, просто крем.

— Нет, я имею в виду измерение вероятности.

— Понятия не имею. Я думаю, что мы на каком-то космическом корабле.

— В таком случае, — сказал Артур, — это явно не каюта первого класса.

На ткани пространства-времени вздулись огромные уродливые волдыри.

— А-а-а-у-у-ф-ф, — сказал Артур, чувствуя, что его тело плавится и растекается во всех направлениях. — Саутенд, похоже, растаял. Звезды вертятся. Пустыня. Мои ноги уплыли на закат. И левой руки тоже нет. — Он вдруг испугался. — Черт возьми, а на чем я теперь буду носить свои электронные часы?

Он в отчаянии вывернул глаза в сторону Форда.

— Форд, — сказал он, — ты превращаешься в пингвина. Прекрати.

Снова раздался голос:

— Два в степени семьдесят пять тысяч к одному и падает.

Форд семенил вразвалочку вокруг лужицы.

— Эй, кто вы? — закрякал он. — Где вы? Что происходит и когда это кончится?

— Пожалуйста, успокойтесь, — голос звучал ласково, как у стюардессы на авиалайнере, летящем на одном крыле и двух моторах, один из которых горит. — Вы в полной безопасности.

— Да что вы говорите! — бушевал Форд. — Я не хочу быть пингвином в полной безопасности, а у моего коллеги уже почти не осталось конечностей!

— Все в порядке, они уже на месте, — сказал Артур.

— Два в степени пятьдесят тысяч к одному и падает, — сказал голос.

— Правда, — сказал Артур, — они длиннее, чем я привык, но…

— Вы что, — в птичьей ярости крякал Форд, — не считаете нужным объяснить нам, в чем дело?

Голос прочистил горло. Гигантский птифур неуклюже ускакал вдаль.

— Добро пожаловать на космический корабль «Золотое Сердце», — сказал голос. — Пусть вас не тревожит то, что вы видите или слышите вокруг себя. Вы склонны к подверженности некоторым болезненным эффектам, поскольку были спасены от верной гибели при уровне невероятности два в степени двести семьдесят шесть тысяч к одному, а возможно, и выше. Скорость нашего полета составляет два в степени двадцать пять тысяч к одному и падает. Мы восстановим нормальное состояние, как только решим, что именно нормально. Спасибо. Два в степени двадцать тысяч к одному и падает.

Голос замолчал.

Форд и Артур обнаружили, что находятся в освещенной розовым светом кабине.

Форд был в возбуждении.

— Артур! — сказал он. — Это фантастика! Нас подобрал корабль с двигателем, работающим на бесконечной невероятности! Это потрясающе! Об этом ходили слухи, но официально все отрицалось. И все-таки они это сделали! Они построили невероятностный двигатель! Артур, это же… Артур? Что случилось?

Артур уперся плечом в дверь кабины, стараясь закрыть ее, но она была плохо подогнана. Малень-

кие мохнатые ручки просовывались во все щели, пальцы на них были перепачканы чернилами; безумно верещали какие-то тоненькие голоса.

Артур взглянул на него.

— Форд! — сказал он. — Там несметное количество обезьян, они хотят поговорить с нами о новой версии «Гамлета», которую они только что сочинили.

Глава 10

Бесконечно Невероятностный Привод — это удивительный новый метод пересечения огромных межзвездных пространств в ничтожные доли секунды без всей этой нудной возни с гиперкосмосом.

Его открыли по счастливой случайности, а научно-исследовательская группа при Галактическом Правительстве на Дамогране сделала его управляемой движущей силой.

Вот вкратце история этого открытия.

Принцип генерации небольших количеств конечной невероятности способом простого соединения логических схем субмезонного мозга «Блямбик-57» с графопостроителем атомных векторов, помещенным в источник сильного броуновского движения (например, в чашку горячего чая), был прост и известен уже давно. Такие генераторы часто использовались, чтобы разгонять скуку на вечеринках, заставляя все молекулы в нижнем белье хозяйки одновременно отскакивать на полметра влево, в соответствии с теорией неопределенности.

Многие уважаемые физики отказывались мириться с этим, отчасти оттого, что это было профанацией науки, но больше оттого, что их не приглашали на такие вечеринки.

Еще они не могли примириться с постоянными неудачами, постигавшими их при попытках построить аппарат, который мог бы генерировать поле бесконечной невероятности, необходимое, чтобы перенести космический корабль через непостижимые уму расстояния между самыми дальними звездами. В конце концов, они мрачно заявили, что создать такой аппарат практически невозможно.

А однажды некий студент, которого оставили наводить порядок в лаборатории после особо неудачной вечеринки, вдруг поймал себя на том, что рассуждает следующим образом:

Если, думал он, такой аппарат практически невозможен, то, рассуждая логически, он конечно невероятен. Значит, мне просто нужно вычислить, насколько именно он невероятен, задать это число генератору конечной невероятности, дать ему свежую чашку очень горячего чая и… запустить его!

Так он и сделал и был удивлен, обнаружив, что умудрился создать вожделенный золотой

генератор бесконечной невероятности просто из ничего.

Еще больше он был удивлен, когда сразу после вручения ему Премии Галактического Института за Исключительную Сообразительность его линчевала разъяренная толпа уважаемых физиков, понявших, наконец, что единственное, с чем они никак не могли примириться, это хренов умник.

Глава 11

Защищенная от невероятности командная рубка «Золотого Сердца» выглядела как рубка обычного космического корабля, если не считать того, что она была очень чистой, поскольку была совсем новой. С некоторых кресел еще даже не сняли упаковочную пленку. Это было белое прямоугольное помещение размером с небольшой ресторанчик. Чтобы быть более точным, рубка не была строго прямоугольной: длинные ее стены были слегка параллельно изогнуты, а все углы приятно округлены. Было бы, конечно, проще и практичнее сделать рубку в виде обычной трехмерной прямоугольной комнаты, но тогда дизайнерам было бы не за что получать премию. А так она выглядела очень функциональной с большими экранами, расположенными над панелями систем контроля и астронавигации на вогнутой стене, и рядами компьютеров, встроенными в выпуклую стену.

В одном из углов сидел, сгорбившись, робот. Его сверкающая полированной сталью голова вяло свисала между сверкающими полированной

сталью коленями. Он тоже был новым, отлично собранным и отполированным, но имел такой вид, как будто все части его гуманоидоподобного тела были плохо подогнаны. На самом деле они были подогнаны превосходно, но что-то в его осанке заставляло думать, что можно было бы подогнать и получше.

Зафод Библброкс возбужденно расхаживал взад и вперед по рубке, прикасался к сверкающему оборудованию и радостно хихикал.

Триллиан сидела, склонившись над приборами, и читала их показания. Ее голос разносился системой оповещения по всему кораблю.

— Пять к одному и падает, — сказала она, — Четыре к одному и падает… три к одному… два… один… коэффициент вероятности один к одному. Состояние нормальное, повторяю, состояние нормальное. — Она выключила микрофон, затем снова включила и сказала с улыбкой: — Если у вас все еще что-то не так, то это ваши проблемы. Расслабьтесь. За вами скоро придут.

Зафод спросил раздраженно:

— Кто они такие, Триллиан?

Триллиан повернулась к нему и пожала плечами.

— Просто два парня, которых мы подобрали в

открытом космосе, — сказала она. — Сектор 22-9 Альфа-2-множественный.

— Все это очень мило, Триллиан, — недовольно сказал Зафод, — но, по-твоему, это разумно в данной ситуации? Мы в бегах и все такое, за нами гонится половина всей полиции Галактики, а мы останавливаемся, чтобы подобрать автостопщиков. Это, конечно, стильно, но ведь головой-то думать надо?

Он начал раздраженно барабанить пальцами по панели управления. Триллиан осторожно убрала его руку, чтобы он не задел чего-нибудь важного. При таких своих качествах, как порывистость, бравада, высокомерие, он был непоседлив и мог запросто взорвать корабль случайным движением руки. Триллиан подозревала, что главной причиной того, что его жизнь была такой бурной и удачливой, было то, что он никогда до конца не понимал важности того, что делал.

— Зафод, — сказала она спокойно, — они беспомощно болтались в открытом космосе. Разве ты бы хотел, чтобы они погибли?

— Ну, нет. Не то чтобы.

— Не то чтобы погибли? А что же? — Триллиан склонила голову набок.

— Ну, может быть, попозже их подобрал бы

кто-то другой.

— Секундой позже они бы умерли.

— Ну вот, если бы ты удосужилась немного подумать над проблемой, она бы решилась сама собой.

— Ты был бы рад, если бы они умерли?

— Ну, знаешь, не то чтобы рад.

— Все равно, — сказала Триллиан, поворачиваясь обратно к приборам, — это не я их подобрала.

— Что ты имеешь в виду? А кто же их подобрал?

— Корабль.

— А?

— Корабль. Сам по себе.

— А?

— Когда мы были в режиме невероятности.

— Но это невозможно!

— Нет, Зафод, это просто очень, очень невероятно.

— Ну, да.

— Послушай, Зафод, — сказала она, похлопав его по руке, — не беспокойся о них. По-моему, это просто пара парней. Я пошлю робота, чтобы он привел их сюда. Эй, Марвин!

Голова робота, сидящего в углу, сначала резко

дернулась вверх, а затем едва заметно закачалась из стороны в сторону. Он тяжело поднялся на ноги и пересек комнату так, что это показалось бы постороннему наблюдателю героическим усилием. Он остановился перед Триллиан и посмотрел как будто сквозь ее левое плечо.

— Я думаю, вам следует знать о том, что у меня глубокая депрессия, — сказал он. У него был низкий голос, в котором звучала безнадежность.

— О, боже! — простонал Зафод и упал в кресло.

— Ну, так вот тебе задача, — сказала Триллиан жизнерадостно и сочувствующе, — чтобы занять тебя и отвлечь твой ум от проблем.

— Не получится, — сказал Марвин, — у меня исключительно огромный ум.

— Марвин! — строго сказала Триллиан.

— Ладно, — сказал Марвин, — что тебе от меня нужно?

— Сходи ко второй входной камере и приведи оттуда двоих пассажиров.

Микросекундной паузой и тщательно рассчитанной микромодуляцией интонации и тембра — ничего такого, что могло бы обидеть, — Марвин выразил свое полное презрение и ужас ко всему человеческому:

— И это все? — спросил он.

— Да, — твердо сказала Триллиан.

— Мне это не доставит удовольствия, — сказал Марвин.

Зафод вскочил на ноги.

— Тебя не просят получать удовольствие! — зарычал он. — Делай, что тебе говорят!

— Ладно, — голос Марвина звучал как большой треснувший колокол, — сделаю.

— Да уж будь любезен, — рявкнул Зафод. — Спасибо тебе.

Марвин повернулся и поднял на него свои красные треугольные глаза.

— Я не действую вам на нервы? — спросил он страдальчески.

— Нет, нет, Марвин, — успокоила его Триллиан, — все хорошо.

— Мне не хотелось бы думать, что я действую вам на нервы.

— Нет, не волнуйся об этом. Будь естественным и все будет отлично.

— Ты уверена, что не обижаешься на меня? — допытывался Марвин.

— Да, да, Марвин, — баюкала она, — успокойся, просто жизнь такова.

Марвин сверкнул электронными глазами.

— Жизнь! — сказал он с презрением. — Не гово-

рите мне о жизни!

Он развернулся и тоскливо поплелся из рубки. Удовлетворенно прожужжав и щелкнув, дверь закрылась за ним.

— Зафод, кажется, я не смогу долго выносить этого робота, — простонала Триллиан.

Великая Галактическая Энциклопедия говорит, что робот — это «механический аппарат, предназначенный для выполнения работы человека». Отдел маркетинга Кибернетической Корпорации Сириуса дает роботу такое определение: «ваш пластиковый друг, с которым не будет скучно».

«Путеводитель по Галактике для автостопщиков» дает определение отделу маркетинга Кибернетической Корпорации Сириуса: «кучка безмозглых придурков, которых первыми поставят к стенке, когда начнется революция», со сноской, что редакция рассмотрит заявления всех желающих занять должность корреспондента по робототехнике.

Любопытно, что издание Великой Галактической Энциклопедии, которое по счастливой случайности прошло через искривление времени из тысячелетнего будущего, дает такое определение отделу маркетинга Кибернетической Корпорации Сириуса: «кучка безмозглых придур-

ков, которых первыми поставили к стенке, когда началась революция».

Розовая кабинка мигнула и исчезла, обезьяны провалились в более удачное измерение. Форд и Артур обнаружили, что находятся у посадочного терминала корабля. Он выглядел неплохо.

— Кажется, это совершенно новый корабль, — сказал Форд.

— Откуда ты знаешь? — спросил Артур. — У тебя есть какой-то экзотический прибор для измерения возраста металла?

— Нет, просто я нашел на полу рекламную брошюру. Всякая чушь типа «Вселенная будет вашей». Вот, смотри, я был прав.

Форд ткнул пальцем в одну из страниц и показал ее Артуру.

— Здесь написано: «Сенсационный прорыв в области невероятностной физики. Как только двигатель корабля достигает бесконечной невероятности, он может оказаться в любой точке Вселенной. Этому позавидует любое правительство». Это круто!

Форд начал с интересом читать технические характеристики корабля, время от времени восхищенно восклицая. Очевидно, галактические космические технологии продвинулись далеко

вперед за время его отсутствия.

Артур сначала слушал, но, не понимая почти ничего из того, что говорил Форд, начал глядеть по сторонам. Водя пальцем по панели невообразимого компьютерного банка, он увидел маняще большую красную кнопку, протянул руку и нажал на нее. На панели загорелись слова: «Пожалуйста, не трогайте больше эту кнопку». Артур вздрогнул.

— Слушай, — сказал Форд, отрываясь от брошюры, — на этом корабле крутая кибернетика. Новое поколение роботов и компьютеров от Кибернетической Корпорации Сириуса с функцией НЧХ.

— А что такое функция НЧХ? — спросил Артур.

— Как здесь написано, натуральный человеческий характер.

— Звучит мрачно, — сказал Артур.

— Это и есть мрачно, — раздался голос позади них. Голос звучал безнадежно и сопровождался тихим клацаньем. Они обернулись и увидели унылого стального человека, стоящего ссутулившись в дверях.

— Что? — спросили они.

— Все мрачно, — сказал Марвин. — Мрачнее не бывает. Даже говорить не стоит. Посмотрите на эту дверь, — сказал он, входя. Его голосовой

модулятор включил железные нотки, и он заговорил, имитируя стиль брошюры. — Все двери на этом корабле находятся в веселом и радостном расположении духа. Они получают удовольствие, открываясь для вас, и испытывают удовлетворение, закрываясь с сознанием выполненного долга.

Когда дверь закрылась за ним, стало ясно, что она, и вправду, сделала это с удовлетворением, вздохнув: «Умф-ф а-ах!»

Марвин наблюдал за ней с холодным презрением. Его логические схемы в отвращении застрекотали и начали манипулировать идеей применить к двери физическое насилие. Затем они щелкнули и сказали: «А стоит ли обращать внимание? Ради чего?» Тогда схемы решили позабавиться, произведя сравнительный анализ молекулярных компонентов двери и клеток человеческого мозга. После этого они на бис измерили уровень водорода в близлежащем кубическом парсеке космоса, а потом им все надоело, и они отключились. С судорогой отчаяния робот повернулся.

— Пойдемте, — проскрипел он. — Мне приказано отвести вас на мостик. У меня интеллект размером с планету, а мне велят привести вас на

мостик. По-вашему, такая работа может удовлетворять? По-моему, нет.

Он побрел к ненавистной ему двери.

— Извините, — сказал Форд, следуя за ним, — а какому правительству принадлежит этот корабль?

Марвин игнорировал вопрос.

— Посмотрите на эту дверь, — нудил он, — она собирается снова открыться. Я это чувствую по несносному самодовольству, которое она излучает.

С благодарным писком дверь уехала в стену, и Марвин прошел в проем.

— Идем, — сказал он.

Форд и Артур быстро вышли вслед за ним, и дверь с довольным урчанием встала на место.

— Спасибо отделу маркетинга Кибернетической Корпорации Сириуса, — сказал Марвин и изнеможенно потащился по блестящему изогнутому коридору. — Давайте будем делать роботов с натуральными человеческими характерами, сказали они, и сделали для пробы меня. Я — типичный человеческий характер. Сразу видно, правда?

Форд и Артур в смущении забормотали «Нет, что вы».

— Терпеть не могу эту дверь, — продолжал Марвин. — Я не действую вам на нервы?

— Какому правительству… — снова начал Форд.

— Никакому, — оборвал робот, — его угнали.

— Угнали?

— Угнали? — передразнил его Марвин. — Представь себе!

— Кто? — спросил Форд.

— Зафод Библброкс.

С лицом Форда произошло нечто необъяснимое. Как минимум пять совершенно различных выражений потрясения и удивления смешались на нем в кашу. Его левая нога, поднятая в шаге, казалось, не могла найти пол.

— Зафод Библброкс?… — переспросил он слабым голосом.

— Простите, я что-то не то сказал? — сказал Марвин, не останавливаясь и не обращая внимания на Форда. — Извините за то, что я дышу, хоть я никогда и не дышу; не знаю даже, зачем я это говорю. Боже, как мне плохо! Вот еще одна самодовольная дверь. Жизнь! Не говорите мне о жизни!

— Да никто о ней и не говорил, — раздраженно пробормотал Артур. — Форд, ты в порядке?

Форд растерянно посмотрел на него.

— Этот робот сказал «Зафод Библброкс»? — спросил он.

Глава 12

В рубке «Золотого Сердца» громко играла музыка: Зафод искал по суб-эфирному радио новости о себе. Ему это с трудом удавалось. Многие годы радио настраивали, нажимая кнопки и вращая рукоятки. Позже технология стала сложнее, и управление сделали сенсорным, — достаточно было касаться панелей пальцами. Теперь же нужно было просто помахивать рукой в направлении аппаратуры и надеяться, что попал. Это, конечно, экономило расход мышечной энергии, но если вы хотели слушать одну и ту же программу, то приходилось сидеть почти неподвижно.

Зафод махнул рукой, и канал переключился. Опять музыка, но в этот раз она была фоном для программы новостей. Новости всегда сильно редактировались, чтобы соответствовать ритму музыки.

— …новости нашего канала на всю Галактику круглые сутки, — заверещал голос диктора. — И мы говорим «Привет!» всем разумным существам… и остальным тоже, будьте с нами, ребята. Конечно же, главная новость на сегодня — это

сенсационный угон нового корабля с невероятностным приводом никем иным, как Президентом Галактики Зафодом Библброксом. Всех мучает вопрос: неужели Большой Заф вконец рехнулся? Библброкс — человек, который изобрел пангалактический бульк-бластер; бывший мошенник, встречу с которым Эксцентрика Галлумбитс охарактеризовала однажды как лучший трах со времен Большого Взрыва; человек, который седьмой год подряд признан Хуже Всех Одетым Разумным Существом в Изведанной Вселенной; будет ли ответ положительным? Мы спросили его об этом его личного психиатра Кляпа Недомерека.

Музыка на момент затихла. Заговорил другой голос, предполагалось, что это был Недомерек. Он сказал:

— Ну, фы ше снаете Сафота, это такой челофек… — и замолчал, потому что электрический карандаш пролетел над приемником, и он выключился. Зафод в ярости повернулся к Триллиан, — это она бросила карандаш.

— Зачем ты это сделала? — спросил он.

Триллиан постукивала пальцами по экрану, полному цифр.

— Я тут кое о чем подумала… — сказала она.

— Да? И это кое-что стоило того, чтобы прерывать сводку новостей обо мне?

— Ты и так много о себе слышишь.

— Ты же знаешь, я не в безопасности.

— Давай на минутку отвлечемся от твоего эго. Это важно.

— Если здесь есть что-то, что важнее моего эго, его сейчас же нужно схватить и расстрелять… — Зафод злобно посмотрел на нее, но потом рассмеялся.

— Ну, так вот, — сказала она, — мы подобрали тех двух парней.

— Каких двух парней?

— Тех двух парней, которых мы подобрали.

— Ах, да, — сказал Зафод, — тех двух парней.

— Мы подобрали их в секторе 22-9 Альфа-2-множественный.

— Да? — сказал Зафод и моргнул.

Триллиан спросила тихо:

— Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Хм, — сказал Зафод. — 22-9 Альфа-2-множественный. 22-9 Альфа-2-множественный?

— Ну? — спросила Триллиан.

— Э-э… а что означает буква 2?

— Которая?

— Любая.

Одной из главных трудностей, которые Триллиан испытывала в общении с Зафодом, было научиться определять, прикидывается ли он тупым, чтобы сбить людей с толку; прикидывается ли он тупым, потому что ему лень думать, и он хочет, чтобы кто-то это сделал за него; прикидывается ли он непроходимо тупым, чтобы скрыть, что он не понимает, что происходит; или же он по-настоящему непритворно туп. Он был известен как человек огромного ума и, совершенно очевидно, был таковым, но не всегда, что его сильно смущало и заставляло вести себя подобным образом. Он предпочитал скорее озадачить людей, чем вызвать у них презрение. Это казалось Триллиан настоящей глупостью в первую очередь, но ей не хотелось спорить с ним об этом.

Она вздохнула и ткнула пальцем в звездную карту на экране, чтобы ему стало ясно.

— Вот, — показала она. — Вот здесь.

— А, ну да! — сказал Зафод.

— И что же? — спросила она.

— Что «и что же»?

Ей начало казаться, что ее голова раскалывается на две части, и обе части лопаются от пронзительного визга. Она сказала очень спо-

койно:

— Это тот самый сектор, в котором ты подобрал меня.

Он посмотрел на нее, а затем на экран.

— Ну да! — сказал он. — С ума сойти! Мы, наверное, оказались в самой середине туманности Конской Головы. Как мы сюда попали? Это же невесть где.

Она не обратила на это внимания.

— Невероятностный привод, — сказала она. — Ты же сам мне объяснял. Мы можем попасть в любую точку Вселенной.

— Но ведь это дикое совпадение.

— Да.

— Подобрать кого-то в этом месте? Из всей Вселенной именно здесь? Это слишком. Я хочу в этом разобраться. Компьютер!

Бортовой компьютер, изготовленный Кибернетической Корпорацией Сириуса, который контролировал и управлял каждой частичкой корабля, включился в режим общения.

— Привет! — сказал он радостно и одновременно с этим из него выползла узенькая перфоленточка. На ней было написано «Привет!»

— О, боже, — сказал Зафод. Он еще мало работал с этим компьютером, но уже начал его

ненавидеть.

Компьютер продолжал навязчиво веселым голосом, как будто продавал стиральный порошок:

— Я хочу, чтобы вы знали: какая бы у вас ни была проблема, я помогу ее решить.

— Да, да, — сказал Зафод. — Послушай, я лучше посчитаю на бумажке.

— Ну конечно, — сказал компьютер, тут же выплевывая бумажку в мусорное ведерко. — Я все понимаю. Если вы хотите…

— Заткнись! — сказал Зафод и, взяв карандаш, сел у пульта рядом с Триллиан.

— Ну ладно, ладно, — сказал компьютер обиженным тоном и отключил свой голосовой канал.

Зафод и Триллиан склонились над цифрами, которые высветились на экране анализатора трассы невероятностного полета.

— Мы можем вычислить невероятность их спасения с их точки зрения? — спросил Зафод

— Да, это постоянная величина, — ответила Триллиан. — Два в степени двести семьдесят шесть тысяч семьсот девять к одному.

— Много. Им сильно повезло.

— Да.

— А относительно нас в тот момент, когда ко-

рабль их подобрал?

Триллиан запросила значение. Оно оказалось равно двум в степени бесконечность минус один (иррациональное число, имеющее смысл только в невероятностной физике).

— Маловато, — произнес Зафод, присвистнув.

— Да, — согласилась Триллиан и посмотрела на него с любопытством.

— Если умудриться это рассчитать, то результат получится очень и очень невероятным.

Зафод начеркал на листе несколько столбиков, зачеркнул их все и отшвырнул карандаш.

— Я не могу это посчитать.

— И что же?

Зафод в раздражении стукнул одной головой о другую и заскрипел зубами.

— Ну ладно, — сказал он. — Компьютер!

Голосовые схемы ожили.

— Привет! — сказали они (выползла ленточка). — Все, чего я хочу, это сделать ваш день лучше, и лучше, и лучше.

— Хорошо, заткнись и сделай мне кое-какой расчет.

— Конечно, — застрекотал компьютер. — Вам нужен прогноз вероятности на основе…

— Данных невероятности, да!

— Отлично, — продолжал компьютер. — Интересный факт: вы знаете, что жизнью большинства людей управляют телефонные номера?

Сначала одно, а потом другое лицо Зафода болезненно искривились.

— Ты что, рехнулся? — жалобно спросил он.

— Нет, но вы рехнетесь, когда я скажу вам, что…

У Триллиан перехватило дыхание. Ее пальцы заскребли по кнопкам дисплея трассы невероятностного полета.

— Телефонный номер? — выдохнула она. — Эта штука сказала: телефонный номер?

На экране замигали цифры.

Компьютер, вежливо примолкший перед этим, продолжил:

— Я хотел сказать, что…

— Спасибо, не беспокойся, — прервала Триллиан.

— Что такое? — спросил Зафод.

— Не знаю, — сказала Триллиан, — но эти парни и нудный робот подходят к мостику. Давай посмотрим на них через монитор.

Глава 13

Марвин плелся по коридору и по-прежнему жаловался:

— …и тут я, конечно же, почувствовал ужасную боль во всех диодах моей левой руки.

— Да? — мрачно спросил Артур, шедший рядом. — Неужели?

— О, да, — сказал Марвин. — Я попросил, чтобы мне их заменили, но никто меня никогда не слушает.

— Могу себе представить.

Форд что-то тихонько насвистывал и бормотал.

— Вот так дела, — говорил он себе, — Зафод Библброкс.

Внезапно Марвин остановился и поднял руку.

— Вы, конечно, знаете, что сейчас произошло?

— Нет, а что? — спросил Артур, не желавший этого знать.

— Мы приблизились еще к одной двери.

В левой стене была дверь. Марвин подозрительно посмотрел на нее.

— Ну? — сказал Форд нетерпеливо. — Мы в нее

войдем?

— Мы в нее войдем? — передразнил Марвин. — Да! Это вход на мостик. Мне сказано привести вас на мостик. Я не удивлюсь, если это окажется самым высоким требованием, которое будет предъявлено сегодня к моим интеллектуальным возможностям.

Медленно, с огромной неприязнью, он подошел к двери, как охотник, крадущийся за своей добычей. Но она все равно открылась неожиданно.

— Спасибо вам за то, что вы так осчастливили простую дверь, — сказала она.

В глубине грудной клетки Марвина заскрежетало.

— Просто удивительно, — произнес он похоронным голосом. — Когда ты думаешь, что жизнь уже просто никак не может стать хуже, она вдруг берет, и становится.

Он прошел в дверь. Артур и Форд посмотрели друг на друга и пожали плечами. Изнутри они услышали голос Марвина:

— Вот вам ваши пассажиры. Мне сесть в угол и ржаветь там дальше или развалиться на куски прямо здесь?

— Введи их, Марвин, — донесся другой голос.

Артур посмотрел на Форда и увидел, что тот

смеется.

— Что?...

— Тс-с, — сказал Форд, — входи.

Он прошел на мостик.

Артур, нервничая, вошел следом и был ошеломлен, увидев развалившегося в кресле человека, положившего ноги на пульт управления и ковыряющего левой рукой в зубах правой головы. Правая голова, казалось, была всецело занята этим, но зато левая улыбалась широко и непринужденно. Количество вещей, видя которые, Артур не верил своим глазам, все росло. Его челюсть отвисла.

Необычный человек лениво помахал рукой Форду и сказал небрежно:

— Привет, Форд, как поживаешь?

Форда это не обескуражило.

— Зафод, — протянул он, — рад тебя видеть! Превосходно выглядишь, тебе идет лишняя рука. Ты украл отличный корабль.

Артур вытаращил глаза.

— Ты знаешь этого человека? — спросил он, тыча пальцем в сторону Зафода.

— Конечно, знаю! — воскликнул Форд. — Это же... — он остановился и решил представить их друг другу в другом порядке.

— Зафод, это мой друг Артур Дент, — сказал он. — Я спас его, когда его планета взорвалась.

— Очень приятно, — сказал Зафод. — Привет, Артур, рад за тебя. — Его правая голова повернулась, сказала «Привет» и вернулась к ковырянию в зубах.

Форд продолжал:

— Артур, это мой сводный двоюродный брат Зафод Би.

— Мы знакомы, — не дал ему договорить Артур.

Когда вы мчитесь по шоссе, лениво обгоняя другие машины и чувствуя как вы довольны собой, и вдруг случайно переключаетесь с четвертой скорости на первую вместо третьей, отчего ваш двигатель и ваши мозги чуть не вылетают прочь, вы должны чувствовать себя примерно так же, как почувствовал себя Форд Префект при этом замечании.

— Э-э… что?

— Я сказал, мы знакомы.

Зафод изобразил удивление и поперхнулся зубочисткой.

— А… в самом деле? Э-э…

Форд обернулся к Артуру, яростно сверкая глазами. Теперь, будучи почти дома, он почувствовал

досаду оттого, что ему приходится возиться с этим примитивным невеждой, который знает о галактических делах не больше, чем комар из Илфорда о жизни в Пекине.

— Что ты несешь? — возмутился он. — Это же Зафод Библброкс с Бетельгейзе-Пять, а не какой-нибудь Мартин Смит из Кройдона.

— Плевать, — холодно сказал Артур. — Мы ведь уже встречались, Зафод Библброкс? Или мне называть тебя… Фил?

— Как? — вскрикнул Форд.

— Напомните мне, пожалуйста, — сказал Зафод. — У меня ужасная память на виды.

— Это было на вечеринке, — подсказал Артур.

— Артур, прекрати! — потребовал Форд.

Но Артур не унимался.

— Вечеринка, шесть месяцев назад. На Земле… в Англии.

Зафод с натянутой улыбкой покачал головой.

— Лондон, — настаивал Артур, — Айлингтон.

— Ах, та вечеринка… — сказал Зафод, виновато вздрогнув.

Это было просто нечестно по отношению к Форду. Он переводил взгляд с Артура на Зафода и обратно.

— Как? — сказал он Зафоду. — Ты хочешь ска-

зать, что ты тоже был на этой жалкой планете?

— Нет, что ты, — сказал Зафод беззаботно. — Я просто завернул на минутку по пути куда-то.

— Но я же проторчал там пятнадцать лет!

— Ну, так я же не знал.

— Но что ты там делал?

— Просто заглянул.

— Он приперся без приглашения на вечеринку, — гневно заявил Артур. — Это был маскарад.

— Ну, конечно, как же иначе! — сказал Форд.

— И на этой вечеринке, — не мог успокоиться Артур, — была девушка. Впрочем, теперь это уже неважно. Ничего уже нет.

— Хватит скулить о своей несчастной планете, — сказал Форд. — Что это была за девушка?

— Просто девушка. У меня с ней ничего не вышло. Она была хороша, обаятельна, умна. Я весь вечер ее клеил, и вдруг появляется этот твой приятель и говорит: «Эй, куколка, этот парень тебя достал? Поговори лучше со мной. Я с другой планеты». И больше я ее не видел.

— Зафод? — воскликнул Форд.

— Да, — сказал Артур, сверкая глазами и стараясь не чувствовать себя дураком. — Только тогда у него было две руки и одна голова, и он говорил, что его зовут Фил, но…

— Но признай, что он и вправду оказался с другой планеты, — сказала Триллиан, обнаружив себя на другом конце мостика. Она мило улыбнулась Артуру, на которого как будто вдруг обрушилась тонна кирпичей, и продолжала управлять кораблем.

Несколько секунд стояла тишина, затем Артур попытался выудить несколько слов из каши в своей голове:

— Триша Макмиллан? Как ты здесь оказалась?

— Так же, как и ты, — ответила она, — меня подвезли. В конце концов, какая у меня была перспектива с одним дипломом по математике, а с другим по астрофизике? Разве что очередь на бирже.

— Расчет невероятности закончен, — сказал компьютер. — Ответ: бесконечность минус один.

Зафод посмотрел на Форда, на Артура и, наконец, на Триллиан.

— Триллиан, — спросил он, — а что, подобные вещи будут происходить каждый раз, когда мы будем включать невероятностный привод?

— Боюсь, что да, — ответила она.

Глава 14

«Золотое Сердце» плыл через космическую ночь, теперь уже на обычном фотоновом двигателе. Четыре человека, составлявшие его экипаж, чувствовали себя неуютно, зная, что они вместе не по собственной воле и не по простому совпадению, а по странному физическому принципу — как будто отношения между людьми подчиняются тем же законам, что отношения между атомами и молекулами.

Когда на корабле наступила искусственная ночь, каждый из них был рад уйти в свою каюту и привести в порядок свои мысли.

Триллиан не спалось. Она сидела на кушетке и смотрела на маленькую клетку, в которой было последнее и единственное, что связывало ее с Землей — пара белых мышей, которых Зафод, поддавшись уговорам, позволил ей взять с собой. Она не ожидала, что еще когда-нибудь увидит свою планету, но все же была расстроена своей отрицательной реакцией на ее уничтожение. Земля казалась далекой и нереальной, и у нее даже не нашлось мыслей, чтобы подумать о ней.

Она смотрела, как мыши копошатся в клетке и бегают в колесах, до тех пор, пока они полностью не овладели ее вниманием. Внезапно она встряхнулась и решила сходить на мостик посмотреть показания приборов. Ей хотелось понять, что же это за вещь, о которой она старалась не думать.

Зафоду не спалось. Ему тоже хотелось понять, о чем он не позволял себе думать. Сколько он себя помнил, у него всегда было назойливое смутное ощущение раздвоенности. Ему почти всегда удавалось отогнать его и не беспокоиться, но сейчас оно вернулось с внезапным и необъяснимым появлением Форда Префекта и Артура Дента. Оно, казалось, каким-то образом вписывалось в невидимую ему картину.

Форду не спалось. Он был в возбуждении оттого, что он снова в пути. Пятнадцатилетнее заключение закончилось, когда он уже почти перестал надеяться. Будет весело пошляться немного с Зафодом, хотя с ним было что-то неладно, и Форд не мог понять, что. Он был потрясен тем, что Зафод стал Президентом Галактики, и еще больше тем, как он покинул этот пост. Была ли на это какая-то причина? Спрашивать об этом самого Зафода не было смысла: он никогда не в состоянии был объяснить причин того, что делал; для него это

было искусством ради искусства. Он бросался на все в жизни с чем-то вроде помеси необузданного гения и наивной некомпетентности, которые зачастую были трудно различимы.

Артур спал, он ужасно устал.

Зафод услышал стук в дверь. Она открылась.

— Зафод…

— Да?

— Мне кажется, мы нашли то, что ты искал.

— Да???

Форд отказался от попыток уснуть. В углу его каюты стоял маленький компьютер. Он посидел за ним немного, пытаясь сочинить новую статью о вогонах для «Путеводителя», но не смог выдумать ничего достаточно едкого и бросил. Он надел халат и решил сходить на мостик.

Войдя, он с удивлением увидел две фигуры, взволнованно склонившиеся над приборами.

— Видишь? Корабль скоро войдет на орбиту, — говорила Триллиан. — Там планета. На тех самых координатах, которые ты предсказал.

Зафод услышал шум и обернулся.

— Форд! — воскликнул он. — Иди сюда, посмотри.

Форд подошел и посмотрел. На экране светились ряды цифр.

— Ты узнаешь эти галактические координаты? — спросил Зафод.

— Нет.

— Я подскажу. Компьютер!

— Привет, ребята! — возликовал компьютер. — Собирается компания?

— Заткнись, — сказал Зафод, — и покажи экраны.

Свет на мостике погас. Светящиеся точки играли на пультах и отражались в четырех парах глаз, смотрящих на экраны внешнего монитора.

На них совсем ничего не было.

— Узнаешь? — спросил Зафод.

Форд нахмурился.

— Нет, — сказал он.

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Ты его узнаешь?

— О чем ты?

— Мы в туманности Конской Головы. Одно сплошное огромное темное облако.

— И я должен был узнать его по совершенно пустому экрану?

— Темная туманность — это единственное место в Галактике, где ты можешь увидеть черный экран.

— Ну и ладно.

Зафод рассмеялся. Он совершенно очевидно был чем-то очень обрадован, почти как ребенок.

— Это же здорово, это просто великолепно!

— Что великолепного в том, чтобы попасть в облако пыли?

— А что, по-твоему, может там находиться? — продолжал Зафод.

— Ничего.

— Ни звезд, ни планет?

— Нет.

— Компьютер! — закричал Зафод. — Разверни угол обзора на сто восемьдесят градусов, и без разговоров!

В первый момент показалось, что ничего не произошло, затем что-то засветилось на краю огромного экрана. По нему ползла красная звезда величиной с тарелку, а следом за ней еще одна: бинарная звездная система. Затем в углу картинки возник большой полумесяц — красный свет, переходящий в черноту — ночная сторона планеты.

— Я нашел ее! — закричал Зафод, колотя кулаком по пульту. — Я ее нашел!

Форд ошеломленно смотрел на экран.

— Что это? — спросил он.

— Это, — сказал Зафод, — самая невероятная планета из всех, которые когда-либо существовали.

Глава 15

(Выдержка из «Путеводителя по Галактике для автостопщиков», стр. 634784, раздел 5-а, статья «Магратея»)

В глубокой древности, в славные дни бывшей Галактической Империи, жизнь была разнообразной, богатой и, по большей части, без налогов.

Мощные космические корабли бороздили бескрайние пространства в поисках славы и приключений среди экзотических солнц в самых отдаленных уголках Галактики. В те дни сердца были отважными, а ставки высокими, мужчины были настоящими мужчинами, женщины — настоящими женщинами, а маленькие мохнатые существа с Альфы Центавра — настоящими маленькими мохнатыми существами с Альфы Центавра. Люди не боялись бросать вызов неизвестности, совершать героические деяния и склонять несклоняемые существительные. Так закалялась Империя.

Многие люди, конечно же, становились несказанно богатыми, но это было совершенно естественно и не зазорно, так как никто не был беден (во всяком случае, никто достойный упоминания). Неизбежно, самым богатым и преуспевающим жизнь начинала казаться скучной и мелочной, и они думали, что виной тому было несовершенство миров, в которых они жили, — в каждом было что-нибудь не так: то климат был нехорош ближе к вечеру; то сутки на полчаса длиннее, чем нужно; то море имело не тот оттенок розового цвета.

Так были созданы условия для появления совершенно новой отрасли промышленности — планетостроения. Центром этой промышленности была планета Магратея, где гиперкосмические инженеры протягивали материю через белые дыры космоса, чтобы делать из нее на заказ идеальные планеты — золотые, платиновые, резиновые с множеством землетрясений — с качеством, отвечающим высочайшим требованиям, предъявляемым богатейшими людьми Галактики.

Планетостроение было настолько успешным бизнесом, что Магратея сама вскоре стала богатейшей планетой всех времен, зато остальная Галактика впала в нищету. Вся система заглохла, Империя рухнула, и миллиарды миров погрузились в долгую угрюмую тишину, нарушаемую лишь скрипом авторучек книжников, пишущих по ночам мудреные трактаты по плановой политэкономии.

Магратея исчезла, и даже память о ней стала легендой.

В наше просвещенное время никто, конечно же, не верит ни единому слову этой истории.

Глава 16

Артур проснулся от шума спорящих голосов и прошел на мостик. Форд размахивал руками.

— Ты сошел с ума, Зафод, — говорил он. — Магратея — миф, сказка, которую родители рассказывают своим детям на ночь, если хотят, чтобы они стали экономистами, это…

— И мы как раз входим на ее орбиту, — настаивал Зафод.

— Я — не знаю, на какую орбиту лично ты входишь, — сказал Форд, — но этот корабль…

— Компьютер! — крикнул Зафод.

— О, нет…

— Привет! Это Эдди, ваш бортовой компьютер. Мне так клёво, я готов уделать любую программу, которую вы пожелаете мне задать!

Артур вопросительно посмотрел на Триллиан. Она жестом велела ему войти, но помалкивать.

— Компьютер, — сказал Зафод, — дай нашу траекторию.

— С удовольствием, дружище, — затарахтел тот. — Мы находимся на трехсотмильной орбите легендарной планеты Магратея.

— Это ничего не доказывает, — сказал Форд. — Я не поверю этому компьютеру, даже если он сообщит мне мой собственный вес.

— Конечно, сообщу! — радостно воскликнул компьютер, гоня перфоленту. — Я даже могу рассчитать твои личностные проблемы с точностью до десяти знаков, если это тебе поможет.

— Зафод, — вмешалась Триллиан, — мы сейчас можем в любую минуту выйти на дневную сторону планеты, а что это за планета, мы не знаем.

— О чем ты говоришь? Смотри, ведь планета находится именно там, где я предсказал!

— Да, я вижу, что там планета. Я ни с кем не спорю, но я не в состоянии отличить Магратею от какого-нибудь булыжника. Смотри, сейчас будет восход.

— Ладно, ладно, — проворчал Зафод, — давайте, по крайней мере, посмотрим. Компьютер!

— Привет! Что я…

— Заткнись и покажи еще раз планету.

Темная, бесформенная масса снова заполнила экраны: под ними плыла поверхность планеты. Несколько секунд они смотрели молча, но Зафод ерзал от нетерпения.

— Мы пересекаем границу ночной стороны… — сказал он осипшим голосом. — Мы в трехстах

миль от поверхности планеты. — Он пытался почувствовать момент, который должен был стать великим. Магратея! Его задела скептическая реакция Форда. Магратея!

— Через несколько секунд, — твердил он. — Сейчас увидим. Вот!

Момент настал. Даже самый бывалый звездный бродяга не может сдержать дрожи при таком зрелище, как восход солнца, наблюдаемый из космоса. Восход же двух солнц — одно из чудес Галактики.

В полной темноте сверкнула ослепительно яркая точка света. Она начала расползаться в стороны, превращаясь в узкий полумесяц, и через несколько секунд показались два солнца: огненные светила, сжигающие белым пламенем черный край горизонта. Яркие цветные сполохи струились сквозь разреженную атмосферу.

— Пламя зари!... - прошептал Зафод. — Двойное солнце Сулианис и Рам!...

— Или какое-нибудь другое, — сказал Форд тихо.

— Я сказал, Сулианис и Рам! — упрямо сказал Зафод.

Солнца ярко светились среди космической бездны, а над мостиком плыла тихая заунывная

музыка: это насмешливо напевал что-то Марвин, демонстрируя свою неприязнь к человеческим существам.

Глядя на открывшееся им зрелище, Форд испытывал будоражащее его волнение, но его волновало лишь то, что он видит незнакомую ему планету, и больше ничего. Его раздражало то, что Зафод пытается примешать к этому еще какую-то нелепую фантазию, чтобы набить себе цену. Вся эта чепуха о Магратее казалась ему ребячеством. Разве недостаточно просто любоваться прекрасным садом, и не воображать при этом, что там водятся феи?

Артур ничего не понял в разговорах о Магаратее. Он подобрался к Триллиан и спросил ее, что же происходит.

— Я знаю только то, что мне рассказал Зафод, — прошептала она. — Кажется, Магратея — это какая-то древняя легенда, в которую никто всерьез не верит. Что-то вроде земной Атлантиды, но только на Магратее якобы делали планеты.

Артур, моргнув, посмотрел на экраны, и вдруг почувствовал, что ему чего-то не хватает. Потом он понял, чего.

— А на этом корабле есть чай? — спросил он.

Планета все больше открывалась им по мере

того, как «Золотое Сердце» двигался по орбите. Вся пиротехника рассвета осталась позади, солнца были теперь высоко в черном небе, и поверхность планеты оказалась при свете дня пустынной и мрачной. Серая, пыльная, имеющая какие-то расплывчатые контуры, она выглядела мертвой и холодной, как склеп. Время от времени на горизонте возникало что-то обещающее — расселины, горы, может быть, даже города — но, когда они приближались, очертания таяли, и там ничего не оказывалось. Поверхность планеты была истерта временем и медленным движением разреженного воздуха, ползшими над ней столетие за столетием.

Было ясно, что она очень, очень стара.

Сомнение овладело Фордом, когда он смотрел на серый ландшафт, плывший под ними. Неизмеримость времени тревожила его, он физически ощущал ее. Он прочистил горло.

— Ну, предположим, что…

— Не предположим, а так и есть, — сказал Зафод.

— Что, конечно, не так, — продолжал Форд. — И что ты будешь делать дальше? Ведь там ничего нет.

— На поверхности нет, — сказал Зафод.

— Ладно, допустим, что-то там есть. Ты ведь не собираешься устраивать археологические раскопки. Что тебе нужно?

Одна голова Зафода посмотрела в сторону. Другая оглянулась, чтобы посмотреть, куда смотрит первая, но там ничего не было.

— Ну, — сказал Зафод небрежно, — отчасти это любопытство, отчасти любовь к приключениям, но главное, наверное, это слава и деньги.

Форд пристально посмотрел на него. У него было сильное впечатление, что Зафод сам не имеет ни малейшего понятия о том, ради чего он здесь находится.

— Вы знаете, мне совсем не нравится вид этой планеты, — сказала Триллиан с дрожью.

— Не обращай внимания, — сказал Зафод. — Она может позволить себе быть неряшливой, когда в ней зарыта половина богатств бывшей Галактической Империи.

Ерунда, подумал Форд. Даже если предположить, что здесь когда-то существовала цивилизация, превратившаяся теперь в пыль, даже если предположить еще много маловероятных вещей, все равно огромные богатства не могли бы сохраниться здесь в форме, представляющей какой-либо интерес. Он пожал плечами.

— Я думаю, это всего лишь мертвая планета, — сказал он.

— Неизвестность сводит меня с ума, — сказал Артур раздраженно.

Стресс и нервное напряжение являются в наше время серьезной социальной проблемой во всех частях Галактики. Поэтому, во избежание усугубления данной ситуации, следует, заглянув вперед, открыть следующие факты.

Рассматриваемая планета — это на самом деле легендарная Магратея.

Результатами смертоносного ракетного залпа, который вскоре будет дан древней автоматической системой защиты, будут всего лишь три разбитые кофейные чашки, поломанная клетка для мышей, ушиб кое-чьей верхней руки, и преждевременное появление на свет и внезапная кончина горшка с петуниями и ни в чем не повинного кашалота.

Для того чтобы все-таки сохранить ощущение тайны, мы не откроем вам, кто ушиб свою верхнюю руку. Данный факт вполне годится для создания напряжения, поскольку он не имеет ни малейшего значения.

Глава 17

После довольно сумбурного начала дня мысли Артура начали восстанавливаться из руин, в которых пребывали в результате вчерашних событий. Он отыскал синтезатор напитков «Нутримат», который выдал ему пластиковый стаканчик с жидкостью, которая напоминала, но весьма отдаленно, чай. Этот автомат работал очень интересным образом. При нажатии на кнопку «Напиток» он выполнял моментальное, но очень подробное исследование вкусовых почек субъекта и спектральный анализ его обмена веществ, а затем посылал по нервным проводящим путям пробные микросигналы к вкусовым центрам мозга субъекта, чтобы посмотреть, что и как ему пойдет. Правда, никто не знал, зачем он все это делает, потому что в результате он неизменно выдавал порцию жидкости, которая напоминала, но весьма отдаленно, чай. «Нутриматы» разрабатывались и производились Кибернетической Корпорацией Сириуса, отдел жалоб и предложений которой занимает в настоящее время все основные массивы суши трех

первых планет звездной системы Тау Сириуса.

Артур выпил жидкость и нашел, что она бодрит. Он снова посмотрел на экраны и увидел еще несколько сот миль проплывающей по ним серой пустоши. И тут ему пришло в голову задать давно беспокоивший его вопрос:

— А эта планета безопасна?

— Магратея мертва уже пять миллионов лет, — ответил Зафод. — Конечно, она безопасна. Даже привидения на ней уже осели и обзавелись семьями.

И в этот самый момент на мостике раздался странный и необъяснимый звук — приглушенный, гулкий и призрачный, похожий на грохот фанфар где-то вдалеке. Вслед за ним зазвучал такой же приглушенный, гулкий и призрачный голос. Голос сказал:

— Приветствуем вас.

Кто-то с мертвой планеты говорил с ними.

— Компьютер! — крикнул Зафод.

— Привет!

— Что это, фотон побери?

— А, это просто пятимиллионолетняя запись, которую нам проигрывают.

— Кто? Запись?

— Тихо! — сказал Форд. — Она не кончилась.

Голос был старым, учтивым, почти приятным, но в нем безошибочно угадывалась угроза.

— Говорит автоответчик, — сказал он, — так как, боюсь, никого сейчас нет на месте. Коммерческий Совет Магратеи благодарит вас за ваш любезный визит.

(«Голос с древней Магратеи!» — воскликнул Зафод. «Ладно, ладно» — сказал Форд.)

— ...но, к сожалению, — продолжал голос, — бизнес на нашей планете временно приостановлен. Будьте добры, оставьте ваше имя и адрес планеты, на которой с вами можно будет связаться. Говорите после сигнала.

Прозвучал гудок, затем тишина.

— Они хотят от нас отделаться, — нервно сказала Триллиан. — Что будем делать?

— Да это же просто запись, — сказал Зафод. — Летим дальше. Компьютер, слыхал?

— Понял, — ответил компьютер и прибавил скорость.

Они подождали.

Через секунду снова раздались фанфары, и голос произнес:

— Мы хотим заверить вас, что как только наш бизнес возобновится, во всех светских журналах и цветных приложениях будут даны объявле-

ния, и наши клиенты вновь смогут насладиться выбором из всего лучшего, что может предложить современная география. — Угроза в голосе зазвучала явственнее. — А пока мы бы хотели поблагодарить наших клиентов за их интерес к нашей планете и попросить их удалиться. Сейчас же!

Артур посмотрел на напряженные лица своих спутников.

— Я полагаю, нам лучше уйти? — предположил он.

— Нет, — сказал Зафод. — Волноваться абсолютно не о чем.

— Так почему же все так нервничают?

— Не нервничают, а заинтригованы! — закричал Зафод. — Компьютер, входи в атмосферу и готовься к посадке.

На этот раз фанфары прозвучали небрежно, а голос холодно:

— Нам крайне лестно ваше неослабное внимание к нашей планете. Мы уверяем вас, что управляемые снаряды, в данный момент наводимые на ваш корабль, являются дополнительной услугой, предоставляемой нашим наиболее настойчивым клиентам, а ядерные боеголовки — это, конечно же, не более чем знак вежливо-

сти. Надеемся быть вам полезными и в будущих жизнях. Спасибо за внимание.

Голос замолк.

— Ой, — сказала Триллиан.

— А-а. — сказал Артур.

— Ну, так что? — сказал Форд.

— Послушайте, — воскликнул Зафод, — как вы не понимаете? Это же просто автоответчик. Ему миллионы лет. Это нас не касается!

— А как насчет снарядов? — тихо спросила Триллиан.

— Снарядов? Не смеши меня!

Форд похлопал Зафода по плечу и показал на задний экран. На нем было отчетливо видно, как вслед кораблю движутся сквозь атмосферу две серебристые стрелы. Увеличение показало две массивные ракеты. Это потрясло их своей неожиданностью.

— Мне кажется, они постараются сделать все, чтобы это нас коснулось, — сказал Форд.

Зафод изумленно смотрел на ракеты.

— Поразительно! — сказал он. — Кто-то там внизу собирается нас убить!

— Поразительно, — повторил Артур.

— Разве вы не понимаете, что это означает?

— Да. Мы умрем.

— Да, а что еще?

— А что еще?

— Это означает, что нам нужно что-то делать!

С каждой секундой ракеты на экране становились все больше. Они уже вышли на прямую траекторию и теперь были видны только жирные точки их обращенных к кораблю боеголовок.

— Очень интересно, — сказала Триллиан, — и что же нам делать?

— Не волноваться, — сказал Зафод.

— И это все? — вскрикнул Артур.

— Нет, еще мы… э-э… совершим отвлекающий маневр! — сказал Зафод во внезапном приступе паники. — Компьютер, какой отвлекающий маневр мы можем совершить?

— Боюсь, что никакого, ребята, — ответил компьютер.

— Ну, а что-нибудь другое, — сказал Зафод, — а?…

— Похоже, что мою навигационную систему заклинило, — жизнерадостно пояснил компьютер. — Сорок пять секунд до соприкосновения. Можете звать меня Эдди, если вам от этого будет легче.

Зафод попытался предпринять несколько решительных действий сразу.

— Хорошо! — сказал он. — Мы должны перейти на ручное управление кораблем.

— А ты умеешь им управлять? — вкрадчиво спросил Форд.

— Нет, а ты?

— И я нет.

— Триллиан, а ты?

— Нет.

— Вот и славно, — сказал Зафод с облегчением. — Значит, будем делать это вместе.

— Я тоже не умею, — сказал Артур, почувствовавший, что настало время заявить о себе.

— Вот об этом я бы и сам догадался, — сказал Зафод. — Итак, компьютер, я хочу перейти на полное ручное управление.

— Вот, пожалуйста, — ответил компьютер.

Несколько больших панелей съехали в сторону и из-под них шеренгами повыскакивали пульты управления, засыпав экипаж пенопластовой крошкой и целлофаном: ими еще никто никогда не пользовался.

Зафод бессмысленно уставился на них.

— Ну что, Форд, — произнес он, — полный назад и десять градусов право руля, или как там еще?...

— Удачи вам, ребята, — прострекотал компьютер, — до соприкосновения тридцать секунд.

Форд подскочил к пультам; он смог догадаться о назначении некоторых рукояток и схватился за них. Корабль затрясло оттого, что его двигатели с визгом начали толкать его одновременно во всех направлениях. Форд отпустил половину рукояток и корабль, описав крутую дугу, развернулся кругом и направился навстречу ракетам.

Всех швырнуло к стенам, из которых тут же выскочили воздушные подушки. Несколько секунд, прижатые к стенам силами инерции, они не могли пошевелиться и лишь хватали ртами воздух. Зафод в отчаянии извернулся и, дотянувшись, пнул небольшой тумблер на навигационной панели.

Тумблер отломился. Корабль резко развернулся и рванул вверх. Экипаж бросило к противоположной стене. Экземпляр «Путеводителя по Галактике» Форда ударился в один из пультов управления, в результате чего «Путеводитель» начал рассказывать всем, кому это было интересно, как лучше вывезти контрабандой с Антареса железы антаресского попугая (железа антаресского попугая, насаженная на маленькую палочку — отвратительный, но пользующийся большим спросом коктейльный деликатес, и очень богатые идиоты платят за них огромные

деньги, желая произвести впечатление на других очень богатых идиотов), а корабль стал камнем падать вниз.

Примерно в это время один из членов экипажа как раз и получил синяк на верхнюю руку. Это следует особо отметить, поскольку, как уже сообщалось ранее, никто, за этим исключением, не пострадал, а смертоносные ядерные снаряды так и не попали в корабль. Безопасность экипажа гарантирована.

— Двадцать секунд до соприкосновения, ребята. — сообщил компьютер.

— Так включай же обратно двигатели! — заорал Зафод.

— Будет сделано, ребята, — ответил компьютер. С негромким гулом двигатели вновь заработали, корабль плавно вышел из пике и опять направился навстречу ракетам.

Компьютер запел песню.

— Наверх вы, товарищи, — затянул он гнусаво, — все по местам…

Зафод завопил, чтобы он заткнулся, но голос его потонул в какофонии того, что, естественно, казалось им приближающейся гибелью.

— Последний парад наступа-а-ет! — завывал Эдди.

Корабль, выходя из пике, развернулся кверху дном, и теперь, лежа на потолке, никто из экипажа не мог дотянуться до системы навигации.

— Врагу не сдается наш гордый «Варяг»…

С экранов на них грозно надвигались ракеты.

— Пощады никто не желает!

Но, по счастливой случайности, ракеты не смогли верно совместить свою траекторию с траекторией беспорядочно дергающегося корабля и прошли под ним.

— Все вымпелы вьются и цепи гремят… Скорректированное время до соприкосновения пятнадцать секунд. Наверх якоря поднима-а-ют…

Ракеты со свистом развернулись и помчались обратно вслед за кораблем.

— Значит, — произнес Артур, глядя на них, — теперь мы точно умрем, да?

— Прекрати! — крикнул Форд.

— Так умрем или нет?

— Да.

— Готовые к бою, орудия в ряд… — вопил Эдди.

Артура вдруг озарило. Он с трудом поднялся на ноги.

— А почему бы не включить эту штуку — невероятностный привод? — спросил он. — До нее, пожалуй, можно дотянуться.

— Ты что, рехнулся? — удивился Зафод. — Если его не запрограммировать, может произойти что угодно.

— А разве в данный момент это имеет значение? — закричал Артур.

— …на солнце зловеще сверкают, — голосил Эдди.

Артур попытался вскарабкаться на один из чудесно очерченных изгибов на стыке стены и потолка.

— Прощайте, товарищи, с Богом, ура…

— Кто-нибудь знает, почему Артур не может включить невероятностный привод? — закричала Триллиан.

— Холодное море под нами… Пять секунд до соприкосновения; было приятно с вами пообщаться, ребята, благослови вас господь. Не думали, братцы мы с вами вчера…

— Я спрашиваю, — завизжала Триллиан, — кто-нибудь знает…

Далее последовало светопреставление.

Глава 18

После чего «Золотое Сердце» продолжил свой полет совершенно нормально, но с новым интерьером весьма приятного дизайна. Мостик стал как будто бы просторнее, и был выполнен в нежных пастельных зеленых и голубых тонах. В центре мостика, посреди клумбы с папоротником и желтыми цветами находилась никуда не ведущая винтовая лестница, а рядом с ней каменная тумба с солнечными часами, в которой размещался главный компьютерный терминал. Хитроумное расположение ламп и зеркал создавало иллюзию, что вы находитесь в оранжерее, окруженной огромным, тщательно ухоженным садом. По периметру оранжереи стояли мраморные столики на изящных фигурных ножках из кованого железа. Глядя в полированную мраморную поверхность, вы видели очертания приборов, а когда вы к ним прикасались, приборы мгновенно материализовались под рукой. Зеркала, если посмотреть в них под углом, как оказывалось, отражали все требуемые данные и показания, хотя было неясно, от чего они их отра-

жали. Тем не менее, это было восхитительно.

Зафод Библброкс, развалившись в плетеном кресле, спросил:

— А что, черт возьми, произошло?

— Я же говорю, — сказал Артур, сидя в непринужденной позе возле маленького бассейна с рыбками, — вон тот переключатель невероятностного привода… — он махнул рукой в сторону, где раньше был переключатель. Теперь там стояло растение в кадке.

— Но где мы находимся? — спросил Форд, сидевший на спиральной лестнице с хорошо охлажденным пангалактическим бульк-бластером в руке.

— Там же, где и были, по-моему, — ответила ему Триллиан, глядя на зеркала, которые показывали изображение пепельного магратейского ландшафта, по-прежнему ползшего под ними.

Зафод вскочил.

— Тогда что же стало с ракетами?

В зеркалах появилась новая, совершенно поразительная картина.

— Похоже, — сказал Форд с сомнением в голосе, — что они превратились в горшок с петуниями и очень удивленного кита.

— С коэффициентом невероятности, — вмешал-

ся Эдди, который ничуть не изменился, — восемь миллионов семьсот шестьдесят семь тысяч сто двадцать восемь к одному.

Зафод уставился на Артура.

— Ты это сам придумал, землянин? — спросил он.

— Ну, — сказал Артур, — я всего лишь…

— Ты это очень хорошо придумал. Надо же, включить на секунду невероятностный привод без активизации страховочного экрана! Послушай, парень, ты ведь спас нам жизнь, понимаешь?

— Ну, что ты, — смутился Артур, — ничего особенного.

— Ничего особенного? — переспросил Зафод. — Ну и ладно, тогда забыли об этом. Компьютер, заходи на посадку.

— Но…

— Все, все, забыли.

Еще одна вещь, о которой забыли — это факт, что вопреки всякой вероятности, на высоте нескольких миль над чужой планетой был вызван к существованию кашалот.

И поскольку это далеко не самое естественное положение для кита, то у этого несчастного существа было очень мало времени на то, чтобы

успеть свыкнуться с осознанием того, что оно кит, перед тем, как ему пришлось свыкнуться с осознанием того, что оно уже больше не кит.

Вот полная запись его мыслей с момента, когда началась его жизнь, до момента, когда она окончилась.

Ах!.. что происходит? — подумал кит.

Э-э, простите, кто я?

Привет.

Что я здесь делаю? Каково мое назначение в жизни?

А что я имею в виду, спрашивая, кто я?

Успокойся, приди в себя… о, это интересное ощущение, что это такое? Это вроде… посасывания, дрожи у меня в… у меня в… пожалуй, мне нужно начинать придумывать названия для разных вещей, если я хочу чего-то достигнуть в том, что я для удобства назову миром, поэтому, скажем так: у меня в желудке.

Отлично. Ого, крепчает. А что это за свистящий звук у меня в том, что я буду называть ушами? Наверное, я назову это… ветер! По-моему, неплохое название. Может быть, я найду какое-нибудь получше потом, когда выясню, зачем он нужен. Наверное, он — очень важная вещь, потому что его так много. Оп, а это что за штука? Это… на-

зовем это хвост, да, хвост. О, да я могу здорово им бить! Ух ты, ух ты! Здорово! Правда, от него не видно никакого толка, но попозже я выясню, для чего он. Ну что, я составил себе отчетливую картину о природе вещей?

Нет.

Ну, ничего, все равно здорово. Столько нужно всего узнать, столько еще будет, просто голова кружится.

Или это от ветра? Его так много.

Ух, ты! Оба-на! Что это движется ко мне так быстро? Очень, очень быстро. Такое большое и плоское! Ему нужно очень красивое и звучное имя, например… ля… мля… земля! Точно! Хорошее название.

Интересно, мы с ней подружимся?

А далее, после внезапного влажного удара, была тишина.

Весьма любопытно, но единственной мыслью горшка с петуниями, пока он падал, было: «Как, опять?» Многие люди впоследствии размышляли о том, что если бы они знали наверняка, почему горшок с петуниями думал так, то им было бы гораздо больше известно о природе Вселенной.

Глава 19

— Мы возьмем его с собой? — спросил Форд, глядя с неприязнью на Марвина, сутуло стоявшего в углу под небольшой пальмой.

Зафод оторвался от зеркальных экранов, показывавших панораму пустынного ландшафта, на который только что приземлился «Золотое Сердце».

— А, параноидальный андроид, — сказал он. — Да, возьмем.

— И что мы будем делать с этим маниакально-депрессивным роботом?

— И это, по-твоему, проблема? — произнес Марвин так, как будто обращался к свежезаселенному гробу. — Вот что тебе делать, если ты и есть маниакально-депрессивный робот? Нет-нет, не трудись отвечать, я и сам не знаю ответа, хотя я в пятьдесят тысяч раз умнее тебя. У меня начинает болеть голова, когда я пытаюсь опуститься до твоего уровня мышления.

Из своей каюты выбежала Триллиан.

— Мои белые мыши сбежали! — воскликнула она.

Выражение беспокойства и озабоченности не промелькнуло ни на одном из лиц Зафода.

— Ну их к черту, твоих белых мышей, — ответил он.

Триллиан расстроенно посмотрела на него и снова исчезла.

Возможно, ее сообщение привлекло бы больше внимания, если бы было известно, что люди были третьими по уровню интеллекта существами на планете Земля, а не (как полагало большинство независимых обозревателей) вторыми.

— Добрый день, мальчики.

Голос казался как-то странно знакомым, но не таким, каким они его знали. В нем было нечто матриархальное. Он прозвучал, когда экипаж подошел к герметичной наружной двери, чтобы выйти из корабля.

Они озадаченно переглянулись.

— Это компьютер, — объяснил Зафод. — Я выяснил, что у него есть резервный комплект личностных характеристик, и подумал, что они будут получше.

— Итак, вы впервые выходите на чужую планету, — продолжал Эдди новым голосом. — Оденьтесь потеплее и не играйте с нехорошими пучеглазыми чудищами.

Зафод нетерпеливо постучал по двери.

— Мне кажется, лучше бы мы пользовались логарифмической линейкой.

— Что? — рассердился компьютер. — Кто это сказал?

— Компьютер, открой, пожалуйста, дверь, — попросил Зафод, сдерживаясь.

— Не открою, пока тот, кто это сказал, не сознается, — потребовал компьютер.

— О, Боже, — пробормотал Форд, прислонился к стенке и начал считать до десяти. Он отчаянно боялся, что когда-нибудь разумные существа разучатся это делать. Только считая, люди могут продемонстрировать свою независимость от компьютеров.

— Ну! — строго сказал Эдди.

— Компьютер… — начал Зафод.

— Я жду, — оборвал его Эдди. — Если потребуется, я могу ждать весь день.

— Компьютер… — снова сказал Зафод, который попытался было найти какой-нибудь аргумент, чтобы урезонить компьютер, но решил не соревноваться с ним на его поле. — Если ты сейчас же не откроешь дверь, я взломаю твою базу данных и перепрограммирую тебя большим-пребольшим топором, понял?

Эдди, в шоке, замолчал и начал думать.

Форд продолжал считать вслух. Это одно из самых агрессивных действий, которые вы можете применить к компьютеру, равносильное тому, чтобы медленно приближаться в темноте к человеку, повторяя: «Умри… умри… умри…»

Наконец, Эдди тихо сказал:

— Я вижу, нам придется поработать над нашими отношениями, — и дверь открылась.

На них дунул ледяной ветер. Они, ежась, спустились по трапу на безжизненную поверхность Магратеи.

— Вы у меня еще поплачете, — крикнул им вслед Эдди и захлопнул дверь.

Несколько минут спустя он открыл и закрыл ее снова в ответ на команду, заставшую его совершенно врасплох.

Глава 20

Пять фигур медленно брели по голой земле. Кое-где она привлекала взгляд тускло-серыми пятнами, кое-где тускло-коричневыми, остальной же пейзаж был еще менее интересным. Она была похожа на осушенное болото, лишенное всякой растительности и покрытое слоем пыли в дюйм толщиной. Было очень холодно.

Зафод был явно обескуражен. Он шел в отдалении от остальных и вскоре исчез из вида за каким-то возвышением.

Ветер оглушал и слепил Артура, затхлый разреженный воздух сдавливал ему горло. Однако сильнее всего был потрясен его разум.

— Фантастика… — сказал он и не узнал своего голоса. Звук плохо передавался в этой жиденькой атмосфере.

— Жуткая дыра, я тебе скажу, — отозвался Форд. — На помойке и то было бы веселее. — В нем росло раздражение. Из всех планет во всех солнечных системах целой Галактики надо же было оказаться в такой яме, да еще после пятнадцати лет прозябания на Земле! Нет даже ни

одной палатки с пирожками. Он наклонился и поднял ком земли, но под ним не было ничего, что стоило бы того, чтобы лететь за тысячи световых лет.

— Нет, — настаивал Артур, — ты не понимаешь, ведь я впервые по-настоящему стою на поверхности чужой планеты! Совсем другой мир! Жаль вот только, что он оказался такой дырой.

Триллиан, обхватив себя за плечи, дрожала и хмурилась. Она готова была поклясться, что заметила краем глаза какое-то легкое и неожиданное движение в той стороне, откуда они пришли, но когда она посмотрела в ту сторону, то увидела только корабль, неподвижно стоявший в сотне ярдов от них.

Она почувствовала облегчение, когда через секунду увидела Зафода, стоявшего на каком-то гребне и машущего им рукой. Он выглядел обрадованным, но они не слышали того, что он говорил, из-за разреженности атмосферы и из-за ветра.

Когда они подошли к гребню земляного возвышения, они увидели, что оно имеет форму кольца. Это была воронка диаметром около полутораста ярдов. По внешнему склону воронки валялись какие-то красно-черные куски. Они остановились,

чтобы рассмотреть один из них. Он был мокрый и напоминал резину. Они вдруг с ужасом поняли, что это свежее китовое мясо.

Зафод ждал их на верху гребня.

— Смотрите, — сказал он, показывая внутрь воронки.

В центре лежали разбросанные останки одинокого кашалота, который прожил недостаточно долго, чтобы сожалеть о своей судьбе. Тишина нарушалась только невольными спазмами в горле Триллиан.

— Я полагаю, что нам нет смысла пытаться похоронить его? — пробормотал Артур и тут же пожалел об этом.

— Идемте, — сказал Зафод и начал спускаться в воронку.

— Туда, вниз? — спросила Триллиан с отвращением.

— Да, — ответил Зафод. — Идем, я вам кое-что покажу.

— Мы и так видим, — возразила Триллиан.

— Нет, не это, — сказал Зафод, — кое-что еще. Пошли.

Они колебались.

— Идемте же, — настаивал Зафод. — Я нашел вход вовнутрь.

— Вовнутрь? — переспросил Артур в ужасе.

— Вовнутрь планеты! Подземный ход. Кит пробил дыру, в нее мы и пройдем. Туда, где пять миллионов лет не ступала нога человека, в самую глубь времен.

Марвин снова насмешливо замычал свою песенку. Зафод дал ему пинка, и он замолчал.

Брезгливо вздрагивая, они спустились вслед за Зафодом в воронку, стараясь не глядеть на ее незадачливого создателя.

— Жизнь, — скорбно сказал Марвин. — Она может быть вам отвратительна или безразлична, но нравиться она не может.

Земля провалилась там, где упал кит, обнаружив целую сеть галерей и переходов, которые теперь были сильно завалены обломками и потрохами. Зафод начал расчищать один из проходов, но у Марвина это вышло гораздо быстрее. Сырой воздух поднимался из темных глубин, и когда Зафод посветил фонарем внутрь, мало что было видно в пыльном мраке.

— Согласно легендам, — сказал он, — магратеяне большую часть своей жизни проводили под землей.

— Почему? — спросил Артур. — Поверхность была слишком загрязнена или перенаселена?

— Нет, не думаю, — ответил Зафод. — Наверное, она им просто не нравилась.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что ты делаешь? — спросила его Триллиан, нервно вглядываясь во тьму. — Ведь нас уже один раз атаковали.

— Детка, я ведь сказал тебе, что на всей планете живых людей только нас четверо. Пойдем. Э-э, как тебя, землянин…

— Артур, — сказал Артур.

— Ага, давай, ты с роботом постоишь здесь, постережешь. Ладно?

— Стеречь? — не понял Артур. — От кого? Ты же сказал, что здесь никого нет.

— Ну, так, для безопасности, ладно?

— Для чьей безопасности — твоей или моей?

— Вот и молодец. Идем!

Зафод начал пробираться вниз, за ним Триллиан и Форд.

— Надеюсь, вам там будет хреново, — проворчал Артур.

— Не беспокойся, — хмуро уверил его Марвин, — конечно, будет.

Через несколько секунд они скрылись из вида.

Артур обиженно потоптался вокруг дыры, но потом решил, что могила кита — не совсем подходящее для этого место.

Марвин несколько секунд злобно смотрел на него, а затем выключился.

Зафод быстро шел по тоннелю. Он сильно нервничал, но пытался скрыть это за целеустремленностью. Он светил фонарем по сторонам. Стены были холодные на ощупь, выложенные темной плиткой, в воздухе стоял запах тления.

— Что я вам говорил? — сказал он. — Необитаемая планета… Магратея! — и он продолжил свой путь по грязному и замусоренному тоннелю.

Триллиан вспомнила лондонскую подземку, хотя там было не настолько убого.

Через определенные промежутки плитка на стенах сменялась мозаикой: это были простые угловатые узоры ярких цветов.

— Послушай, ты не знаешь, что это за странные знаки?

— Просто странные знаки, и все, — отозвался Зафод, едва оглянувшись.

Триллиан пожала плечами и поспешила за ним.

Время от времени справа и слева попадались двери, которые вели в небольшие каморки, полные, как обнаружил Форд, древнего компьютерного оборудования. Он затащил Зафода в одну из них. Триллиан вошла следом.

— Смотри, — сказал Форд, — ты утверждаешь, что это Магратея.

— Да, — ответил Зафод, — и мы слышали голос, разве нет?

— Допустим, я поверил, что это Магратея… на секунду. Но ты так и не сказал нам, как ты ее вычислил. Ты ведь не просто заглянул в звездный атлас и увидел ее там.

— Исследования, правительственные архивы, розыскная работа и несколько удачных догадок. Это просто.

— И тогда ты угнал «Золотое Сердце», чтобы слетать взглянуть на нее?

— Я угнал его, чтобы взглянуть на многие вещи.

— Многие? — удивился Форд. — Например, какие?

— Не знаю.

— Что?

— Я не знаю, что за вещи я ищу.

— Почему?

— Потому что… потому что… Я думаю, что если бы я знал это, то был бы не в состоянии их найти.

— Что? Ты не в своем уме?

— Вполне возможно. Я в этом еще не разобрал-

ся, — тихо сказал Зафод. — Я знаю о себе лишь столько, сколько мой мозг осознает в своем теперешнем состоянии. А состояние у него теперь неважное.

Долгое время никто не произносил ни слова. Форд обеспокоенно глядел на Зафода.

— Послушай, старик, — произнес он, наконец, — если ты хочешь…

— Нет, подожди. Я кое-что тебе расскажу, — перебил его Зафод. — Я живу как хочу, делаю все, что мне бог на душу положит. Мне захотелось стать президентом Галактики, и я стал, запросто. Решил угнать этот корабль, и угнал. Захотел найти Магратею, и она нашлась. Да, я, конечно, прилагаю усилия и думаю, как это сделать лучше, но ведь не было так, чтобы у меня что-то не вышло. Как карточка Галактокредита: она работает, хоть ты и не выписываешь чеков. А когда я вдруг задумываюсь: а почему я захотел сделать то-то или то-то, как я нашел способ это сделать — мои мысли как будто блокируются. Вот и сейчас так. Мне трудно даже говорить об этом.

Зафод помолчал. Остальные тоже молчали. Потом он нахмурился и сказал:

— Сегодня ночью я снова думал об этом. О том, что какая-то часть моего сознания не подчиняет-

ся мне. И тогда мне пришло в голову, что кто-то использует мой ум, чтобы получать хорошие идеи, а мне об этом не говорит. Я сопоставил все и предположил, что, может быть, кто-то заблокировал специально для этого участок моего сознания, поэтому я и не могу им пользоваться. Я решил это проверить. Я пошел в медсекцию и произвел полное энцефалографическое обследование обеих своих голов. Оно ничего не показало. Во всяком случае, ничего неожиданного. Тесты показали, что я умен, одарен богатым воображением, безответствен, не заслуживаю доверия, экстраверт, в общем, все, о чем и так не трудно догадаться. И никаких аномалий. Я начал сам придумывать различные тесты, без всякой системы. По-прежнему ничего. Тогда попробовал наложить результаты обследования одной головы на результаты другой. Тоже ничего. В конце концов, я решил, что у меня просто приступ паранойи, и хотел было уже бросить все. Напоследок я взял совмещенный снимок обеих голов и просветил его зеленым светом. Ты ведь помнишь, как я в детстве был суеверен к зеленому? Я хотел быть пилотом на коммивояжере.

Форд кивнул.

— И точно, — сказал Зафод, — как черным по

белому. Два участка, по одному в каждом мозге, связанные только друг с другом, и больше ни с чем. Какой-то мерзавец прижег все синапсы и травмировал эти две части мозжечков.

Форд посмотрел на него с ужасом. Триллиан побледнела.

— Это сделал человек? — прошептал Форд.

— Ну да.

— Но кто? И почему?

— Могу только догадываться, почему. Но кто эта сволочь, я знаю.

— Ты знаешь? Откуда?

— Он выжег на поврежденных синапсах свои инициалы. Специально, чтобы я увидел.

У Форда по коже побежали мурашки.

— Инициалы? Выжженные на твоем мозге?

— Ну да.

— О, Господи, и какие же?

Зафод посмотрел на него, не отвечая, потом отвел глаза.

— З. Б. - сказал он.

В этот момент стальная дверь позади них захлопнулась, и в камеру потек газ.

— Я потом расскажу остальное, — прокашлял Зафод, и все трое потеряли сознание.

Глава 21

По поверхности Магратеи задумчиво расхаживал взад и вперед Артур.

Форд предусмотрительно оставил ему свой «Путеводитель по Галактике для автостопщиков», чтобы ему было не скучно. Он нажал наугад несколько кнопок.

«Путеводитель по Галактике для автостопщиков» — очень неоднородная книга, в ней встречается информация, которая в какой-то момент просто попалась на глаза редактору и показалась ему занимательной.

Один из таких кусков (на него как раз и наткнулся Артур) предположительно имеет отношение к экспериментам Виита Вужагига, скромного студента Максимегалонского университета, подававшего надежды в областях древней филологии, трансформационной этики и волногармонической теории исторической перцепции, который однажды, после ночи, проведенной за питьем пангалактических бульк-бластеров с Зафодом Библброксом, страстно увлекся проблемой того, что случилось со всеми шариковыми ручками,

которые он покупал в течение последних лет.

За этим последовал долгий период кропотливых исследований, во время которых он посетил все крупнейшие центры сбора потерянных ручек Галактики, и, в конце концов, вывел причудливую теорию, которая в то время даже несколько взбудоражила воображение широких кругов общества. Где-то в космосе, утверждал он, наряду с планетами, населенными гуманоидами, рептилоидами, рыбоидами, ходячими деревоидами и суперразумными оттенками синего цвета, существует планета, занятая исключительно шарико-ручечными формами жизни. Именно к этой планете стремятся беспризорные ручки, тихонько проскальзывая через космические лазейки, чтобы добраться до мира, где, как им известно, они смогут вести нормальный, в ручечном эквиваленте, образ жизни, полностью отвечающий ручечной системе ценностей.

И все, как это обычно бывает с теориями, было мило и славно, пока Виит Вужагиг не заявил вдруг, что он нашел эту планету, побывал на ней и работал там шофером лимузина у семьи дешевых зеленых авторучек на пружинках. После этого за ним приехали, поместили его в запертую комнату, где он написал книгу, и, наконец,

отправили туда, где люди не платят налогов — обычная участь тех, кто решил публично повалять дурака.

А когда, на всякий случай, по космическим координатам, где, по утверждению Вужагига, должна была находиться эта планета, отправили экспедицию, она обнаружила там только маленький астероид, на котором жил одинокий старик, непрерывно твердивший, что все неправда. Хотя, как выяснилось позже, он лгал.

Остался, тем не менее, невыясненным вопрос о таинственных шестидесяти тысячах альтаирских долларов, переводимых ежегодно на его счет в банке Брантисвогана, и, конечно, об очень прибыльном бизнесе Зафода Библброкса по торговле подержанными шариковыми ручками.

Артур прочитал это и отложил книгу.

Робот сидел совершенно неподвижно.

Артур встал, поднялся на гребень воронки и обошел ее кругом. Он посмотрел на два солнца, величественно стоящие над Магратеей.

Он спустился обратно в воронку и разбудил робота, потому что лучше все-таки разговаривать с маниакально-депрессивным роботом, чем ни с кем.

— Ночь наступает, — сказал он. — Смотри, ро-

бот, звезды появляются.

Из центра темной туманности видно очень мало звезд, и видны они плохо, но все же видны.

Робот послушно посмотрел на них, потом снова опустил голову.

— Знаю, — сказал он. — Гадость, правда?

— А какой закат! Мне такое даже никогда не снилось — два солнца! Как будто горы огня посреди космоса.

— Я видел, — ответил Марвин. — Дрянь.

— У меня дома было только одно солнце, — продолжал Артур. — Я с планеты Земля.

— Знаю, — сказал Марвин, — ты об этом говоришь не переставая. Просто достал.

— Нет, это было прекрасное место.

— Там были океаны?

— О, да, — ответил Артур со вздохом, — огромные голубые океаны.

— Ненавижу океаны, — сказал Марвин. — Ты куда?

Артур не мог больше этого выносить. Он снова встал.

— Пойду пройдусь, — сказал он.

— Не осуждаю тебя за это, — сказал Марвин и через секунду заснул, сосчитав перед этим пятьсот девяносто семь миллионов овец.

Артур похлопал себя по плечам и по бокам, стараясь ускорить кровообращение. Он снова побрел вверх по стенке воронки.

Из-за разреженности атмосферы и из-за того, что луны не было, ночь наступила очень быстро, и было уже очень темно. Поэтому Артур не заметил старика, пока не столкнулся с ним.

Глава 22

Он стоял спиной к Артуру и смотрел на последние отблески, исчезающие во тьме за горизонтом. Это был пожилой человек высокого роста, в длинном сером одеянии. Когда он обернулся, лицо его оказалось худощавым и утонченным, усталым, но не злым. Вы бы с радостью доверили свои деньги человеку с таким лицом. Но пока он не обернулся, и даже не отреагировал на удивленный возглас Артура.

Наконец, последние лучи солнца погасли, и он повернулся. Его лицо все еще было освещено чем-то, и, оглядевшись, чтобы найти источник света, Артур увидел в нескольких ярдах какой-то аппарат, как он догадался, на воздушной подушке. Он тускло светился в темноте.

Человек посмотрел на Артура, как тому показалось, печально.

— Ты выбрал холодную ночь для визита на нашу мертвую планету, — произнес он.

— Кто… кто вы? — заикаясь, спросил Артур.

Человек отвел взгляд. На лице его снова промелькнула печаль.

— Мое имя не имеет значения, — сказал он.

Казалось, что ум его был чем-то занят. Он явно не стремился к разговору. Артур почувствовал неловкость.

— Я… э-э… вы напугали меня… — сказал он, запинаясь.

Человек снова обернулся к нему и приподнял брови.

— М-м-м? — спросил он.

— Я сказал, что вы меня напугали.

— Не тревожься, я не причиню тебе зла.

Артур нахмурился.

— Но ведь вы стреляли в нас! Ракеты.

Человек слегка усмехнулся.

— Автоматическая система, — сказал он и поежился. — Древние компьютеры в недрах планеты отсчитывают темные тысячелетия, и время лежит тяжким грузом на их пыльных базах данных. Наверное, они стреляют по случайным мишеням, чтобы развеять скуку.

Он серьезно посмотрел на Артура и сказал:

— Я ведь сторонник научного прогресса.

— А… э-э… в самом деле? — отозвался Артур, которого начинало выводить из себя забавное, добродушное поведение старика.

— О, да, — сказал старик и попросту снова за-

молчал.

— А-а… — сказал Артур, — э-э… — У него было странное чувство, как у человека, которого застали с чужой женой, удивленного тем, что муж спокойно входит в комнату, переодевается, роняет несколько фраз о погоде и снова уходит.

— Ты, кажется, смущен чем-то? — вежливо поинтересовался старик.

— Нет… то есть да. Видите ли, мы не ожидали, что здесь кто-то есть. Насколько я смог понять, вы все умерли, или что-то в этом роде.

— Умерли? — удивился старик. — Господи, конечно, нет, мы просто спали.

— Спали? — недоверчиво переспросил Артур.

— Да, пережидали экономический кризис, — сказал старик, видимо, не заботясь о том, понимает ли Артур хоть слово из того, о чем он говорит.

— Экономический кризис?

— Видишь ли, пять миллионов лет назад галактическая экономика пришла в упадок, и видя, что изготовление планет на заказ — слишком большая роскошь.

Он не договорил и посмотрел на Артура.

— Ты ведь знаешь, что мы строили планеты? — спросил он важно.

— Ну да, — ответил Артур, — насколько я по-

нял.

— Удивительная профессия, — сказал старик, и в глазах его появилось мечтательное выражение. — Больше всего я любил делать побережья, особенное удовольствие мне доставляли фьорды. В общем, — сказал он, возвращаясь к теме, — наступил кризис, и мы решили, что будет разумнее просто его переспать. Поэтому мы запрограммировали компьютеры, чтобы они разбудили нас, когда все кончится.

Незнакомец подавил зевок и продолжал:

— Наши компьютеры связаны с галактическим рынком ценных бумаг, и мы должны были проснуться, когда экономика будет восстановлена в достаточной мере для того, чтобы люди могли позволить себе наши весьма дорогие услуги.

Артур, регулярно читавший «Гардиан», был потрясен.

— Но, по-моему, так поступать непорядочно.

— Разве? — простодушно спросил старик. — Извини, я не знаком с современными нравами.

Он указал внутрь воронки:

— Это твой робот?

— Нет, — донесся оттуда металлический голос, — я сам по себе.

— Если это можно назвать роботом, — пробор-

мотал Артур. — Скорее, это электронная зануда.

— Пусть он подойдет, — сказал старик. Артур с удивлением услышал повелительные нотки в его голосе. Он позвал Марвина, и тот взобрался по склону, старательно изображая хромоту, которой у него не было.

— А впрочем, — передумал старик, — оставь его здесь. Ты должен пойти со мной. Грядут великие события. — Он повернулся к своему средству передвижения, которое, хотя не было подано никакого сигнала, медленно поплыло к ним в темноте.

Артур посмотрел на Марвина, который потащился, столь же демонстративно волоча ноги, обратно в воронку, что-то уныло бормоча себе под нос.

— Идем, — позвал старик. — Идем сейчас же, пока еще не поздно.

— Поздно? — спросил Артур. — Для чего?

— Как твое имя, человек?

— Дент. Артур Дент.

— Не для чего, а для кого. Пока не поздно для тебя, Дентартурдент, — сказал старик сурово. — Тебе грозит гибель, понимаешь? — В его усталых глазах снова появилась мечтательность. — На мой взгляд, они у меня никогда не получались

особенно хорошо, но говорят, что иногда они очень эффектны.

Артур заморгал глазами.

— Какой необычный человек, — пробормотал он сам себе.

— Прощу прощения? — не понял старик.

— Нет-нет, ничего, извините, — смутился Артур. — Так куда же мы теперь?

— В мой аэромобиль, — ответил старик, жестом приглашая Артура садиться в аппарат, который уже висел рядом с ними. — Мы направляемся в недра планеты, где сейчас наш народ оживает после пятимиллионолетнего сна. Магратея пробуждается!

Артур ощутил невольную дрожь, садясь рядом со стариком. Странность происходящего и беззвучное подрагивание взмывающего в ночное небо аэромобиля взбудоражили его.

Он взглянул на старика, лицо которого слабо освещалось огоньками приборной панели.

— Извините, — спросил он, — а как вас все-таки зовут?

— Как меня зовут? — переспросил старик, и лицо его снова стало печальным. — Меня зовут, — сказал он, помолчав, — Слартибартфаст.

Артур поперхнулся собственным языком.

— Простите, как? — вымолвил он с трудом.

— Слартибартфаст, — тихо повторил старик.

— Слартибартфаст?

Старик строго посмотрел на него.

— Я же говорил, что мое имя не имеет значения, — сказал он.

Аэромобиль мчался сквозь ночь.

Глава 23

Широко известен и очень важен тот факт, что истина зачастую совсем не такова, какой представляется. Например, на планете Земля люди всегда предполагали, что они разумнее дельфинов, потому что они придумали так много: колесо, Нью-Йорк, войну и т. д., а дельфины всегда только плескались в воде и развлекались. Дельфины же, напротив, всегда считали себя разумнее человека — причем, по той же самой причине.

Интересно, что дельфины знали о предстоящем уничтожении Земли задолго до катастрофы, и предпринимали многочисленные попытки предупредить людей об опасности, но большинство их посланий неверно истолковывалось как желание поиграть в мяч или посвистеть за какие-то кусочки еды. В конце концов, они махнули рукой и покинули Землю с помощью собственных средств незадолго до появления вогонов.

Самое последнее послание дельфинов было ошибочно воспринято людьми, как удивительно затейливая попытка сделать двойное сальто назад сквозь обруч, свистя при этом «Звездно-

полосатый флаг». На самом деле это послание означало: «Прощайте, и спасибо за рыбу».

Истина заключается в том, что на планете был только один вид, более разумный, чем дельфины. Существа этого вида проводили много времени в научных лабораториях, бегая в колесах и производя пугающие своим мастерством и утонченностью опыты на человеке. Факт, что человек и в этом случае совершенно неверно истолковал суть этих отношений, полностью отвечал замыслу этих существ.

Глава 24

Аэромобиль бесшумно мчался в холодной темноте, единственный проблеск света в кромешной магратейской ночи. Он двигался быстро. Спутник Артура был погружен в свои мысли, и когда Артур пару раз попробовал вовлечь его в разговор, он вместо ответа спрашивал, удобно ли ему, и вновь замолкал.

Артур попытался определить скорость полета, но снаружи была полная темнота, и сориентироваться было невозможно. Ощущение движения было таким мягким и легким, как будто они вообще почти не двигались.

Затем вдали появилась светлая точка и выросла за несколько секунд до такого размера, что Артур понял, что она движется к ним с огромной скоростью, и попытался представить себе, что это за аппарат. Он вглядывался, но не мог различить никаких отчетливых контуров. Вдруг аэромобиль нырнул и понесся вниз прямо навстречу этому объекту. Они сближались с невероятной скоростью, столкновение было неизбежно. Артур едва успел вздохнуть, как все уже кончилось.

Следующее, что он смог осознать, было серебристое свечение, окружавшее его со всех сторон. Он обернулся и увидел далеко позади быстро сжимавшуюся черную точку.

Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что произошло. Они нырнули в туннель. То, что он принял за движущийся им навстречу объект, было его освещенным входом. Серебристое свечение испускали круглые стены туннеля, по которому они мчались, очевидно, со скоростью в несколько сот миль в час.

Он в страхе закрыл глаза.

Через какое-то время он почувствовал, что скорость снизилась, а немного позже понял, что они постепенно останавливаются.

Он снова открыл глаза. Они по-прежнему были в серебристом туннеле, но теперь они сновали и петляли по целому подземному лабиринту. Наконец, они остановились в небольшой камере с округлыми стальными стенами. Здесь сходились несколько туннелей, а в дальнем конце камеры Артур увидел большой круг неясного, раздражающего света. Он раздражал тем, что действовал на глаза, невозможно было сфокусировать на нем взгляд или понять, насколько он далеко или близко. Артур предположил (и был неправ), что

это ультрафиолетовый свет.

Слартибартфаст торжественно посмотрел на Артура.

— Землянин, — сказал он, — мы находимся глубоко в сердце Магратеи.

— Откуда вы знаете, что я землянин? — удивился Артур.

— Скоро тебе все станет ясно, — мягко сказал старик. — По крайней мере, — добавил он с некоторым сомнением в голосе, — яснее, чем сейчас.

Он продолжал:

— Хочу предупредить тебя, что помещение, в которое мы сейчас проследуем, не существует в буквальном смысле внутри нашей планеты. Оно слишком… велико. Мы пройдем через шлюз в огромное гиперкосмическое пространство. У тебя это может вызвать шок.

Артур издал какой-то нервный звук.

Слартибартфаст нажал кнопку и добавил, не совсем убедительно:

— Я и сам очень боюсь. Держись крепче.

Аэромобиль рванулся вперед, прямо в круг света, и Артур неожиданно для себя отчетливо понял, на что похожа бесконечность.

В действительности это не было бесконечностью. Бесконечность сама по себе выглядит

плоско и неинтересно. Глядя в ночное небо, вы видите бесконечность: расстояние необъемлемо и оттого бессмысленно. Помещение же, в которое попал аэромобиль, было отнюдь не бесконечным. Оно было просто громадным, настолько, что давало гораздо лучшее представление о бесконечности, чем сама бесконечность.

Мысли Артура вертелись и прыгали, когда они с неизмеримой скоростью передвигались в пространстве, а шлюз, через который они проникли сюда, остался где-то позади невидимым булавочным уколом в мерцающей стене.

Стена.

Стена бросала вызов воображению, она пленяла его и сокрушала. Стена была парализующе огромной и отвесной, она тянулась вверх, вниз и во все стороны, теряясь из вида. Человек мог умереть просто от шока, вызванного головокружением.

Стена казалась совершенно плоской. Потребовалось бы точнейшее лазерное измерение, чтобы определить, что, головокружительно ниспадая вниз, бесконечно поднимаясь вверх и простираясь в стороны, она все же изгибается. Ее края смыкались через тринадцать световых секунд. Другими словами, эта стена представляла

собой внутреннюю поверхность полой сферы диаметром свыше трех миллионов миль, залитой невообразимым светом.

— Добро пожаловать, — сказал Слартибартфаст. Их аэромобиль двигался в три раза быстрее скорости света и казался сейчас крохотной пылинкой, ползущей незаметно для глаз в этом умопомрачающем пространстве. — Добро пожаловать, — сказал он, — в нашу мастерскую.

Артур смотрел по сторонам с ужасом и изумлением. Перед ними, на расстоянии, которое он был не в состоянии ни оценить, ни даже осознать, рядами висели в пространстве сумрачные сферические тела, окруженные непонятными конструкциями, сплетенными из металла и света.

— Здесь, — сказал Слартибартфаст, — мы создаем большинство наших планет.

— Вы хотите сказать, — сказал Артур, с усилием подбирая слова, — что вы решили начать снова?

— Нет, нет, что ты, — воскликнул старик. — Галактика еще недостаточно богата для этого. Нет, нас разбудили, чтобы мы выполнили один чрезвычайный заказ для очень… особенных клиентов из другого измерения. Тебе это может быть интересно… посмотри, вон там, подальше, впереди.

Артур посмотрел туда, куда указывал старик, и разглядел конструкцию, о которой тот говорил. Она была единственной из всех, подававшей признаки какой-то активности, хотя это было скорее некое интуитивное впечатление, чем что-то конкретно видимое.

Но именно в этот момент яркая дуга пробежала по конструкции, отчетливо высветив поверхность заключенной в ней темной сферы. Артур увидел знакомый рисунок, неясные контуры, которые он знал подсознательно, как он знал слова, и которые составляли часть его сознания. Несколько секунд он сидел, пораженный, а образы бешено кружились в его голове, пытаясь улечься и обрести смысл.

Одна часть его мозга говорила, что он прекрасно знает, что это за контуры, а другая отказывалась принять эту идею и отказывалась от ответственности думать в этом направлении.

Снова вспыхнула дуга, и в этот раз не было никакого сомнения.

— Земля… — прошептал Артур.

— Пожалуй, Земля, версия номер два, — радостно сказал Слартибартфаст. — Мы делаем копию по нашим старым чертежам.

Последовала пауза.

— То есть, вы хотите сказать, — проговорил Артур медленно и с расстановкой, — что Землю создали вы?

— О да, — ответил Слартибартфаст. — Ты бывал в месте, которое называлось, кажется, Норвегией?

— Нет.

— Жаль, — сказал Слартибартфаст. — Это я ее проектировал. И даже получил премию. У нее были такие симпатичные ажурные края. Я очень расстроился, когда узнал, что ее уничтожили.

— Вы расстроились!

— Да. Еще пять минут, и это не имело бы такого большого значения. Как досадно и нелепо.

— А?

— Мыши были вне себя.

— Мыши были вне себя?

— Да, — кротко сказал старик.

— Ну да, наверно и кошки тоже, и собаки, и утконосы, но.

— Но только они за это не платили, правда?

— Послушайте, — сказал Артур, — может, мне лучше не тратить время, а просто взять и сойти с ума?

Некоторое время аэромобиль летел в неловком молчании. Затем старик попытался спокойно

объяснить.

— Землянин, планету, на которой ты жил, нам заказали и оплатили мыши, которые ею и правили. Ее уничтожили за пять минут до того момента, ради которого она, собственно, и была построена, и теперь нам приходится строить вторую такую же.

Разум Артура зафиксировал только одно слово.

— Мыши? — спросил он.

— Именно, землянин.

— Извините, не понял, вы говорите о маленьких зверьках с белой шерстью, которые ассоциируются с сыром и с визжащими женщинами, стоящими на столах, из комедий начала шестидесятых?

Слартибартфаст вежливо кашлянул.

— Землянин, — сказал он, — мне иногда трудно понять твою речь. Не забывай, что я проспал пять миллионов лет, и мало что знаю о комедиях начала шестидесятых, о которых ты говоришь. Создания, которых ты называешь мышами, не совсем такие, какими кажутся. Это лишь проекция на наше измерение огромных гиперразумных всемерных существ. Все, что касается сыра и визга — просто внешнее проявление.

Старик помолчал и продолжал, сочувственно

нахмурившись:

— Боюсь, что они просто ставили на вас опыты.

Артур подумал немного, и лицо его прояснилось.

— Теперь я вижу, — сказал он, — почему мы не поняли друг друга. Видите ли, это мы ставили на них опыты. Их часто использовали в бихевиористских исследованиях — Павлов, и все такое. На мышах проводили различные тесты, учили их звонить в колокольчики, заставляли бегать по лабиринтам и прочее, чтобы исследовать природу процесса обучения. На основе наблюдений за их поведением мы узнавали важные вещи о самих себе.

Артур замолк, осекшись.

— Как тонко!.. — сказал Слартибартфаст. — Это достойно восхищения.

— Что? — спросил Артур.

— Разве можно было лучше скрыть свою настоящую природу и направить вашу мысль? Побежать по лабиринту не в ту строну, съесть не тот кусочек сыра, неожиданно умереть от миксоматоза. Если все это тщательно рассчитать, то кумулятивный эффект будет колоссальным.

Он помолчал.

— Видишь ли, землянин, это исключительно мудрые гиперразумные всемерные существа. Твоя планета и народ составляли матрицу органического компьютера, выполнявшего десятимиллионолетнюю исследовательскую программу. Позволь мне рассказать тебе эту историю. Это займет какое-то время.

— Время для меня теперь не проблема, — уныло сказал Артур.

Глава 25

Существует множество вопросов, связанных с жизнью, самые популярные из которых: «Для чего люди рождаются на свет?», «Почему они умирают?», «Почему тратят столько времени на электронные часы?»

Много-много миллионов лет назад раса гиперразумных всемерных существ (чье физическое проявление в их всемерной вселенной практически не отличается от нашего) так устала от постоянных споров о смысле жизни, которые отвлекали их от их излюбленного времяпрепровождения — брокианского ультра-крикета (забавная игра, заключающаяся в том, чтобы неожиданно ударить человека без видимой на то причины и убежать), — что решила сесть и решить все вопросы раз и навсегда.

Для этого они построили себе гигантский суперкомпьютер, который был настолько удивительно разумен, что еще до того, как были подключены его базы данных, он начал с «Я мыслю, следовательно, я существую», и, прежде чем его успели выключить, дошел до существования рисового

пудинга и подоходного налога.

Он был величиной с небольшой город.

Его главный терминал был установлен в специально построенном главном офисе, на огромном главном столе из лучшего ультракрасного дерева с крышкой, обитой лучшей ультракрасной кожей. Пол в офисе был устлан благоразумно роскошными темными коврами, на стенах висели великолепные гравюры и портреты главных программистов и их семей, экзотические растения в кадках обильно украшали комнату, величественные окна смотрели на обсаженную деревьями городскую площадь.

В день Великого Включения два программиста в строгих костюмах и с кейсами прибыли и были допущены в офис. Они понимали, что в этот день они представляют весь свой народ в величайший для него момент, но держались спокойно и сдержанно. Они почтительно сели за стол, открыли свои кейсы и достали из них записные книжки в кожаных переплетах.

Программистов звали Ланквил и Фук.

Несколько секунд они сидели в почтительном молчании, затем, обменявшись взглядом с Фуком, Ланквил протянул руку и прикоснулся к маленькой черной панели.

Неуловимо тихое гудение сообщило им о том, что огромный компьютер включился в рабочий режим. Через несколько секунд он заговорил с ними глубоким, звучным голосом. Он сказал:

— Что это за великая задача, ради которой я, Глубокомысленный, второй по величине компьютер во Вселенной Времени и Пространства, был призван к существованию?

Ланквил и Фук переглянулись в удивлении.

— Твоя задача, о компьютер… — начал Фук.

— Нет, минуточку, это неверно, — обеспокоенно прервал его Ланквил. — Мы однозначно разрабатывали величайший компьютер, а вовсе не второй по величине. Глубокомысленный, — обратился он к компьютеру, — разве ты не таков, каким мы тебя создали: величайший и мощнейший компьютер всех времен?

— Я назвал себя вторым по величине, — изрек Глубокомысленный, — и таковым являюсь.

Еще один встревоженный взгляд между программистами. Ланквил прочистил горло.

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — сказал он. — Разве ты не больше Миллиарда Гаргантюмозга, который может за одну миллисекунду сосчитать все атомы в звезде?

— Миллиард Гаргантюмозг? — сказал Глубоко-

мысленный с нескрываемым презрением. — Это простые бухгалтерские счеты; не упоминайте о нем при мне.

— Разве ты, — беспокойно спросил Фук, подаваясь вперед, — не лучший аналитик, чем Звездный Мыслитель Гуголплекс из Седьмой Галактики Света и Созидания, который может рассчитать траекторию каждой пылинки в пятинедельной песчаной буре на Бете Данграбада?

— В пятинедельной песчаной буре? — сказал надменно Глубокомысленный. — И вы спрашиваете об этом меня, который проанализировал векторы всех атомов в Большом Взрыве? Не досаждайте мне разговорами об этом карманном калькуляторе.

Программисты сидели в неловком молчании. Через минуту Ланквил снова спросил:

— А разве ты уступишь в силе убеждения Великому Гиперболическому Нейтронному Аргументатору с Цицероникуса-12, Магическому и Неутомимому?

— Великий Гиперболический Нейтронный Аргументатор, — пророкотал Глубокомысленный, — сможет заговорить арктурского мегаишака настолько, что у того отнимутся ноги. Но только я смогу убедить его после этого пойти

погулять.

— Так в чем же проблема? — спросил Фук.

— Проблемы нет, — величественно ответил Глубокомысленный. — Просто я второй по величине компьютер во Вселенной Времени и Пространства.

— Но почему второй? — добивался Ланквил. — Почему ты называешь себя вторым? Ведь ты, конечно же, не имеешь в виду Мультикорковый Перспектрон Титан? Или Мозготрон? Или…

На пульте компьютера презрительно замигали лампочки.

— Я не потратил бы ни единой ячейки мысли на этих кибернетических примитивов! — прогремел он. — Я говорю не о ком ином, как о компьютере, который придет вслед за мной!

Фук начал терять терпение. Он отпихнул свою записную книжку и пробормотал:

— Ну вот, только пророчеств мы еще не слушали.

— Вы ничего не знаете о будущем, — произнес Глубокомысленный, — но я, в изобилии своих схем, могу анализировать бесконечные потоки данных вероятности будущего и предвижу, что однажды должен быть создан компьютер, даже рабочие параметры которого я не достоин рас-

считать, но спроектировать который, в конце концов, будет моей судьбою.

Фук тяжело вздохнул и искоса глянул на Ланквила:

— Может, мы все же зададим вопрос?

Ланквил сделал ему знак подождать.

— Что это за компьютер, о котором ты говоришь? — спросил он.

— В этот раз я больше ничего о нем не скажу, — сказал Глубокомысленный. — Теперь спрашивайте у меня то, что хотели. Говорите.

Они посмотрели друг на друга и пожали плечами. Фук успокоился и собрался.

— О Глубокомысленный Компьютер, — сказал он, — задача, для выполнения которой ты создан, такова. Мы хотим, чтобы ты сказал нам… — он замолк на секунду, — …Ответ!

— Ответ? — удивился Глубокомысленный. — Какой ответ?

— Жизни! — с жаром воскликнул Фук.

— Вселенной! — произнес Ланквил.

— Всего на свете! — сказали они хором.

Глубокомысленный замолк, размышляя.

— Мудрено, — сказал он, наконец.

— Но ты сможешь?

Компьютер снова задумался.

— Да, — сказал он, — смогу.

— Значит, ответ есть? — прошептал Фук, у которого от волнения перехватило дыхание.

— Простой ответ? — уточнил Ланквил.

— Да, — ответил Глубокомысленный. — Жизни, Вселенной и Всего на Свете. Но, — добавил он, — мне нужно над этим подумать.

Внезапно раздался шум и крики. Двери распахнулись, и два сердитых человека в выцветших синих балахонах и поясах Круксванского университета ворвались в комнату, растолкав стоявших у дверей лакеев, тщетно пытавшихся преградить им путь.

— Мы требуем, чтобы нас впустили! — крикнул младший из двоих и двинул молодого аккуратного секретаря локтем в кадык.

— Прочь! — кричал старший. — Не смейте стоять у нас на пути! — и он выпихнул за дверь младшего программиста.

— Мы требуем, чтобы вы не смели стоять у нас на пути! — завопил младший, хотя он уже уверенно стоял посреди комнаты, и никто больше не предпринимал попыток его остановить.

— Кто вы такие? — гневно спросил Ланквил, поднимаясь с кресла. — Что вам нужно?

— Я — Мэджиктайс! — заявил старший.

— А я настаиваю на том, что я Врумфондель! — выкрикнул младший.

Мэджиктайс повернулся к Врумфонделю.

— Эй, все уже в порядке, — одернул он его сердито, — на этом не нужно настаивать.

— Отлично! — закричал Врумфондель и ударил кулаком по ближайшему столу. — Я Врумфондель, и это не требование, а непреложный факт! Мы требуем непреложных фактов!

— Нет! — раздраженно воскликнул Мэджиктайс. — Как раз этого мы и не требуем!

Почти не переводя дыхания, Врумфондель заорал:

— Мы не требуем непреложных фактов! Мы требуем полного отсутствия непреложных фактов! Я настаиваю на том, что я, может быть, Врумфондель, а может и нет!

— Да кто же вы, черт возьми, такие? — воскликнул в отчаянии Фук.

— Мы — философы, — ответил Мэджиктайс.

— А может быть, и нет, — сказал Врумфондель, строго грозя программистам пальцем.

— Мы философы, — твердо повторил Мэджиктайс. — И мы пришли сюда как представители Объединенного Союза Философов, Мудрецов, Светил и прочих Мыслителей, и мы хотим, чтобы эту

машину выключили, и выключили сейчас же!

— А в чем, собственно, проблема? — спросил Ланквил.

— Я скажу вам, в чем проблема, любезный, — сказал Мэджиктайс. — Проблема в демаркации сфер деятельности.

— Мы настаиваем на том, — снова завопил Врумфондель, — чтобы проблема была в демаркации или не была в демаркации.

— Пусть машины складывают и вычитают, — угрожающе сказал Мэджиктайс, — а вечными истинами будем заниматься мы. Мы прекрасно знаем свои права, дружище. По закону поиски Высшей Истины являются неотъемлемой прерогативой работников мыслительного труда. Если какая-нибудь треклятая машина найдет ее, мы все тут же окажемся без работы. Что толку нам сидеть всю ночь и спорить, есть Бог на свете или нет, если наутро этот аппарат может просто взять и выдать нам номер его телефона?

— Верно! — закричал Врумфондель. — Мы требуем жестких границ сомнения и неопределенности!

Неожиданно комнату заполнил громоподобный голос.

— Могу я высказать замечание по этому пово-

ду? — осведомился Глубокомысленный.

— Мы устроим забастовку! — взвизгнул Врумфондель.

— Правильно! — согласился Мэджиктайс. — Мы проведем национальную забастовку философов.

Уровень шума в комнате резко повысился: это включились дополнительные басовые динамики, чтобы добавить голосу Глубокомысленного немного мощности.

— Я просто хотел сказать, — прогрохотал компьютер, — что мои схемы уже получили не подлежащее отмене задание на расчет Окончательного Ответа Жизни, Вселенной и Всего на Свете, — он сделал паузу, довольный тем, что все внимание сосредоточилось на нем, а затем продолжил, уже тише. — Но выполнение этой программы займет некоторое время.

Фук беспокойно посмотрел на часы.

— Сколько? — спросил он.

— Семь с половиной миллионов лет, — ответил Глубокомысленный.

Ланквил и Фук посмотрели друг на друга, хлопая глазами.

— Семь с половиной миллионов лет!... - воскликнули они хором.

— Да, — произнес Глубокомысленный. — Я ведь

сказал, что мне нужно подумать. И мне кажется, что выполнение подобной программы должно вызвать огромный и неиссякаемый общественный интерес ко всем областям философской науки. Будет предложено множество теорий относительно того, к какому ответу я, в конце концов, приду. А кто, если не вы, сможет лучше всех использовать этот рынок? Ведя друг с другом ожесточенную полемику, и поливая один другого грязью в популярной прессе, вы сможете всю жизнь оставаться у кормушки. Как вам идея?

Философы смотрели на компьютер с открытыми ртами.

— Чтоб я сдох! — сказал Мэджиктайс. — Вот это я называю мыслить! Скажи, Врумфондель, почему мы с тобой не умеем так рассуждать?

— Хрен нас знает, — прошептал Врумфондель в священном ужасе. — Наверное, наши мозги слишком высокоразвиты, Мэджиктайс.

С этими словами они развернулись и вышли прочь, навстречу новой жизни, какая не снилась им даже в самых сладких снах.

Глава 26

— Все это, конечно, очень увлекательно, — сказал Артур, когда Слартибартфаст изложил ему основные факты этой истории, — но я не понимаю, какое это имеет отношение к Земле, к мышам и ко всему прочему.

— Это лишь первая часть, землянин, — ответил старик. — Если тебе интересно узнать, что произошло семь с половиной миллионов лет спустя, в великий день Ответа, позволь мне пригласить тебя в свой кабинет, где ты сможешь стать свидетелем этих событий — они записаны на сенсопленку. Или, может, ты желаешь побывать на поверхности Новой Земли? Боюсь, она пока не доделана: мы еще не закопали в ее кору искусственные скелеты динозавров; потом нам нужно будет наложить третичный и четвертичный периоды кайнозойской эры, и…

— Нет, спасибо, — отказался Артур, — все равно это будет не то.

— Нет, — подтвердил Слартибартфаст, — не то.

Аэромобиль развернулся и направился обратно к умоцепенящей стене.

Глава 27

В кабинете Слартибартфаста был беспорядок, как после взрыва в публичной библиотеке. Когда они вошли, старик нахмурился.

— Вот незадача, — сказал он, — в одном из компьютеров системы жизнеподдержания сгорел диод. Когда мы попытались разбудить уборщиков, оказалось, что они умерли около тридцати тысяч лет назад. Ума не приложу, кто будет убирать их трупы. Ну, как бы там ни было, садись вон туда, и я тебя подключу.

Он указал Артуру на кресло, которое выглядело так, как будто оно было сделано из грудной клетки стегозавра.

— Оно сделано из грудной клетки стегозавра, — сообщил старик, роясь в рассыпающихся кипах бумаг, проводов и чертежных инструментов.

— Вот, — сказал он, — держи. — И подал Артуру пару проводов с неизолированными концами.

Как только он их взял, прямо сквозь него пролетела птица.

Он висел в воздухе и не видел сам себя. Под ним находилась обсаженная деревьями городская

площадь, а вокруг, насколько мог видеть глаз, стояли белые бетонные здания легкой, воздушной архитектуры, выглядевшие, однако, слегка потрепанными, с трещинами и потеками от дождя. Впрочем, сегодня ярко светило солнце, деревья шуршали под свежим ветерком, а странное ощущение того, что все здания тихо гудели, вызывалось, вероятно, тем, что площадь и все прилегающие улицы были заполнены радостными и возбужденными людьми. Где-то играл оркестр, яркие флаги полоскались на ветру, и в воздухе было ощущение праздника.

Артур чувствовал себя очень одиноко наверху, не имея даже тела, но прежде чем он успел над этим поразмыслить, над площадью зазвучал голос, призвавший всех к вниманию.

На ярко драпированном помосте перед возвышавшимся над площадью зданием стоял человек и обращался к толпе.

— О люди, ожидающие в тени Глубокомысленного! — воззвал он. — Достойные потомки Врумфонделя и Мэджиктайса, Величайших и Воистину Замечательнейших Ученых Мужей из всех, каких знала Вселенная. Время Ожидания истекло!

Толпа ликовала. В воздухе реяли флаги и транс-

паранты. Наиболее узкие из улиц казались огромными сороконожками, перевернувшимися на спину и неистово болтавшими лапками в воздухе.

— Семь с половиной миллионов лет наш народ ждал этого Дня Надежды на Великое Озарение! — кричал оратор. — Дня Ответа!

Толпа в экстазе закричала «Ура!»

— Никогда, — продолжал человек, — никогда больше мы не будем просыпаться по утрам с мыслями «Кто я? В чем смысл моей жизни? А какое, в космических масштабах, будет иметь значение, если я не встану и не пойду на работу?» Ведь сегодня мы раз и навсегда узнаем простой и ясный ответ на все эти мелкие и докучливые вопросы Жизни, Вселенной и Всего на Свете!

После того, как толпа вновь разразилась ликующими криками, Артур обнаружил, что он скользит по воздуху к одному из величественных окон во втором этаже здания, перед которым стоял помост, с которого оратор обращался к народу.

При приближении к окну он на секунду испытал страх, который исчез сразу же, как только он пролетел сквозь стекло, даже не коснувшись его.

Никто в комнате не прореагировал на его

необычное появление, что было неудивительно, поскольку его там на самом деле вовсе и не было. Он начал понимать, что все это просто виртуальная проекция видеозаписи такого уровня, что рядом с ней отдыхает любое кино.

Комната была примерно такой, как ее описал Слартибартфаст. В течение семи с половиной миллионов лет за ней хорошо смотрели и регулярно убирались примерно раз в сто лет. Стол из ультракрасного дерева был потерт по краям, ковер слегка вылинял, но большой компьютерный терминал стоял на обтянутой кожей крышке стола в полном блеске, как будто его смонтировали только вчера.

Два человека в строгих костюмах сидели в преисполненных уважения позах перед терминалом и ждали.

— Время подходит, — сказал один из них, и Артур с удивлением увидел, как возле затылка человека в воздухе материализовалось слово. Слово было «Ланкуыл», оно мигнуло пару раз и исчезло. Прежде, чем Артур успел уяснить, что это было, заговорил второй человек, и возле его затылка возникло слово «Хвуг».

— Семьдесят пять тысяч поколений назад наши предки запустили эту программу, — сказал вто-

рой человек, — и за это время мы будем первыми, кто услышит голос компьютера.

— Захватывающая перспектива, Хвуг, — согласился первый, и Артур понял, что он смотрит запись с субтитрами.

— Мы те, кто услышит, — сказал Хвуг, — ответ на великий вопрос Жизни!..

— Вселенной!.. — сказал Ланкуыл.

— И Всего на Свете!..

— Тс-с-с, — сказал Ланкуыл с осторожным жестом, — мне кажется, Глубокомысленный сейчас заговорит!

Они в ожидании замолкли, глядя, как медленно оживают лицевые панели компьютера. Огоньки на них замигали, тестируя систему, и застыли в рабочем режиме. Коммуникационная панель мягко и тихо загудела.

— Доброе утро, — произнес, наконец, Глубокомысленный.

— Э-э… Доброе утро, о Глубокомысленный, — волнуясь, ответил Ланкуыл. — У тебя есть… э-э, то есть…

— Ответ для вас? — величественно прервал его Глубокомысленный. — Да, есть.

Двое задрожали от нетерпения. Их ожидание было не напрасным.

— Он в самом деле существует? — прошептал Хвуг.

— Он в самом деле существует, — подтвердил Глубокомысленный.

— Ответ на все? На великий Вопрос Жизни, Вселенной и Всего на Свете?

— Да.

Оба они давно ожидали этого момента, вся их жизнь была подготовкой к нему, их отобрали еще при рождении, как будущих свидетелей Ответа, но даже несмотря на это они почувствовали, что задыхаются, и зубы их стучат, как у взволнованных детей.

— Готов ли ты сказать нам его? — спросил Ланкуыл.

— Да.

— Сейчас?

— Сейчас, — ответил Глубокомысленный.

Они облизнули пересохшие губы.

— Но я не думаю, — добавил Глубокомысленный, — что он вам понравится.

— Это не имеет значения! — сказал Хвуг. — Мы должны его знать! Сейчас же!

— Сейчас же? — переспросил Глубокомысленный.

— Да! Сейчас.

— Ну, хорошо, — сказал компьютер и снова погрузился в молчание. Двое ерзали в креслах. Напряжение было невыносимым.

— Вам точно не понравится, — заметил Глубокомысленный.

— Скажи нам!

— Ладно, — сказал Глубокомысленный, — ответ на Великий Вопрос.

— Да!..

— Жизни, Вселенной и Всего на Свете.

— Да!..

— Таков… — сказал Глубокомысленный и сделал паузу.

— Да!!!?

— Сорок два, — изрек Глубокомысленный с бесконечным величием и спокойствием.

Глава 28

Прошло немало времени, прежде чем кто-то из них смог что-то сказать.

Краем глаза Хвуг видел море застывших в нетерпении лиц на площади за окном.

— Мне кажется, что нас линчуют, — прошептал он. — Как ты думаешь?

— Это было сложное задание, — осторожно сказал Глубокомысленный.

— Сорок два! — воскликнул Ланкуыл. — И это все, что ты можешь нам сказать после семи с половиной миллионов лет размышлений?

— Я все тщательно проверил, — сказал компьютер, — и, без всякого сомнения, это и есть ответ. Мне кажется, если уж быть с вами полностью откровенным, проблема в том, что вы никогда не знали вопроса.

— Но ведь это же Великий Вопрос! Главный Вопрос Жизни, Вселенной и Всего на Свете! — взвыл Ланкуыл.

— Да, — сказал Глубокомысленный голосом компьютера, привыкшего терпеть дураков, — но ты сформулируй его.

— Ну, как, ты же сам знаешь. Все. Все, как есть… — промямлил Хвуг.

— Вот именно! — сказал Глубокомысленный. — Когда вы будете знать, как звучит вопрос, вы поймете смысл ответа.

— О, ужас, — простонал Хвуг, роняя записную книжку и утирая слезинку.

— Так, ладно, ладно, — быстро сказал Ланкуыл, — пожалуйста, скажи нам Вопрос.

— Главный Вопрос?

— Да!

— Жизни, Вселенной и Всего на Свете?

— Да!

Глубокомысленный задумался.

— Мудрено, — сказал он.

— Но ты сможешь?

Глубокомысленный снова надолго задумался. Наконец он уверенно сказал:

— Нет.

Оба человека в отчаянии повалились в кресла.

— Но я скажу вам, кто сможет это сделать, — сказал Глубокомысленный.

Они настороженно поглядели на него.

— Кто?

— Скажи нам!

Артур неожиданно почувствовал, как на его

бесплотной голове зашевелились волосы, когда он начал медленно, но неуклонно двигаться к пульту, но это был всего лишь, как он тут же догадался, наезд камеры при съемке.

— Я говорю ни о ком ином, как о компьютере, который придет вслед за мной, — произнес Глубокомысленный голосом вновь обретающим торжественность. — Компьютер, даже рабочие параметры которого я не достоин рассчитать, но который я все же спроектирую для вас. Компьютер, который может вычислить Вопрос к Главному Ответу, компьютер столь мастерски утонченный и бесконечно сложный, что сама органическая жизнь будет составлять часть его оперативной матрицы. И вы сами примете новые формы и войдете в этот компьютер, чтобы направлять его десятимиллионолетнюю программу. Да! Я разработаю для вас этот компьютер. Я также дам ему имя. Он будет называться… Земля.

Хвуг смотрел на Глубокомысленного с открытым ртом.

— Какое нелепое название, — сказал он, и огромные разрезы рассекли его тело снизу доверху. На Ланкуыле тоже вдруг появились из ниоткуда ужасные рубцы. Компьютер покрыл-

ся пятнами и трещинами, стены задрожали, и комната обрушилась и ссыпалась вверх, в собственный потолок.

Слартибартфаст стоял перед Артуром с проводами в руках.

— Пленка кончилась, — объяснил он.

Глава 29

— Зафод! Проснись!

— М-м-м?

— Ну, просыпайся!

— Я буду делать то, что умею, понятно? — пробормотал Зафод и перевернулся на другой бок.

— Хочешь, чтобы я дал тебе пинка? — спросил Форд.

— Тебе это доставит удовольствие? — сонно промычал Зафод.

— Нет.

— И мне нет. Тогда какой смысл? Не доставай меня. — Зафод свернулся клубочком.

— Он получил двойную дозу газа, — сказала Триллиан, глядя на него, — у него ведь две глотки.

— Хватит болтать, — сказал Зафод, — с вами не поспишь. Что с землей? Она такая холодная и твердая.

— Это золото, — ответил Форд.

Легко, как балерина, Зафод вскочил на ноги и начал осматриваться. До самого горизонта во все стороны простиралась сплошная золотая

поверхность. Она блестела, как… впрочем, этому невозможно подобрать сравнение, потому что ничто во Вселенной не блестит так, как планета из чистого золота.

— Откуда это? — рявкнул он, вытаращив глаза.

— Не суетись, — сказал Форд, — это всего лишь каталог.

— Кто?

— Каталог, — сказала Триллиан, — иллюзия.

— Откуда вы знаете? — воскликнул Зафод. Он встал на четвереньки и стал разглядывать поверхность. Она была желтая и совершенно гладкая. Он поковырял ее и поцарапал ногтем, ноготь оставил слабый след. Он подышал на нее, и туманное пятнышко растаяло на ней так, как оно могло растаять только на чистом золоте.

— Мы с Триллиан пришли в себя уже давно, — сказал Форд. — Мы здесь орали до тех пор, пока не пришли местные, и продолжали орать, пока у них не заболели головы. Тогда они посадили нас в свой каталог планет, чтобы чем-то занять, пока они не освободятся для разговора с нами. Это все виртуальное.

Зафод посмотрел на него с досадой.

— Так вы не дали мне досмотреть мой собственный прекрасный сон только для того, чтобы

показать мне чужой! — Он сел, надувшись.

— А что это вон там за странные овраги? — спросил он.

— Это проба, — ответил Форд. — Мы там уже были.

— Мы не стали будить тебя раньше, — сказала Триллиан. — Последняя планета была по колено завалена рыбой.

— Рыбой?

— У некоторых людей странный вкус.

— А до того, — сказал Форд, — была еще платиновая. Скучновато. Мы подумали, что тебе захочется посмотреть на эту.

Со всех сторон, куда бы они ни посмотрели, на них сплошным потоком изливалось море света.

— Очень мило, — сварливо сказал Зафод.

В небе появился огромный каталожный номер. Он замигал и сменился, и, оглядевшись, они увидели, что изменился и ландшафт.

— Ух! — сказали они в один голос.

Море было пурпурным. Пляж, на котором они стояли, был усыпан мелкой желтой и зеленой галькой, — судя по всему, это были ужасно драгоценные камешки. Вдали мягкой волнистой линией виднелись горы с красными вершинами. Рядом с ними стоял пляжный столик из чистого

серебра под лиловым солнечным зонтом с оборками и серебряными кистями.

В небе вместо каталожного номера загорелась надпись: «Какими бы ни были Ваши вкусы, Магратея их удовлетворит. Мы не гордые».

А сверху высыпали пятьсот совершенно голых женщин под парашютами.

В следующую секунду все исчезло, и они оказались на весеннем лугу, полном коров.

— Ох! — застонал Зафод. — Мои мозги!

— Ты хочешь рассказать нам об этом? — спросил Форд.

— Да, да, — сказал Зафод, и все трое сели на землю, не обращая внимания на меняющиеся вокруг них декорации.

— Вот что мне кажется, — сказал Зафод. — Все, что произошло с моим сознанием, сделал я сам. И я сделал это так, чтобы это не всплыло на правительственном тестировании. И так, чтобы я сам об этом не знал. Звучит так, как будто я рехнулся, правда?

Форд и Триллиан утвердительно кивнули.

— Вот я и подумал: что же я могу знать такого секретного, что никто не должен знать о том, что я это знаю, даже Галактическое Правительство, и даже я сам? И я понял, что не знаю. Очевидно.

Но я кое-что сопоставил, и начал догадываться. Когда я решил стать президентом? Вскоре после смерти президента Йудена Врэнкса. Помнишь Йудена, Форд?

— Да, — ответил тот, — капитан с Арктура, с которым мы познакомились, когда были детьми. Крутой был мужик. Он угостил нас каштанами, когда мы прорвались на его мегатранспорт, и сказал, что ты самый шустрый пацан из всех, каких он встречал.

— О чем вы говорите? — спросила Триллиан.

— Давняя история, — сказал Форд, — это было, когда мы были детьми и жили на Бетельгейзе. Арктурские мегатранспорты выполняли большинство торговых грузоперевозок между центром Галактики и периферией. Бетельгейзские коммивояжеры искали новые рынки, а арктуряне их обслуживали. Было много проблем с космическими пиратами, пока их всех не уничтожили в Дорделисских войнах, и приходилось оснащать мегатранспорты самым фантастическим защитным оборудованием, известным галактической науке. Это были огромные и страшные корабли. Когда они входили на орбиту какой-нибудь планеты, они могли затмить солнце.

Так вот, однажды наш юный друг Зафод решил

покататься на таком корабле. Он хотел добраться до него на простом трехтурбинном скутере, предназначенном для стратосферных полетов. Просто пацан! Он тогда был безумнее, чем бешеная обезьяна. Я поехал с ним, потому что я поспорил, что он этого не сделает, и боялся, что он притащит с собой какое-нибудь фальшивое доказательство. И что же? Мы залезли в его скутер, который он как-то хитро переконструировал, пролетели за считанные недели три парсека, ворвались на мегатранспорт, до сих пор не понимаю как, прошли, размахивая игрушечными пистолетами, на мостик и потребовали каштанов. Дурдом! Мне это стоило карманных денег за целый год. И ради чего? Ради каштанов.

— Капитаном был Йуден Врэнкс, потрясающий парень, — сказал Зафод. — Он нас накормил и напоил вещами из самых невероятных мест Галактики, надавал каштанов, конечно, и вообще, мы там здорово провели время. А потом он телепортировал нас обратно. В сектор особой безопасности Бетельгейзской государственной тюрьмы. Отличный был парень. Потом он стал президентом.

Зафод замолчал.

Место, в котором они теперь находились, было

погружено во мрак. Темный туман вился вокруг них, во мгле шевелились слоноподобные тени. Воздух то и дело наполнялся звуками призрачных существ, убивающих других призрачных существ. Вероятно, находились люди, которым хотелось бы за это заплатить.

— Форд, — тихо сказал Зафод.

— Да?

— Йуден приходил ко мне перед смертью.

— Что? Ты мне об этом не рассказывал.

— Да.

— И что же он говорил? Зачем он приходил к тебе?

— Он рассказал мне о «Золотом Сердце». Угнать его было его идеей.

— Его идеей?

— Да, — сказал Зафод. — И угнать его можно было, только присутствуя на церемонии запуска.

Форд секунду смотрел на него, широко раскрыв глаза, а затем расхохотался:

— Ты хочешь сказать, что ты решил стать президентом Галактики только затем, чтобы угнать этот корабль?

— Именно, — ответил Зафод с ухмылкой, за которую многие люди могли бы угодить в запертую комнату с мягкими стенами.

— Но почему? — спросил Форд. — Что в нем такого важного?

— Не знаю, — сказал Зафод. — Я думаю, что если бы я знал, что в нем важного, и для чего он мне нужен, это обнаружилось бы при тестировании мозга, и я бы не прошел. Наверное, Йуден рассказал мне много такого, что все еще заблокировано.

— Значит, ты думаешь, что Йуден поговорил с тобой, и ты взял и наделал чего-то в собственных мозгах?

— Он умел уговаривать.

— Да, но, Зафод, дружище, нужно ведь бережнее относиться к себе.

Зафод пожал плечами.

— Может, у тебя все-таки есть какие-нибудь предположения? — спросил Форд.

Зафод наморщил лбы, и на его лицах отразились сомнения.

— Нет, — сказал он, наконец. — Я, кажется, не позволяю себе проникнуть в мои тайны.

Подумав еще, он добавил:

— И это понятно. Я бы и сам себе не доверял больше, чем на плевок.

Минуту спустя последняя планета каталога исчезла, и они снова оказались в реальном мире.

Они сидели в приемной, уставленной обитой плюшем мебелью, стеклянными столиками и наградами. Перед ними стоял высокий маграТеянин.

— Мыши примут вас сейчас, — сказал он.

Глава 30

— Вот такая история, — сказал Слартибартфаст, делая слабую и неуверенную попытку разобрать ужасающий беспорядок в своем кабинете. Он взял какую-то бумажку из кучи, но не смог найти, куда бы ее положить, и положил ее обратно на ту же самую кучу, которая с готовностью рассыпалась. — Глубокомысленный спроектировал компьютер, мы его построили, а вы на нем жили.

— А потом пришли вогоны и уничтожили его за пять минут до завершения программы, — добавил Артур не без горечи.

— Да, — согласился старик, с безнадежностью оглядывая комнату. — Десять миллионов лет планирования и исследований на ветер. Десять миллионов лет, землянин. ты в состоянии постигнуть величину такого срока? За это время галактическая цивилизация могла пять раз подряд развиться из единственной молекулы. И все исчезло.

Он помолчал и добавил:

— Впрочем, для тебя это просто слова.

— Вы знаете, — задумчиво сказал Артур, — пожалуй, это многое объясняет. Всю жизнь у меня было странное безотчетное ощущение, что в мире происходит что-то огромное, даже зловещее, и никто не мог сказать мне, что это такое.

— Нет, — ответил старик, — это обычная, совершенно нормальная паранойя. Она есть у всех во Вселенной.

— У всех? — переспросил Артур. — Так если это есть у всех, это что-то значит! Может, где-то за пределами той Вселенной, которую мы знаем.

— Может быть. Какая разница? — сказал старик, прежде чем Артур успел разволноваться. — Возможно, я слишком стар и устал, — продолжал он, — но я всегда считал, что шансы выяснить, что же на самом деле происходит, так смехотворно малы, что нужно просто плюнуть на это все и постараться занять себя чем-то интересным. Например, я: я конструирую побережья. У меня есть награда за Норвегию.

Он порылся в свалке и извлек оттуда увесистый кирпич из прозрачного пластика, внутри которого была модель Норвегии, а снаружи начертано его имя.

— И какой в этом смысл? — спросил он. — Я не вижу никакого. Всю жизнь я делал фьорды. В

какой-то момент они вошли в моду, и я получил большую премию.

Он повертел награду в руках и, пожав плечами, отшвырнул безразлично; не настолько, впрочем, безразлично, чтобы она не упала на что-то мягкое.

— В новой версии Земли, которую мы сейчас строим, мне дали Африку. Конечно, я делаю ее с фьордами, потому что они мне нравятся, и я так старомоден, что считаю, что они придают континенту экстравагантность. А мне говорят, что это не экваториальный ландшафт. Экваториальный! — он усмехнулся. — Какое это имеет значение? Конечно, наука многого достигла, но мне больше нравится быть счастливым, чем правым.

— И вы счастливы?

— Нет. В этом-то вся и неприятность.

— Жаль, — сочувственно сказал Артур. — Это была бы хорошая концепция образа жизни.

Где-то на стене загорелся белый огонек.

— Идем, — сказал Слартибартфаст, — ты должен встретиться с мышами. Ваше прибытие на планету наделало много шума. Оно уже объявлено третьим по невероятности событием в истории Вселенной.

— А какие первые два?

— Да так… наверное, просто совпадения, — безразлично сказал Слартибартфаст. Он открыл дверь и подождал, пока Артур пойдет следом.

Артур еще раз оглядел комнату, а потом самого себя и свою одежду, в которой он лежал в грязи в четверг утром.

— А вот у меня, кажется, большие проблемы с образом жизни, — пробормотал он.

— Прошу прощения? — спросил старик, не поняв.

— Нет, ничего, — сказал Артур, — это шутка.

Глава 31

Безусловно, хорошо известно, что необдуманные слова могут стоить многих жизней, но все же не всегда мы можем оценить истинный масштаб этой проблемы.

Например, в тот самый момент, когда Артур произнес: «А вот у меня, кажется, большие проблемы с образом жизни», в ткани пространства-времени открылась случайная дыра и перенесла его слова далеко-далеко во времени, через почти бескрайние просторы космоса, в далекую галактику, где странные воинственные существа балансировали на грани ужасной межзвездной войны.

Шла последняя встреча лидеров враждующих сторон.

Наводящая страх тишина висела над столом переговоров. Облаченный в усыпанные бриллиантами черные боевые шорты командир вл'хургов пристально смотрел на вождя г'гувнуттов, сидевшего на корточках напротив него в облаке зеленого сладковатого пара. Чувствуя, что миллион сверкающих чудовищным вооружени-

ем звездных крейсеров ждет единственного его слова, чтобы разразиться электрической смертью, он ждал, что мерзкая тварь заберет назад свои слова о его мамочке.

Тварь шевельнулась в своем тошнотворно клубящемся пару, и в этот миг над столом переговоров прозвучали слова: «А вот у меня, кажется, большие проблемы с образом жизни».

К несчастью, на языке вл'хургов эти слова звучат, как самое страшное оскорбление, какое можно себе представить, и отплатить за него можно было только развязав многовековую кровопролитную войну.

Через несколько тысяч лет, когда их галактика уже лежала в руинах, они поняли, в конце концов, что все это было ужасной ошибкой, и тогда оба враждующих боевых флота объединили свои остатки с тем, чтобы совершить совместное нападение на нашу Галактику, бесспорно являвшуюся источником обидной фразы.

Еще несколько тысяч лет могучие корабли разрывали огромные космические пространства, чтобы с ревом спикировать на первую планету, встретившуюся на их пути, — ей оказалась Земля, — где вследствие роковой ошибки при расчете масштабов весь боевой космический флот был

случайно проглочен маленькой собачкой.

Те, кто изучает сложные взаимодействия причин и следствий в истории Вселенной, утверждают, что подобное случается постоянно, и мы бессильны это предотвратить. Такова жизнь, говорят они.

После недолгой поездки на аэромобиле Артур и старый магратеянин оказались у какой-то двери. Они вышли из машины и прошли в приемную, уставленную стеклянными столиками и прозрачными пластиковыми кирпичами с наградами. Почти сразу же над дверью в другом конце комнаты загорелся свет, и они вошли в нее.

— Артур! Ты в порядке! — воскликнул чей-то голос.

— Да? Я очень рад, — сказал Артур, вздрогнув от неожиданности.

В комнате был полумрак, и он не сразу разглядел Форда, Триллиан и Зафода, сидевших вокруг большого стола, уставленного экзотическими блюдами, необычными сладостями и причудливыми фруктами. Они уписывали все это за обе щеки.

— Что с вами было? — спросил Артур.

— Да вот, — ответил Зафод, обгладывая жареное мясо с мосла, — наши гостеприимные

хозяева сначала достали нас пустыми разговорами и дурацкими расспросами, а потом решили хорошенько угостить в качестве компенсации. Присаживайся, — пригласил он, подцепляя с тарелки какой-то зловонный кусок, — скушай котлетку из вегского носорога. Она ничего, если тебе нравятся подобные блюда.

— Хозяева? — спросил Артур. — Какие хозяева? Я не вижу.

— Добро пожаловать к нашему столу, существо с Земли, — прозвучал тоненький голосок.

Артур посмотрел вокруг, ища, откуда голос, и вдруг вскрикнул:

— Ой, у вас мыши на столе!

Возникло неловкое молчание. Все с упреком смотрели на Артура, а он смотрел на двух белых мышей, сидевших на столе в каких-то стаканах. Он почувствовал всеобщую неловкость и посмотрел на остальных.

— О, простите! — воскликнул он, поняв свою оплошность. — Простите, я был не готов.

— Позвольте мне вас представить, — сказала Триллиан. — Артур, это мышка Бенджи.

— Привет, — сказала одна из мышей. Она прикоснулась усиками к чему-то, наверное, к сенсорной панели, на внутренней стенке своего

стакана, и он слегка подвинулся вперед.

— А это мышка Фрэнки.

— Привет, — сказала вторая мышь и сделала то же, что и первая.

— Но разве… — прошевелил Артур отпавшей челюстью.

— Да, — сказала Триллиан, — это мышки, которых я взяла с собой с Земли.

Она посмотрела ему в глаза, и Артуру показалось, что она едва заметно беспомощно пожала плечами.

— Передай мне, пожалуйста, тарелку с рубленым мясом арктурского мегаишака, — сказала она.

Слартибартфаст вежливо кашлянул:

— Э-э, простите…

— Да, спасибо, Слартибартфаст, — резко сказал Бенджи, — ты свободен.

— Что? Ах, да… хорошо, — сказал старик, не ожидавший такого обращения. — Я пойду, займусь своими фьордами.

— В этом нет необходимости, — сказал Фрэнки. — Кажется, нам больше не нужна новая Земля. — Он повел своими розовыми глазками. — Теперь, когда у нас есть ее обитатель, который был на планете за несколько секунд до ее уни-

чтожения.

— Как? — воскликнул ошеломленный Слартибартфаст. — Не может быть! У меня уже готова тысяча ледников, которые я собирался разместить по всей Африке!

— Можешь покататься там на лыжах, прежде чем их демонтировать, — съязвил Фрэнки.

— На лыжах? — вскричал старик. — Эти ледники — произведения искусства! Изящные очертания, горделивые пики, величественные расщелины! Кататься на лыжах по шедеврам — святотатство!

— Спасибо, Слартибартфаст, — твердо сказал Бенджи. — Это все.

— Да, сэр, — холодно ответил старик. — Благодарю вас. Прощай, землянин, — сказал он Артуру, — желаю хорошего образа жизни.

Кивнув всем остальным, он повернулся и печально вышел из комнаты. Артур посмотрел ему вслед, не зная, что сказать.

— Итак, — сказал Бенджи, — за дело.

Форд и Зафод чокнулись стаканами.

— За дело! — сказали они.

— Простите? — строго сказал Бенджи.

Форд оглянулся и сказал:

— Извините, я думал, что это тост.

Мыши беспокойно поелозили в своих стеклянных тележках, собрались, наконец, и Бенджи подъехал поближе к Артуру.

— Итак, существо с Земли, — сказал он, — ситуация такова. Как ты знаешь, мы в какой-то мере управляли вашей планетой последние десять миллионов лет с целью выяснить эту злосчастную штуку, называемую Главным Вопросом.

— Зачем? — резко спросил Артур.

— Нет, мы об этом уже думали, — сказал Фрэнки, — не подходит к ответу. «Зачем? Сорок два» — видишь, не клеится.

— Я имею в виду: зачем вы это делали? — спросил Артур.

— А, понял, — сказал Фрэнки. — Ну, если быть бескомпромиссно честным, то, наверное, по привычке. И в этом-то все дело: мы уже по горло сыты всей этой возней, а перспектива начинать все заново из-за этих уродов вогонов доводит меня до судорог, понимаешь? Нам с Бенджи просто случайно повезло, что мы закончили нашу работу и покинули эту планету пораньше, а потом пробрались обратно на Магратею с любезной помощью твоих друзей.

— Магратея является шлюзом для прохода обратно в наше измерение, — вставил Бенджи.

— Где нам уже предложили, — продолжил его коллега, — колоссально выгодный контракт на участие в пятимерном чат-шоу и проведение цикла лекций, который мы весьма склонны принять.

— Я бы принял, а ты, Форд? — подстрекательски спросил Зафод.

— О, да, — ответил Форд, — зубами вцепился бы.

Артур посмотрел на них, не понимая, к чему все клонится.

— Но мы должны предоставить результат, — сказал Фрэнки. — То есть, нам по-прежнему нужен Главный Вопрос в той или иной форме.

Зафод наклонился к Артуру.

— Представь себе, — сказал он, — они сидят в студии, вальяжные, самоуверенные, дают всем понять, что они знают Ответ на Вопрос Жизни, Вселенной и Всего на Свете, а потом сообщают: сорок два. Пожалуй, маловато для шоу, да? И никакого продолжения.

— Нам нужно что-то презентабельное, — сказал Бенджи.

— Что-то презентабельное? — воскликнул Артур. — Презентабельный Главный Вопрос от пары мышей?

Мыши ощетинились.

— Да, я понимаю, идеализм, чистота эксперимента, поиски истины во всех ее проявлениях и прочее. Но приходит момент, когда ты начинаешь понимать, что если истина и существует, то она наверняка заключается в том, что всей бесконечно многомерной Вселенной правит кучка маньяков. И если приходится выбирать: потратить еще десять миллионов лет на то, чтобы в этом убедиться, или взять деньги и свалить, то я, пожалуй, предпочту второй вариант, — сказал Фрэнки.

— Но… — начал безнадежно Артур.

— Послушай, землянин, — оборвал его Зафод, — ты — продукт последнего поколения этой компьютерной матрицы, так? И ты был там до того самого момента, когда твоя планета накрылась, так?

— Э-э…

— Поэтому твой мозг — органическая часть заключительной конфигурации этой компьютерной программы, — сказал Форд, как ему показалось, очень вразумительно.

— Ведь так? — спросил Зафод.

— Ну… — сказал Артур с сомнением. Он никогда не осознавал себя органической частью чего-ли-

бо. Это всегда казалось ему одной из его проблем.

— Другими словами, — сказал Бенджи, подруливая к Артуру в своем стакане, — есть шанс, что структура вопроса закодирована в структуре твоего мозга. Поэтому мы хотим его у тебя купить.

— Что, вопрос? — спросил Артур.

— Да, — сказали Форд и Триллиан.

— За кучу денег, — прибавил Зафод.

— Нет, нет, — сказал Фрэнки, — мы хотим купить мозг.

— Что?

— Вы же говорили, что можете снять с него электронные показания, — запротестовал Форд.

— Конечно, — ответил Фрэнки, — но для этого его нужно вынуть и препарировать.

— Обработать, — сказал Бенджи.

— Измельчить.

— Ну, спасибо, — крикнул Артур, опрокинул стул и попятился в ужасе от стола.

— Ну, мы можем его заменить, — попытался урезонить его Бенджи, — если для тебя это так важно.

— Да, вставим электронный мозг, — поддержал Фрэнки, — какой-нибудь простенький тебе пойдет.

— Простенький!.. — завыл Артур.

— Ага, — сказал Зафод с внезапной злобной ухмылкой, — запрограммируйте его так, чтобы он мог говорить «Что?», «Я не понимаю» и «Где чай?», никто и не заметит разницы.

— Что? — крикнул Артур, пятясь дальше.

— Вот, я же говорил, — сказал Зафод и вдруг завопил от боли, а Триллиан убрала руку из-за его спины.

— Я замечу разницу, — сказал Артур.

— Нет, — сказал Фрэнки, — мы запрограммируем так, что не заметишь.

Форд направился к двери.

— Извиняйте, мышатки, — сказал он, — мне кажется, что сделка не состоится.

— А нам кажется, что сделка состоится, во что бы то ни стало, — хором сказали мыши. Их голоса в один миг утратили свое очарование. Скрежетнув, их стаканы поднялись над столом и поплыли по воздуху к Артуру, продолжавшему пятиться в угол, будучи совершенно не в состоянии соображать.

Триллиан в отчаянии схватила его за руку и потянула к двери, которую Форд и Зафод пытались открыть, но Артур был, как труп, — казалось, надвигающиеся воздухоплавающие грызуны загипнотизировали его.

Она закричала на него, но он только открывал и закрывал рот.

С кряхтением, Форд и Зафод кое-как открыли дверь. За ней стояла кучка безобразных людей, которые, как они могли лишь предположить, были магратейскими головорезами. Не только сами они были безобразны, но и вид медицинского оборудования в их руках далеко не радовал глаз. Толпа двинулась на них.

И вот — Артуру собирались вскрыть череп, Триллиан тщетно старалась помочь ему, а на Форда и Зафода готовились броситься несколько вооруженных душегубов. Учитывая эти обстоятельства, было большой удачей, что в этот момент вся аварийная сигнализация на планете вдруг разразилась оглушительным ревом.

Глава 32

— Опасность! Опасность! — гудели сирены по всей Магратее. — На планету приземлился враждебный корабль. Вооруженные нарушители в секторе 8А. По боевым постам! По боевым постам!

Две мыши раздраженно копошились в осколках своих стаканов, лежащих на полу.

— Проклятье! — бубнил Фрэнки. — Столько суеты из-за какой-то пары фунтов мозгов. — Он бегал взад и вперед, его розовые глазки блестели, белая шерстка стояла дыбом от статического электричества.

— Нам сейчас нужно только одно, — сказал Бенджи, сидя на задних лапках и задумчиво теребя усы. — Нужно попытаться придумать вопрос, который бы правдоподобно звучал.

— Это трудно, — сказал Фрэнки и задумался. — Как насчет такого: «Рыжее и страшное — что это?»

Бенджи подумал.

— Нет, — сказал он, — не подходит под ответ.

Оба замолчали.

— А, может, так, — сказал Бенджи, — «Сколько будет шестью девять?»

— Нет, слишком сухо и прозаично, — сказал Фрэнки, — публика нас не поймет.

Они снова задумались. Фрэнки сказал:

— А если вот так: «Сколько дорог человеку пройти?»

— Хм! — отозвался Бенджи. — Звучит неплохо. — Он поразмыслил над фразой и заговорил обрадованно. — Да! Отлично! Очень многозначительно и не грузит тебя никаким смыслом. Сколько дорог человеку пройти? — Сорок две. Отлично, они непременно поведутся! Фрэнки, дружок, мы сделали это!

И мыши радостно заплясали, взявшись за лапки.

Рядом с ними на полу лежали несколько безобразных людей, на их головах были следы ударов кирпичами из прозрачного пластика.

В полумиле от них, в поисках выхода шли по коридору четыре человека. Они забрели в большой компьютерный зал и озирались по сторонам.

— Куда теперь, как ты думаешь, Зафод? — спросил Форд.

— Наверное, вот сюда, — сказал Зафод и пошел направо, между компьютерным банком и стеной.

Остальные последовали за ним, но он вдруг застыл на месте, а в стену в нескольких дюймах от него с грохотом ударил разряд килобац-энергии.

Чей-то голос сказал через мегафон:

— Эй, Библброкс, стой на месте. Ты на мушке.

— Менты! — прошипел Зафод и развернулся, присев на корточки. — А куда бы ты пошел, Форд?

— Давайте сюда, — сказал Форд, и все четверо кинулись в проход между двумя компьютерными банками.

В конце прохода появилась фигура в космическом скафандре и в тяжелой броне, с килобац-пушкой в руке.

— Мы не хотим убивать тебя, Библброкс! — крикнула фигура.

— Вот и прекрасно! — крикнул в ответ Зафод и нырнул в широкий зазор между двумя процессорными блоками. Остальные скользнули вслед за ним.

— Их двое, — сказал Триллиан, — мы в ловушке.

Они протиснулись подальше за угол, в проход между большим банком данных и стеной. Там они отдышались.

Внезапно воздух вокруг них взорвался разряда-

ми энергии, — оба полицейских начали палить в них одновременно.

— Они же в нас стреляют, — возмутился Артур, сжимаясь в комок. — Мне показалось, что они сказали, что не хотят этого делать.

— Да, и мне так показалось, — согласился Форд.

Зафод с риском для жизни высунул на миг голову и крикнул:

— Эй, вы же сказали, что не хотите нас убивать! — и нырнул обратно.

Они подождали. Через несколько секунд голос ответил:

— А ты думаешь, легко быть ментом?

— Что он сказал? — изумленно прошептал Форд.

— Он сказал, что нелегко быть ментом.

— Ну, так это его проблема.

— И мне так кажется.

Форд крикнул:

— Эй, послушайте! Нам и без вашей стрельбы хватает забот. Если бы вы постарались не сваливать на нас еще и ваши проблемы, нам было бы легче договориться!

Снова пауза, и снова голос по мегафону:

— Слушай сюда, мужик. Ты имеешь дело не с

дебилами, у которых в голове мозгов на двадцать центов, и которые не умеют вести диалог, а лишь только жать на курок! Мы разумные люди, нам не на все наплевать, мы бы тебе, может, даже понравились, если бы встретились в приличном обществе! Я не такой, как некоторые менты, которые мочат людей почем зря, а потом треплются об этом в космических забегаловках! Я мочу людей почем зря, а потом часами в муках совести рассказываю об этом своей подруге!

— А я пишу романы! — громыхнул другой полицейский. — Вот только никто их не печатает, поэтому предупреждаю: я в очень поганом настроении!

У Форда глаза вылезли на лоб.

— Кто это такие? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Зафод, — но, по-моему, уж лучше бы они стреляли.

— Ну, так что, — снова крикнул один из полицейских, — вы выходите сами или мы вас оттуда вышибаем?

— А тебе как больше нравится? — крикнул в ответ Форд.

Миллисекунду спустя воздух вокруг них начал раскаляться от разрядов килобацев, бьющих в закрывающий их компьютерный банк.

Обстрел продолжался несколько секунд с невыносимой мощью. Когда он прекратился, эхо не затухало еще несколько секунд.

— Вы еще там? — крикнул полицейский.

— Да, — откликнулись они.

— Нам это не доставило удовольствия, — крикнул второй полицейский.

— Мы так и поняли, — крикнул Форд.

— Теперь слушай, Библброкс, и слушай внимательно!

— Почему? — крикнул Зафод.

— Потому что то, что я скажу, очень резонно, интересно и гуманно. Либо вы все сейчас сдадитесь, и мы вас отлупим, — маленько, ведь мы убежденные противники бессмысленного насилия, — либо мы разнесем эту планету и, возможно, еще парочку других, которые встретятся нам на обратном пути.

— Но это же безумие! — крикнула Триллиан. — Вы этого не сделаете!

— Почему же, сделаем, — крикнул полицейский. — Разве не сделаем? — спросил он у напарника.

— Сделаем, не вопрос, — ответил тот.

— Но почему?

— Потому что есть некоторые вещи, которые

ты должен делать, даже если ты просвещенный и либеральный мент, знающий все о высоких чувствах и прочей туфте!

— Я им не верю, — пробормотал Форд, качая головой.

Один полицейский крикнул другому:

— Ну что, давай еще?

— Конечно, почему нет?

Бомбардировка возобновилась. Жар и шум были невообразимыми. Компьютерный банк начал понемногу разваливаться на куски. Лицевая сторона его почти вся расплавилась, и густые ручейки расплавленного металла начали заползать в угол, в котором они сидели. Они сгрудились плотнее и стали ждать конца.

Глава 33

Но конец не наступил. По крайней мере, на этот раз.

Обстрел вдруг затих, и во внезапно наступившей тишине раздались какие-то всхрипы и два глухих удара.

Четверо переглянулись.

— Что случилось? — спросил Артур.

— Перестали стрелять, — ответил Зафод, пожимая плечами.

— Почему?

— Не знаю, хочешь пойти и спросить?

— Нет.

Они подождали.

— Эй, вы! — крикнул Форд.

Никто не ответил.

— Странно.

— Может, это ловушка?

— У них бы ума не хватило.

— А что это были за удары?

— Не знаю.

Они подождали еще.

— Ну ладно, — сказал Форд, — я пойду посмот-

рю.

Он посмотрел на остальных.

— И никто не скажет «не надо, давай я пойду»?

Все покачали головами.

— Ну, что ж, — сказал он и поднялся на ноги.

В первый момент ничего не произошло.

Затем, через секунду, снова ничего. Форд всмотрелся сквозь валящий из компьютера густой дым, и осторожно вышел из укрытия. По-прежнему ничего.

В двадцати ярдах слева он разглядел сквозь дым фигуру в скафандре. Полицейский лежал смятой грудой. В двадцати ярдах справа лежал второй. Больше никого не было.

Форду это показалось чрезвычайно странным.

Медленно и осторожно он подошел к первому телу. Оно лежало обнадеживающе тихо, и продолжало лежать так, когда он приблизился к нему вплотную и поставил ногу на килобац, который оно все еще сжимало скрюченными пальцами.

Он наклонился и поднял его, не ощутив сопротивления.

Полицейский был явно мертв.

При поверхностном осмотре выяснилось, что он был метанодышащей формой жизни с Каппы Благулона, полностью зависимой от своего ска-

фандра в разреженной кислородной атмосфере Магратеи.

Крохотный компьютер системы жизнеобеспечения в ранце за его спиной неожиданно оказался сгоревшим.

Форд, в изрядном замешательстве, покопался в нем. Эти миниатюрные ранцевые компьютеры обычно полностью дублировались главным компьютером корабля, с которым они были связаны по суб-эфиру. Такая система была безотказной при любых условиях, кроме всеобщего сбоя оборудования, чего быть просто не могло.

Он поспешил к распростертой фигуре второго полицейского, и обнаружил, что его постигла та же невероятная участь, предположительно одновременно с первым.

Он позвал остальных. Они разделили его недоумение, но не любопытство.

— Давайте-ка сматываться из этой дыры, — сказал Зафод. — Если даже то, что я ищу, находится здесь, то мне оно больше не нужно. — Он схватил второй килобац, расстрелял из него совершенно безобидный бухгалтерский компьютер и выскочил в коридор. Там он чуть было не разнес вдребезги аэромобиль, ожидавший их в стороне.

Аэромобиль был пустым, но Артур узнал в нем

машину Слартибартфаста.

К приборной панели была прикреплена бумажка. На ней была стрелка, указывающая на одну из кнопок, и надпись: «Лучше всего, пожалуй, нажать сюда».

Глава 34

Аэромобиль, со скоростью, превышающей Р17, вынес их по стальному туннелю на хмурую поверхность Магратеи, объятую мглистыми предрассветными сумерками. Сквозь тьму уже проступали пятна призрачного серого света.

Р — это мера скорости, определяемая как приемлемая скорость передвижения, совместимая со здоровьем, психическим равновесием и не более чем пятиминутным опозданием. То есть, совершенно очевидно, что это, в зависимости от обстоятельств, почти бесконечно изменяемое число, поскольку первые два фактора определяются не только скоростью, взятой за абсолютную величину, но и осознанностью третьего фактора. При неосторожном пользовании данная формула может привести к сильному стрессу, язве желудка и даже к смертельному исходу.

Р17 — не фиксированная скорость, но в любом случае, это очень быстро.

Аэромобиль пронесся по воздуху быстрее, чем со скоростью Р17, высадил их возле «Золотого Сердца», белевшего над холодной землей, как

торчащая кость, и стремительно умчался обратно, видимо, по каким-то своим делам.

Все четверо стояли, дрожа, и смотрели на корабль.

Рядом с ним стоял еще один.

Это был полицейский корабль с Каппы Благулона. Он был похож на надувную акулу серо-зеленого цвета и весь покрыт черными шаблонными надписями разной величины и корявости. Надписи извещали каждого, кто удосужился бы их прочитать, откуда был корабль, к какому полицейскому управлению относился и куда следовало подключать питающие кабели.

Он выглядел как-то неестественно темным и безжизненным, даже принимая во внимание, что весь его экипаж лежал, погибший от удушья, в задымленном зале на глубине несколько миль под землей. Это был один из тех загадочных случаев, когда вы не можете объяснить или обосновать свою уверенность, но, тем не менее, безошибочно чувствуете, что корабль совершенно мертв.

Форд почувствовал это, и ему показалось таинственным и странным, что корабль и двое полицейских погибли так внезапно без видимой на то причины. Этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда.

Остальные трое тоже это почувствовали, но еще сильнее они чувствовали пробирающий холод, и в приступе острой нехватки любопытства поспешили на борт.

Форд же остался снаружи и решил осмотреть благулонский корабль. Сделав несколько шагов, он чуть не упал, споткнувшись о неподвижную фигуру, лежавшую лицом в холодной пыли.

— Марвин! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Пожалуйста, не стоит обращать на меня внимания, — раздался приглушенный стон.

— Как ты себя чувствуешь, робот? — спросил Форд.

— Очень подавленно.

— Что-то произошло?

— Не знаю, — сказал Марвин, — я не следил за событиями.

— А почему же ты лежишь лицом в пыли? — спросил Форд, опустившись на корточки и дрожа от холода.

— Это очень эффективный способ скверно себя чувствовать. Не делай вид, что ты хочешь со мной поговорить. Я знаю, что ты меня терпеть не можешь.

— Нет, что ты!

— Да-да, и никто меня терпеть не может: это свойство Вселенной. Стоит мне поговорить с кем-нибудь, и он начинает меня ненавидеть. Меня даже роботы ненавидят. Не обращай на меня внимания, я, пожалуй, пойду.

Он неловко поднялся на ноги и решительно встал спиной к Форду.

— Этот корабль тоже меня терпеть не мог, — сказал он изнеможенно, указывая на полицейский корабль.

— Этот корабль? — навострил уши Форд. — А что с ним? Ты что-то знаешь?

— Он меня терпеть не мог за то, что я говорил с ним.

— Ты говорил с ним? — воскликнул Форд. — Как ты мог с ним говорить?

— Очень просто. Я был так утомлен и подавлен, что решил подойти и подключиться к его внешнему компьютерному разъему. Я долго с ним разговаривал и изложил ему свои взгляды на эту Вселенную, — уныло дребезжал Марвин.

— И что же дальше? — не терпелось Форду.

— Он покончил с собой, — ответил робот и поплелся к «Золотому Сердцу».

Глава 35

В эту ночь «Золотое Сердце» летел, оставляя световые годы между собой и туманностью Конской Головы. Зафод, расположившись под небольшой пальмой на мостике, пытался вправить себе мозги солидными порциями пангалактического бульк-бластера. Форд и Триллиан сидели в уголке, обсуждая жизнь и ее последствия. Артур лежал у себя в каюте и листал фордов экземпляр «Путеводителя по Галактике для автостопщиков». Поскольку ему предстояло здесь жить, рассудил он, пора было начинать знакомиться с местными обычаями.

Вот что он прочитал:

> «История любой галактической цивилизации имеет тенденцию к развитию в три отчетливо выраженных и различимых этапа: выживание, познание и мудрость, известных также, как этапы Как, Почему и Где. Например, первый этап характеризуется вопросом «Как нам чего-нибудь поесть?», второй — вопросом «Почему мы едим?», и третий — вопросом

«Где бы нам пообедать?»

Прочесть больше ему помешала система внутренней связи.

— Эй, землянин, ты есть хочешь? — спросил голос Зафода.

— Да, я бы, пожалуй, перекусил, — ответил Артур.

— Вот и славно, — сказал Зафод. — Потерпи немного, дружок, мы пообедаем в ресторане «Конец Вселенной».